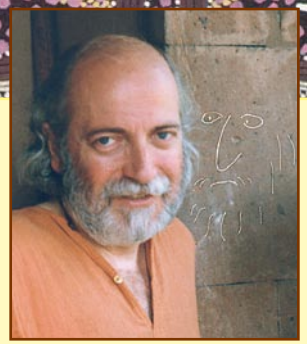

Левон Абрамян родился в 1947. Окончил физический факультет Ереванского университета и аспирантуру в Институте этнографии (теперь Институт этнологии и антропологии) им. Н. Н. Миклухо-Маклая в Москве. Защитил кандидатскую диссертацию по этнологии аборигенов Австралии и Океании. Старший научный сотрудник Института археологии и этнографии Академии наук Армении. Преподает курсы этнологии в Ереванском университете на историческом и теологическом факультетах. Преподавал также в Питсбургском, Колумбийском университетах и Калифорнийском университете в Беркли.

Автор более 130 публикаций, в том числе книг «Первобытный праздник и мифология» (Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1983) и «Armenian Folk Arts, Culture, and Identity» (Bloomington and Indianapolis: Indiana Univ. Press, 2001, соредактор — Нэнси Суизи).

ЛЕВОН АБРАМЯН * БЕСЕДЫ У ДЕРЕВА

SERIES MINOR

ЛЕВОН АБРАМЯН

БЕСЕДЫ У ДЕРЕВА

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР

ББК 82.3(0)
А 16

Абрамян Л.

А 16 Беседы у дерева. — М.: Языки славянских культур, 2005. — 272 с. — (Язык. Семиотика. Культура. Малая сер.).

ISSN 1727-1649
ISBN 5-9551-0055-5

Заметки (беседы), собранные в книге, трудно отнести к какому-либо одному жанру. Их автор — специалист в области культурной антропологии, но назвать их просто антропологическими вряд ли правомерно, хотя профессия бесспорно накладывает на них отпечаток.

В книге в диалогической форме толкуются традиции разных народов в их словесном (пословицы, поговорки, мифологические рассказы) и особенно действенном (поведение, ритуалы, праздники) проявлении. Узкий круг читателей, знакомых с «Беседами» в рукописи или по отдельным публикациям, видит в них философскую антропологию, но скорее это антропология поэтическая. В «Беседах» делается попытка вернуться к состоянию, когда поэзия, магия, наука и искусство еще не были расчленены, но с учетом сегодняшнего состояния знания и нашей необратимой расщепленности.

Книга снабжена подробным указателем.

ББК 82.3(0)

В оформлении обложки использованы знак Близнецов из армянской рукописи XV в. (№ 3884, Матенадаран, Ереван) и картина австралийского художника Каапы Тьямпитьинпы «Змеи Винпаррку» (1974, Художественная галерея Западной Австралии, Перт).

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G•E•C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales on this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки славянской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G•E•C GAD.

© Л. Абрамян, 2005
© Языки славянских культур, 2005

Левон Абрамян

БЕСЕДЫ У ДЕРЕВА

Издатель А. Кошелев

Корректор Е. Зуевская

Художественное оформление обложки
Натальи Прокуратовой и Сергея Жигалкина

Художественный консультант Л. М. Панфилова

Подписано в печать 01.11.2004. Формат 84 x 108 $^{1}/_{32}$.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная.
Уч.-изд. л. 6,89. Тираж 800 экз. Заказ № 4705

Издательство «Языки славянских культур». ЛР № 02745 от 04.10.2000.
Тел.: 207-86-93. Факс: (095) 246-20-20 (для аб. М153).
E-mail: Lrc@comtv.ru

*

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел./факс: (095) 247-17-57, тел.: 246-05-48,
e-mail: gnosis@pochta.ru
Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).
Адрес: Зубовский б-р, 2, стр. 1 (Метро «Парк Культуры»)

Foreign customers may order this publication
by E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru
or by fax: (095) 246-20-20 (for ab. M153)

ISBN 5-9551-0055-5

Содержание

Введение 7
§ 1—207 11
Примечания 179
Литература 206
Указатель 218
Conversations near a Tree 272

ВВЕДЕНИЕ

Беседы, предлагаемые вниманию читателей, стали ложиться на бумагу с начала 1970-х. С промежутками от нескольких дней и недель до нескольких лет они пишутся до сих пор. Вначале я думал, что параграфов будет 365, по числу дней в году. Я уже знал последний — он должен был повторить первый — и думал о дополнительном параграфе на случай, если «Беседы» будут читать в високосном году. Потом я отказался от такого построения, вселив в себя надежду на неспешное «бесконечное» писание и освободив будущего читателя от навязываемого «режимного» чтения. Тем более что годовой цикл «Бесед» был задуман лишь как намек, подтверждение догадки о том, что дерево, у которого ведутся беседы, имеет отношение к мировому древу. К тому же некоторые параграфы или их части отсутствуют, что могло бы создать ложное впечатление значимости тех или иных дней в году. А отсутствуют они потому, что я с самого начала взял себе за правило убирать то, что по той или иной причине покажется мне позже неуместным. Эти места отмечены знаком * * *. Не исправлять, а безвозвратно удалять — имею в виду смысловые куски, а не мелкие языковые огрехи. Таких нехватающих фрагментов не так уж много, так что в целом здание, надеюсь, не рассыпается в невосстановимые руины. Отдельные высказывания, с которыми со временем не соглашаешься, могут оспариваться в последующих беседах.

Кто и с кем ведет беседы у дерева? Прежде всего это беседы с самим собой, но также со всеми, кто задает вопросы или может

дать на них ответы. Поскольку я этнолог, моими собеседниками часто оказываются люди иных культур. Хотя беседы у мирового древа могут напомнить поучительные беседы учителя с учеником, на самом деле это не так: учитель и ученик постоянно меняются местами. Беседы имеют также свой прообраз в жизни. Многие из них, особенно ранние, являются отзвуком бесед, которые мы вели с Варданом Айрапетяном до и во время писания этой книги. Именно он убедил меня начать писать то, что позже оформилось в виде «Бесед», хотя далеко не со всем в них он, наверно, согласен. Беседы с Айрапетяном важны для меня еще и тем, что он филолог — «любящий слово», я же как этнолог, больше имеющий отношение к делу, должен в идеале быть филургом — «любящим дело», поэтому не могу не пользоваться словами филолога и мыслями философа — «любящего мудрость», своих предшественников в культурной триаде «мысль, слово, дело». Однако в природной (исходной) триаде «дело, слово, мысль» я порой остаюсь один на грани человеческого (культурного), мне не на кого оглянуться, не с кем вести беседы.

Поскольку беседы ведет филург, в ряду параграфов могут найти место рисунки и полотна, кинофильмы, события или временные отрезки, возможно и другие филургические реалии, пока не ставшие темой бесед у дерева. Книга снабжена подробным указателем, который фактически является другим способом разбивки текста на параграфы, приближающим его к филургическому словарю; такой словарь я надеюсь составить когда-нибудь в будущем.

Автор выражает благодарность Левону Дер-Бедросяну (Сан-Франциско) и Рудольфу Хачатряну (Москва) за финансовую поддержку издания. Автор благодарит также директора Матенадарана Сена Аревшатяна за разрешение воспроизвести знак Близнецов из рукописи № 3884 (Матенадаран, Ереван), Энтони Уоллиса (Агентство художников-аборигенов) и Робина Уолтона (Художественная галерея Западной Австралии, Перт)

за разрешение использовать картину Каапы Тьямпитьинпы «Змеи Винпаррку» (1974, холст, синтетические полимерные краски, 124 × 78 см, дар Фонда Ротманс, 1989, собрание Художественной галереи Западной Австралии). Особая благодарность — Вардану Айрапетяну за редактирование текста.

1. Поляна, замершая в знойный полдень. Но вот пробежал ветерок — и зашелестели листья, зашевелилась трава, задвигались тени.

Поляна ожила.

2. * * *

3. Все движущееся мы склонны воспринимать как живое. Котенок играет только с движущимся клубком — как с живым. В опытах профессора Гржимека звери сперва принимали своих резиновых собратьев за живых и пытались играть с ними, но когда те ничего не делали в ответ, они быстро теряли к ним всякий интерес.

4. — Но ведь птицы, выискивая себе добычу, не трогают вкусных гусениц, замаскировавшихся под злых ос. Значит, они принимают их за ос, и не потому, что эти гусеницы летают как осы, а потому, что они просто похожи на них.

— Да, это верно. Но птицы, прежде чем поддаться обману хитрых гусениц, уже пробовали на вкус жалящих ос. Все зависит от того, кто первым попался на обед, оса или гусеница. Говорят, что иные невезучие птицы, съев впервые вкусную гусеницу, на следующий день вдруг встречают осу, но потом им вновь попадается гусеница, и т. д. И так они могут прожить всю жизнь, неуверенные в своем обеде.

— Значит, они видят скрытое действие?

— Да, это так. Хотя птица, конечно, вряд ли чередует таким образом гусениц и ос. Она сперва поедает много гусе-

ниц, потом вдруг встречает осу, но после вновь ее обед составляют одни лишь гусеницы, пока новая оса не ужалит ее, и т. д. Всё же мы более злопамятны, чем забывчивы — иначе, пока мы будем привыкать к смертельным опасностям, подстерегающим нас повсюду, земля успеет опустеть.

5. — Столь непохожий на волка Фарли Моуэт, отметив поволчьи свои владения, был тут же принят волками за своего; с тех пор они свято соблюдали волчьи законы суверенитета. Но ты можешь возразить, что Фарли Моуэт подражал не тому, как волки мочились, а тому, что они просто мочились. Он, скажем, не становился на четвереньки и не поднимал характерно ногу, да и мочился тайком от волков, когда те были на охоте. Еще ты можешь сказать, что Моуэт мог бы сидеть перед волками и синтезировать в колбе мочу, а потом метить ею свои границы, нагло поглядывая на озадаченных волков. Значит, он подражал моче, а не волкам. Да, но волки, почуяв метки на камнях, тут же оставили свои метки, но с другой стороны камней. То есть они восприняли это как появление нового волка, который *так же* как они метит свои границы. Волки помнят о своих действиях, и поэтому моча Моуэта воспринимается ими как его действие.

6. — Бесплодная женщина избавится от своего недуга, если помочится на крыше дома, где недавно родился первенец,— конечно, тайком от хозяев дома, потому что этим она может навлечь бесплодие на роженицу.

— И ребенок и моча находились в женском чреве. Но чтобы оно смогло зачать, моча должна *выйти* оттуда как ребенок.

— Но моча это тот «неребенок», который изгоняется из чрева, и именно она передает бесплодие роженице. Избавившись от этого «неребенка», очистившееся чрево, разверзшись над плодоносным чревом роженицы, получает чудесные свойства. В другом ритуале бесплодная женщина несколько раз перепрыгивает через еще не принявшую покойника могилу. В прыжке

два чрева, две разверстые могилы максимально уподобляются друг другу. Но одна из них скоро забеременеет.

— Или же бесплодие отдается убитому, не получившему причастия, — если помочиться на его могиле «в руках и ногах». Моча-«неплод» посылается непричащенному покойнику в руки и ноги, чтобы тот взял его и унес с собой в ад.

7. — Вообще женская моча обладает сильными вредоносными качествами. Кустик, который отказался помочь женщине из микронезийской легенды, был наказан за это — женщина помочилась на него и побежала дальше. Но эта месть страшна не только тем, что кустик был залит зловонной жидкостью: желая проучить его, женщина присела над ним, и кустик на мгновение оказался под разверстой могилой. Славные ламии у Апулея тоже расставили ноги над лицом злосчастного Аристомена. Эти яростные ламии не растерзали его и не оскопили, ведь он еще не выполнил своей миссии; они просто накрыли его на время могилой.

— «Если баба перешагнет через хомут или оглоблю, то тяжело будет лошади.» Здесь тоже женщина перешагивает через свою жертву.

8. «От мора и болезней хозяин опахивает двор сохою на жене, а бабы на себе опахивают деревни, раздевшись донага.»

— Земля вспахивается, то есть в ней открываются бесчисленные ямки, куда должна сгинуть болезнь. И делают это женщины, сняв с себя одежду. Всякое раздевание, будь то смелый вырез бального платья или взмах юбкой в танце, это частичное обнажение лона, самого скрытого места женщины. Но бабы здесь раздеваются донага и на себе опахивают деревни. Для болезней нет больше места на земле: снизу и сверху их подстерегают два лона, две могилы, которые поглотят их безвозвратно. Оказывается, и кустик и Аристомен были наказаны самым ужасным способом — лоно поглощает даже мор и болезни, практически всё. Недаром говорят: «накрылся п.....». * * *

9. * * *

10. Как бы описал в своем дневнике наблюдатель из § 2 поведение теней? Возможно, в его стране нет теней. Написал бы он о таинственной неразлучности двух сущностей колышимых ветром трав — плотной светлой и тонкой темной?

11. «Если у одного из сидящих за кутьей нет тени, то он скоро умрет.»

Такой человек не жилец на этом свете — на земле все вещи должны отбрасывать тень. Можно убить тень и этим уничтожить ее обладателя. Поэтому армяне проклинают: *Švak'd ktrvi!* «Да сгинет твоя тень!»

«Не будешь ли ты так добр подумать над вопросом: что бы делало твое добро, если бы не существовало зла, и как бы выглядела земля, если бы с нее исчезли тени? Ведь тени получаются от предметов и людей. Вот тень от моей шпаги. Но бывают тени от деревьев и живых существ. Не хочешь ли ты ободрать весь земной шар, снеся с него прочь все деревья и все живое из-за твоей фантазии наслаждаться голым светом?..» * * *

Или же существо, не имеющее тени, — это дьявол, выходец с того света. * * *

12. «Незабываемое утро 1911 г.»*

13. В кадрах первого сна «Земляничной поляны» на земле шевелятся тени от невидимых деревьев, и у зрителя возникает тревожное чувство.

В § 12 не все тени имеют своих обладателей, обитающих, видимо, за рамкой. Но эти тени такие же, как у изображенных фигур, и может оказаться, что герои уходят из картины и самое важное совершается з д е с ь, рядом со зрителем.

14. Наблюдатель из § 2 нагнулся над ручьем чтобы напиться и вдруг увидел свое отражение. Возможно, он приехал из

* См. рис. на с. 15 (*прим. ред.*).

Незабываемое утро 1911 г.

страны, где все ручьи мутные и где нет ничего блестящего. Кто же глянул тогда на него из ручья?

15. «Ребенку не показывать зеркала, чтоб не был пуглив.»

Ребенок сперва не узнаёт своего отражения и заглядывает за зеркало. И еще он может испугаться своего двойника. Обезьяна тоже заглядывает за зеркало, впадает в гнев и еще долго угрожает своему двойнику кулаками, когда зеркало уберут.

В воде источников или где-нибудь вблизи, в корыте, где купают новорожденного, или в кружке, из которой пьют воду, живут таинственные злые существа — *к'аджк'и* (*k'ǎǰk'*). Они наши злые зеркальные отражения и делают всё наоборот. Они даже ходят вперед пятками — обычно так, по следу, их и распознают.

Может быть, в глубине души мы не любим, чтобы нас передразнивали? Только клоуну мы великодушно позволяем делать это, но клоун — отражение в кривом зеркале.

Может быть, поэтому в дуалистических космогонических мифах близнец, наделенный злым началом, обычно неудачно подражает своему благодетельному брату?

В финской легенде говорится: «Прежде чем появилась земля, стоял бог на золотом столбе посредине моря. Когда он увидел в воде свое отражение, сказал он: “Вставай”. Это был черт.»

Черт всё делает наоборот. И те, кто служит ему, тоже поступают так. Достаточно перевернуть слово «раб» в выражении «раб божий» — «пар божий», чтобы получить черный заговор. Во время черной мессы служба читается с конца, и священник благословляет не правой рукой в воздухе, как обычно, а левой ногой на земле.

Если я поднимаю правую руку, мой двойник в ручье поднимает левую. Убийца в одной книге Агаты Кристи не учла этого, когда перед зеркалом готовилась к своей мрачной роли, и это выдало ее.

Такая особенность поведения нашего двойника получила отражение в многочисленных противопоставлениях правого и лево-

го: от обычая сплевывать через левое плечо, потому что там дьявол, а ангел-хранитель у правого бока, до приметы «Правая ягодица чешется — к болезни и печали, левая — к корысти».

16. И как тени неразлучны с предметами, так всякое существо должно иметь своего двойника.

— Как бы мы восприняли человека, не отражающегося в зеркале? Это страшнее, чем если бы он не отбрасывал тени.

Если убить двойника, то умрет связанный с ним человек, поэтому черный маг пронзает сердце вольта, а разбитое зеркало — к смерти. Говорят, в детстве я боялся фотографироваться: застывший, мертвый снимок означал бы и мою смерть.

Но наши зеркальные двойники более живучи, чем мы. Отражение покойника могло бы долго еще жить в зеркале, когда покойник уже надежно придавлен тяжелым камнем в могиле. К счастью, мы завешиваем все зеркала, пока он еще не ушел из дома.

17. «Не всматривайтесь в старые зеркала.»*

18. Однако не бывает отражения без того, что́ отражается. Злая мачеха видит в своем волшебном зеркале не праздные картинки — там отражаются вещи, которые происходят на самом деле, только где-то в другом месте. Девушки во время гадания видят в зеркале что-то, чего еще не было и пока нет; значит, это б у д е т, ведь просто отражения не бывает.

В § 17 у грустного ангела крылья прорисованы пальцем на пыльном зеркале. Но если проследить за его последовательными отражениями в зеркалах, то окажется, что изгиб у буквы тау такой, как если бы ангел на самом деле стоял перед зеркалом.

19. Когда на древнее зеркало из танского рассказа падали лучи солнца, все изображения и знаки на его обратной стороне отчетливо выступали из тени, отбрасываемой зеркалом. Но это

---

* § 17 — графическая работа, отсутствующая в тексте (*прим. ред.*).

волшебное зеркало. Оно объединяет в себе законы § 11 и 16, и девушка-лиса не может сохранить перед ним свою личину.

В § 12 центральная фигура отбрасывает тень, в которой просвечивают части решетки парадной двери, как танское зеркало отразило суть девушки. Но в отражении решетки не хватает инициалов.

В § 17 бессмертник с горного пастбища может и отражаться и бросать тень на зеркало.

20. «Я стою за деревом и наблюдаю за собой.»

— Но что ты имеешь в виду, когда говоришь «я» и «собой»? Каков этот свой образ?

21. Предположи, что у старого слепца объявляется единоутробный брат — вылитая копия, о существовании которого он и не подозревал. Желая сделать старику сюрприз, мы подводим к нему его двойника и лукаво спрашиваем: «Кто это?» Узна́ет ли себя старик в своем брате? Ведь он специально не ощупывал себя. Он и так знает, что он — это он. Но он может узнать отдельные знакомые детали. «У него, пожалуй, так же оттопырены уши», — задумчиво бормочет он. * * * Но он никогда не узнает руку, посредством которой происходит узнавание.

22. «Каков я из себя?» — говорю я и смотрюсь в зеркало. «А где же мой затылок?» — и я тщетно скашиваю глаза и верчу в руках зеркало. Правда, я могу соорудить хитроумное устройство из зеркал, при помощи которого увижу себя со всех сторон.

Но у нашего далекого предка не было такого устройства. Отражение подстерегало его в ручье, когда он наклонялся, чтобы напиться. Оно поджидало его в любой луже и было то четким, то еле различимым. И стоило подуть ветерку или упасть листу, как оно уходило кругами и распадалось.

Образ нашего «я», это «другое я» в чем-то нечетко и всегда может расплыться, хотя мы и говорим самоуверенно: «Я такой-то» или «Я не такой-то».

23. Представь себе ребенка, чью колыбель отец-зеркальщик окружил сложными системами зеркал и голографических устройств.

Каким будет его «я»? Не подверженным изменениям? Более четким и осязаемым?

Или представь себе племя, члены которого способны окидывать взглядом все уголки своего тела. Мы подслушали, как один из них говорил другому: «И тогда я сказал...» Но поняли ли мы, что он имел в виду, когда говорил «я»?

24. — Но мы видим окружающих нас людей прежде чем начинаем изучать себя в зеркале. И наше «я» — это скорее «другие».

— Тогда «я» человека, воспитанного волками, это волк? И откуда мы знаем, что у него есть такое «я»? Он волк, и мы ничего не можем сказать о его «я».

Но слепец из § 21 знает свое «я», хотя никогда не видел ни себя ни других людей; во всяком случае он употребляет это слово. Значит, его собственный образ как-то создался у него, когда он обучался языку.

25. Ты видел сон, как с какими-то людьми делал что-то. Проснувшись, ты пытаешься вспомнить, как они выглядели. И это тебе более или менее удается. Но вот что было на месте тебя самого? Можешь ли ты вспомнить *себя* во сне?

В абхазском и абазинском языках лишь первое лицо не различает грамматических классов.

Когда я говорю: «Я делаю...», мне не надо уточнять, кто я, женщина, мужчина или что-то другое. Я чувствую *себя* в этом «я», как во сне вижу себя.

Но в русском мы говорим: «я сделал» и «я сделала». Всякое сделанное, свершившееся — это уже не совсем «мое», это нечто оставшееся после меня, некий след, по которому может пойти любой следопыт. Мы часто воспринимаем свое прошлое как

происшедшее с другим человеком или, потеряв память, не верим рассказам о себе.

26. В английском языке для выражения будущего времени в первом лице употребляются слова с первоначальным, забытым уже значением долженствования, а в других лицах со значением хотения.

Я знаю, что я буду делать и что буду делать, но не могу сказать этого о других и потому употребляю слова, несущие оттенок неуверенности. Если же я не уверен в своих будущих действиях, я говорю «I will do»: использовав «его» слово «will», я как бы на мгновение становлюсь чужим себе человеком и не вполне уверен, как поступил бы этот «он-я». Естественно, что для него в сходных ситуациях я употребляю «мое» слово «shall».

27. — Почему в § 20 я наблюдаю за собой, а не наблюдаю за «я»? Или одного «я» здесь недостаточно? Ты хочешь возразить, что все дело в падежах? Но ведь уже то, что «наблюдать» применено к слову «себе» — а обычно мы наблюдаем «внешние» вещи, — говорит о том, что, не сознавая того, мы видим в себе что-то от чужого.

Что мы чувствуем, когда говорим «я сам»? Есть ли кто-либо еще рядом с «я»? Похоже ли это на сон, когда ты видишь себя делающим что-то и в то же время ты — тот, кто непосредственно делает и радуется и страдает?

— Но мы говорим: «Я это сделаю сам». Может быть, этим «сам» мы как бы отграничиваем себя от других, делаем ненужной их заботу? Или утверждаем свой эгоизм? «Я сам это сделаю!» Замыкаемся в себе?

Если мы видим, как нечто движется непонятным образом, и не можем обнаружить выходящих из него веревочек, мы говорим: «Оно идет само по себе». И если вдруг нас спросят, что мы понимаем под этим, то, наверно, мы представим себе что-то вроде запрятанных в глубине механизмов.

— Иногда я остаюсь наедине с собой. Или говорю сам с собой. Предположи, что наблюдатель из § 2 случайно подслушал, как мы в беседе употребили эти выражения. Он может подумать, что есть кто-то, с кем я иногда остаюсь и говорю.

В языке этот «другой» постоянно присутствует, хотя мы и привыкли к нему и не замечаем его.

28. Я могу закрыть глаза и «увидеть» дерево, у которого мы сидим, ручей, который бежит у наших ног, тебя, задумавшегося над чем-то. Но при желании я эти образы могу привести в движение — вот ты поднялся с места и направился к ручью напиться, я спрашиваю тебя о чем-то и слышу твой ответ, и т. д. Но могу ли я говорить с собой? Ты прав, это очень странный разговор. Как-то мне рассказывали о человеке, который в одиночестве играл с самим собой в шашки — он даже вставал каждый раз с места и подходил к доске со стороны противника. Но ставил ли он свою шашку под удар, тайно надеясь, что «противник» не заметит этого хода и не возьмет фук?

Не будет ли ответ «другого я» таким же, как ответ ребенка, когда, забавляясь, мы спрашиваем его: «Боба, как тебя зовут?»

29. Другой в «я», в чем-то смутно связываемый с зеркалом, должен иметь что-то непонятно плохое, вредное. Но мы говорим иногда себе: «Ничего, брат!» — как бы ласково хлопаем себя по плечу.

Правда, наше отражение плохое: где у нас правое, там у него левое, и оно еще имеет противную привычку передразнивать нас. Но мы не можем обойтись без него, мы ждем его в любом зеркале.

Жених и невеста смотрятся в одно зеркало, их зеркальные двойники улыбаются, их головы почти соприкасаются, пусть же и молодые всегда будут вместе. А если кто-либо увидит себя отраженным в воде, то пусть произнесет: «Да будут у меня свет, сила, слава, богатство, доброе дело», потому что надо, чтобы мой двойник услышал заклинание и не получилось бы, что я буду делать добро, а он нет.

И потом случилось ведь так, что Нарцисс полюбил свое отражение, приняв его за другого.

Может, из-за такого двойственного отношения к своему двойнику некоторые народы радуются, когда рождаются близнецы, и поклоняются им, а другие безжалостно убивают обоих или одного из них.

30. Можем ли мы говорить с тем другим, кто смутно угадывается в себе? Предположи, что ты задаешь ему вопрос. Но в ответ он молчит. Ведь он в то же время и ты, и его ответ тебе уже известен, как на самом деле ты ничего не приобретаешь, когда твоя правая рука дает что-то левой.

Правда, иногда мы слышим внутренний голос, но это так необычно, что мы со смехом рассказываем об этом в забавных историях или обращаемся к врачу.

Как-то я видел, что один человек разговаривает сам с собой, и, видимо, другой, сидевший в нем, говорил мерзкие вещи, потому что он бормотал себе что-то под нос, а потом вдруг, изменившись в лице, резко поворачивал голову в сторону и возмущенно отвечал что-то, беззвучно шевеля губами.

Во время коллективного монолога ребенок говорит вслух. Но к кому обращена его речь? Он не ждет ответа от окружающих его детей, но, может быть, эти другие помогают ему четче чувствовать «другого» в себе? Но «другой» тоже он, и ребенок ищет в нем знакомые черты, родное звучание языка родителей, поэтому он меньше говорит в обществе иноязычных детей. И потом этот «другой» должен уметь отвечать, хоть он и молчит, но возможность ответа таится уже в том, что присутствующие дети говорят, поэтому в обществе глухонемых детей ребенок больше молчит.

Позже, засыпая, он может уже говорить вслух один, другие ему уже не нужны, он даже избегает их, и только спрятавшись можно подслушать, что́ он говорит.

31. На каждый наш вопрос этот «другой» молчит. Но, может быть, в его молчании мы угадываем недоверие к сказанно-

му? И потому пытаемся доказать свое высказывание? Мне не надо себе ничего доказывать, доказывают лишь чужому. Но этот незримый другой, глубоко сидящий во мне, обладает абсолютным знанием — я чувствую его молчаливый ответ, не успев еще оформить свой вопрос. * * *

То вредное, что досталось ему от зеркала, не позволяет ему поверить мне. Он — «чужой», а мои родные верят мне, не требуя доказательств.

(Может быть, поэтому змей способен и искушать и обладать абсолютным знанием?)

Он снова молчит в ответ, и мы снова доказываем свои слова, и это продолжается пока все не станет на свои места и ему нечем будет возразить.

Не так ли возникает любое логическое заключение?

32. — Я вижу, как бабочка, сидевшая на ветке, вспорхнула и улетела. И я могу описать тебе это. Описание — это путь. Я могу описать, как бабочка сидит на цветке, но тогда вокруг цветка движутся мои глаза.

— А если бабочка вечно сидит на своем цветке, а ты прикован неизлечимой болезнью к своему месту, — как тогда ты опишешь мне эту бабочку?

— Возможно, я обойду вокруг нее мысленным взором, и это снова будет путь.

— Но я хочу, чтобы ты сказал что-то не связанное с путем, что-то вроде «Есть бабочка».

— Но во всех вещах, которые есть, мы склонны видеть прошлые движения. В каждой горе и в каждом озере скрыты прошлые драмы, и Млечный Путь это когда-то разбрызганное молоко, а этот красивый цветок — воспоминание о несчастном Нарциссе. За покоем бытия скрыты беспокойные действия Создателя или содрогания мирового яйца.

Но, возможно, ты не хочешь знать всего этого, ты просто твердишь: «Что-то есть! Что-то есть!» Но твой язык — это

желобки, по которым ты катишь шары и не желаешь видеть их движения.

Наша внутренняя речь состоит из одних сказуемых — мы сокращаем всё, кроме действий, чтобы возможно было описание.

Те, кто знает вечный покой, не нуждаются в описаниях.

33. Я закрываю глаза и «вижу» снова тебя и дерево, у которого мы сидим. Но вот я вижу сон, и уже ты и дерево — это одно. Я не отдаю себе отчета, как это могло произойти, но знаю, что дерево, у которого я сижу, это неуловимым образом и ты.

Наши образы бестелесны, но они строго следуют законам своих прототипов. Но стоит нам уснуть, как они тут же начинают действовать сообразно собственной природе. Они могут накладываться как тени, и как тень это гость из двумерного мира, так наши мысленные образы это представители какого-то странного мира, где все вещи такие же, но только могут иногда занимать одно место.

34. Мы привыкли к своей тени и даже не можем обойтись без нее.

«Тень — подчеркивает тела и их формы. Формы тел не дадут понятия об их качестве без тени», — учил Леонардо.

Представь себе, что слепец из § 21 внезапно прозрел и случилось это в комнате геометра. Как бы он воспринял фигуру ? Увидел бы он в ней объем кубика? Или для этого нужно видеть каждый день затемненные кубики? Ведь есть люди с полным отсутствием пространственного воображения.

Может быть, для нас вещи тоже потеряли бы что-то, возможно что-то очень существенное, если бы вдруг лишились своих бестелесных образов?

Что мы чувствуем при занятиях математикой, когда мы не задумываясь накладываем один на другой бестелесные образы?

«Математика царица наук, — хвастаемся мы, — она имеет дело с самыми отвлеченными вещами.» Математические симво-

лы более самостоятельны, чем образы плотных предметов, поэтому они ведут себя, как того требует их природа.

Но представь свой ужас, если ты вдруг увидишь, как я подошел к дереву и сливаюсь с ним. * * *

35. — Когда мы изучаем, как сталкиваются шары, мы из двух решений выбираем то, согласно которому шары, столкнувшись, расходятся. Мы отбрасывем другое решение, ведь шары не проходят один сквозь другой. А если мы хотим описать сон об их столкновении, должны ли мы обратиться к другому решению?

— Но образы шаров тоже могут лишь частично проникнуть один в другой или же слиться в один шар — о каком столкновении ты будешь тогда говорить? И еще представь себе, что сталкиваются не шары, а происходят более сложные вещи, и чтобы выбрать разумные решения, мы вынуждены отбросить множество других. Как же ты опишешь «столкновение» этих образов? Ведь каждый раз — в каждом сне — реализуется лишь какое-либо одно случайное сочетание решений. И чему соответствуют мнимые решения?

36. Мы так привыкли к тому, что во сне вещи могут занимать одно место, что иногда переносим это свойство на реальные предметы. Так случилось с девушкой Цянь-нян из танского рассказа, когда она и ее душа, убежавшая некогда с любимым, соединились и превратились в одну Цянь-нян, но одетую в два платья. И «душа, расставшаяся с телом», достаточно материальна, она даже родила двух сыновей за время разлуки.

37. Но гораздо чаще образы слепо повторяют действия своих прототипов. Образы шаров слишком прочно связаны с материальными шарами, они так же тяготеют к гулким столкновениям и лишь иногда сбрасывают свои личины и лисой убегают в лес.

Нам трудно перевоплотиться во что-либо, что-то мешает нам как хвост русалки и тянет назад.

Один мой знакомый видел во сне, как он маслиной лежал на столе, а кругом сидели его друзья и готовились закусить им — маслина была единственная и очень большая. Он хотел крикнуть: «Братцы, да это же я!», но не мог. Тогда он посмотрел на себя сверху вниз и увидел, что там, где должны были быть шея и плечи, в мякоти маслины с двух сторон находились срезы, по линии напоминавшие переход шеи в плечи. И он чувствовал фактуру этих срезов до мельчайших прожилок.

В отчаянии он глянул на себя, но эти странные срезы — последнее, что в нем осталось от человеческого облика.

38. Я видел во сне, что я превратился в дерево. Но как это произошло? Я пытаюсь вспомнить и не могу. Может быть, я просто не помню об этом?

Во сне бестелесные образы заняли одно место, их не связывает путь, и я не могу описать свое перевоплощение.

Я не могу описать также «смену картин» во сне. «Я был там-то с теми-то, а потом вдруг оказался в другом месте и с другими людьми.» Так у Хлебникова в «Чортике» появляются и исчезают действующие лица, и мы то находимся у здания кн. Дашковой, то на болоте или в чайной. Правда, герои идут мимо озера, кладбища, по пустырю, но этот путь условен, он введен как бы для того, чтобы смягчить внезапные переходы, как иногда мы «вспоминаем», что во сне вошли куда-то через дверь — мы помним дверь, и так нам проще объяснить свое появление.

В описаниях такого рода на долю перемещения или перевоплощения приходятся лишь слова вроде «вдруг», «почему-то».

39. Иногда можно воплотиться одновременно в несколько вещей, как предмет может иногда отбрасывать несколько теней. Так мой друг дважды видел во сне, что он находится среди толпы, первый раз на лужайке, второй в комнате, но эта толпа состояла из него самого, только в разные годы. Там были маленький мальчик в коротких штанишках и уже взрослый мужчи-

на, кто-то примерно того же возраста, что и мой спящий друг, и многие другие. Каждый из них покрикивал на другого, пытался быть главным, но кто-то и в самом деле должен был быть там главным, настоящим — так подсказывал чей-то бодрствующий голос. Когда же мой друг заснул глубже, эти поиски «настоящего я» прекратились и все вновь стали равноправными.

40. И как предмет может иногда бросать несколько теней, сходящихся и расходящихся в зависимости от источника света, так во сне мы можем воплотиться в несколько вещей, враждующих между собой, переходящих друг в друга и т. д.

Я хочу рассказать тебе сон, который я видел когда-то, я приведу его весь, потому что я много думал о его тайном смысле и этот сон тогда помог мне выйти из сомнений.

Я шел по скрипящему гравию, а серый облезлый кот забегал вперед, заглядывал мне в глаза, ловко выскальзывал из-под моих ног, оглядывался и заглядывал мне в глаза гадким порочным взглядом; я старался не обращать на него внимания, а он снова забегал вперед и заглядывал мне в глаза, и когда я подумал: «Пора», он прыгнул мне в лицо, и мы долго боролись за мой глаз. В волнении я проснулся, но скоро снова заснул и увидел, что уже прибыл на место и со мной были еще какие-то люди, кто — не помню. Оказывается, я шел к великому плотнику, который теперь танцевал перед нами грозный танец многорукого Шивы. И этим плотником был я. А потом я превратился в тигра и антилопу, и запах моей выжженной шкуры пугал и парализовал меня, а нежное тело антилопы заставляло меня забыть всё на свете, и в то же время я смотрел на эту сцену из угла комнаты и мне было страшно и странно, а прыгнув на жертву, я снова стал единым и снова великим плотником, и всё оставлял людям; боясь моего гнева, к моему креслу на цыпочках подошел мой бородатый сын и я благословил его и мою красивую жену и остался один, всё отдав, всё благословив, погрузившись в покой и бездействие...

Тогда я еще не знал о Вишвакармане — великом плотнике. Но у меня осталось чувство, что, будучи плотником, я мог сделать всё. Я был настоящим великим плотником и чувствовал слегка насмешливые, прищуренные глаза мастера, когда из его рубанка вьется кружевное золото стружек. Позже я вспомнил, что мой сын, которому я отдал красавицу-жену, был тоже я. И всё это мне суждено было увидеть глазом, за который мы смертельно дрались с котом.

41. Когда мы спим, но не очень крепко — вспомни, как иногда ты контролируешь происходящее: «Это всё сон!» — будто бы твердит кто-то тебе на ухо, — и нам надо почему-либо вступить в общение с какой-нибудь букашкой, мы обычно вспоминаем себя большими, а букашку крохотной. Но вот больше нет этого назойливого голоса, а мы продолжаем общаться с нашей букашкой. Внезапно проснувшись, мы хотим вспомнить, как это происходило — не пытайся ничего описывать, просто вспомни себя и букашку, — но мы уже не помним себя великаном, склонившимся к букашке, и не то что мы уменьшились или букашка набухла, наше общение было естественным и нас не занимал вопрос о нашей масштабности.

42. Когда ребенок хочет нарисовать девочку и домик, он рисует

и его не интересует, что настоящий дом не может быть таким маленьким или настоящая девочка такой большой. В его рисунке дом и девочка, выйдя из плотных оболочек, встретились своими внутренними значениями, эти образы еще не следуют рабски за своими прототипами.

В рисунке ребенка как бы встретились души девочки и дома.

43. Так строит свои истории сказочник. И когда из подворотни вылезает страшный и усатый тараканище, зачарованный слушатель даже не обращает внимания на слово «великан» — ведь таракана испугались и крокодилы, и слоны, и комарики. И только здравомыслящий воробей расставляет вещи согласно их масштабу.

И когда женщина из тробрианской легенды поручила своему клитору охранять земляную печь, она не думала о его малости. Клитор смело вступает в борьбу с белым какаду, хотя каждый раз оказывается опрокинутым на спину. Клитор и какаду могут вступать в общение — они достаточно независимы от своих прообразов, но все же не настолько, чтобы быть равными в силе. Из-за малой величины и беззащитности настоящего клитора какаду удается в легенде легко одолевать его и похищать охраняемую пищу.

44. Во сне нас не беспокоит то, что вещи сопоставляются своими сущностями, что они все приведены к одному масштабу. Но когда мы хотим рассказать свой сон, мы добавляем: «И тогда я вдруг стал очень маленьким». Может быть, магические средства для увеличения и уменьшения роста в волшебных сказках появились чтобы как-то объяснить свободное общение с великанами и с самыми крохотными существами?

45. Души вещей, встретившись, могут создавать причудливые образования. И когда мы встречаем блохочеловека, мы не удивляемся: «Откуда взялась такая большая блоха?»

Кентавры получаются в снах, когда воспоминание о нашей материальности мешает полному перевоплощению. И мой друг из § 37 был почти маслиночеловеком.

И еще может случиться, что, встретившись, души не обменяются по-братски своими половинками, подобно тому как у русалки тело женщины переходит в хвост рыбы. У существа, в котором свершилась встреча, может появиться лишь какая-либо

черта, какая-либо маленькая деталь одной из душ. У птицы, с которой как-то во сне я целовался в нашем подъезде, был упругий женский живот, неуловимо и пушисто переходивший в жилистые страусиные ноги.

46. * * *

47. * * *

48. Мой восьмилетний сосед как-то по свойственной ему рассеянности сделал два лишних примера. Но он уверил меня: «Это ничего! Вот один отличник из нашего класса сделал на три примера больше, но всё равно получил пятерку».

И он это сказал таким тоном, что не оставалось сомнений, что он сам, будучи двоечником, всё равно получит двойку.

Два мира, разделенные пропастью школьной градации, «верх» и «низ» вдруг оказались тождественными, стоило им совершить одинаковые действия.

Всякая другая связь между этими противопоставляемыми классами каким-то образом не усматривается в этот момент. «Учись прилежно, веди себя хорошо — и ты станешь отличником» — все эти правила разом обесценены.

Будто незримый древний закон, вдруг откуда-то появившийся, сразу сметает все с таким трудом накопленные связи и взамен них властно устанавливает свои.

49. Дети не различают «еще» и «уже». Моя племянница упорно путает «большой» и «маленький», а когда хочет сказать «промокла», часто говорит «высохла».

Ребенок как бы держит палку за середину — и для него еще нет начала и конца. Он постоянно пребывает там, где большое переходит в маленькое, а промокшее высыхает. В нем встречаются противоположности, и он «знает» путь в обе стороны.

50. Сказитель имеет дело с героями. Но вот ему встречается заведомо нехорошее существо, и оно в рассказе занимает то же

место, что и герой в прошлых историях. Но что такое место героя? Это та роль, которую он играет в рассказе, те действия и поступки, которые он совершает. Для сказителя злодей действует так же как герой, он уже тоже герой, и сказитель почитает его как героя.

Моя тетя, сплетая свои чудесные и долгие истории, наделяет своих героев превосходными эпитетами. Я помню, как некая Ефрония из ее рассказа зверски избивала своего ребенка, а в другой раз нанесла моей тете роковой удар в печень. Но эта Ефрония — «славная», «благородная», «превосходная».

Вспомни, с каким поразительным постоянством Дурьодхана и его недостойные братья наделяются положительными эпитетами. Ведь есть толкователи, которые в этом видят первоначальный блеск Кауравов и верят, что превосходные эпитеты это все, что осталось от их былой славы.

Устные тексты моей тети как бы вышли из многовековой традиции эпоса. Она так же развивает основную тему, неизбежно повторяясь и возвращаясь к уже сказанному, замысловато обрамляет свои истории, живописно вставляет морализующие части, но во всём опирается на свои же более ранние тексты.

51. Ты, наверное, видел, как самец бабочки-бархатницы в сезон размножения преследует самку и как он переносит свой любовный пыл на разные вещи, пролетающие мимо него. Говорят, что некоторые незадачливые самцы пытаются даже преследовать птиц размером с дрозда. Они влюбляются в падающие листья и даже в собственную тень на земле.

Все эти вещи движутся так же как самка, и самец не может отличить их от своей подруги.

52. — Замечал ли ты, что когда человек воображает себя Наполеоном, он в первую очередь делает характерный жест?

— Но, может быть, он уже каким-то образом стал Наполеоном и уже будучи императором делает его любимый жест?

Ведь если он Наполеон, то и движения его должны быть императорскими.

А если ты хочешь возразить, что когда ребенок верхом на палочке скачет по комнате, он чувствует себя настоящим кавалеристом, то я спрошу тебя: «Откуда же тебе известно, что он поскакал и поэтому стал кавалеристом? Может быть, он уже кавалерист, что же обнимают его ноги, как не круп доброго коня?»

— Возможно, ты и прав и не надо во всём искать скрытые действия, хотя ты всегда можешь найти их. И потом ведь наша цель — не искать, что было раньше, яйцо или курица.

53. Когда колдуну надо превратиться в животное-тотем, он делает в танце ряд подражательных движений. А когда индус принимает с женой сперва позу рыбы, потом черепахи, колеса и морской раковины, он сам становится Вишну.

Посмотри, какое истинное действие! Чтобы превратиться в Вишну, индус уподобляется его первым четырем аватарам. Ты опять хочешь возразить, что в этих позах он просто становится похожим на ипостаси Вишну? Но это не просто мертвые позы, ведь это любовные бандхи. В них он, правда, уподобляется рыбе, черепахе и т. п., но это живые картинки. Постоянно действуя — и как действуя! — он сплетает эти картинки.

54. Для того, кто избрал путь чистого действия, акт любви — одно из возможных проявлений. Истинный любоделец недалек от великого прелюбодея. Вспомни, какую большую роль играет для Панурга-Вседея его знаменитый гульфик.

55. «Я делаю» вырывается из того дома, который мы так долго и с таким трудом строили. Впрочем, это происходит не так уж редко. Просто мы не замечаем — ведь всякое живое существо в первую очередь что-то делает.

Это как бы «непротяженная точка, острие иглы. ...“Я делаю” кажется имеющим определенный смысл, далекий от всякого опыта.»

56. Если я ничего не делаю, то даже это я описываю как свое действие: я бездельничаю.

«Люди за дело, а мы за безделье.»

57. * * *

58. * * *

59. Вообще — я должен был, видимо, сказать тебе об этом раньше — вещи можно отождествить, если у них есть что-то общее. Это может быть и внешнее сходство и действие и сопричастность одному месту или что-либо другое. А еще может быть это всё, вместе взятое. Порой эти вещи так замысловато переплетаются, что у тебя возникают возражения. Ведь мы часто забываем, что́ создано мучительной эволюцией, что́ рассказано нам родителями, а что́ мы «знаем» сами по себе. * * *

60. Новорожденный макак выбирает ту из двух проволочных матерей, которая покрыта мехом. И когда появляется плюшевый мишка, эта мать «защищает» своего детеныша.

Маленькая деталь матери — мех делает проволочный макет похожим на мать, действующим как мать. * * *

61. * * *

62. «...И как тот рог ни гнется, ни ломится от моего вязу, так бы и у меня, раба Божия, ...фирс не гнулся, не ломился против женския плоти и хоти и против памятные кости отныне и до веку.»

Что может быть тверже и крепче рога, чудесно изогнутого как бы от избытка напряжения и всегда завидно стоячего! И мы хотим, чтобы наш фалл уподобился ему.

Мы говорим «... моржовый», хотя мало кому из нас доводилось видеть фалл моржа. Мы так говорим, чтобы принизить обзываемого, опустить его в телесный низ — здесь действуют свои древние законы. Для полного уподобления надо, чтобы то, чему что-то уподобляется, было отменным, ярко выраженным. И

«... моржовый» — это отличный фалл. Да, это превосходный фалл, ведь всем известен мощный свисающий клык моржа.

63. Но возьми рог, обработай его изнутри и ты получишь отличный кубок, из которого можно пить вино.

Если торчащий рог это фалл, то полый это лоно. И женщина из Лоссель держит в правой руке рог. * * *

А богато украшенный гульфик маленького Гаргантюа, который Рабле сравнивает с прелестным рогом изобилия, это рог, вобравший в себя оба его качества.

«Вечно влекущий, вечно цветущий, юностью дышащий, свежестью пышащий, влагу источающий, соками набухающий, оплодотворяющий, полный цветов, полный плодов, полный всякого рода утех, — вот как перед богом говорю, до чего же приятно было на него смотреть!»

64. Или возьми, к примеру, туфлю. Это нечто, что может принять, любовно обняв, ногу, но может и нанести резкий таранящий удар. Всё зависит от того, как ее использовать.

Туфля, способная принимать, поглощать, может даже связываться с лоном. Мы говорим по-армянски оскорбительное *bozi galoš* «калоша шлюхи» — ведь в калошу, принадлежащую шлюхе, всякий может всунуть ногу. И нас не интересуют другие предметы обихода шлюхи, зато я слышал сходные ругательства, где упоминались ее шлепанцы или трусики — предмет одежды, непосредственно связанный с ее занятием.

А в перечне необычных рождений, служащем подтверждением чудесного рождения Гаргантюа, Рабле упоминает Крокмуша, родившегося из туфли кормилицы.

На странном острове Родственных отношений Пантагрюэль и его спутники видели, как справляли свадьбу бального башмачка и старой туфли и как молоденькая ладная ботиночка выходила за старого сапога. Родство и свойство жителей этого острова выражалось в том, как они обращались друг к другу. Кто-то называл

свою подружку «моя туфелька», а она его — «мой сапожок». Кто-то к своей обращался: «Моя шлепанка!» А она к нему: «Мой башмачок!» Кто-то, приветствуя свою подружку, сказал: «Доброго здоровья, моя раковина!» А она ему: «Доброго здоровья, моя устрица!» И они были между собой как устрица в раковине.

Вспомни такое употребление туфли, надетой на ногу, как пинок под зад. * * *

65. — Когда мы говорим «месяц», обычно перед нами встает остророгий серп, а под красавицей «луной» мы чаще понимаем желтый круг. Очеловечивая их, мы месяцу пририсовываем мужской профиль, а луна расплывается в мягкой женской улыбке. * * *

— Но ведь «луна» и «месяц» имеют различное происхождение, и ты не можешь определить, в каком именно случае употребляется то или другое слово. Например, есть выражение «круторогая луна».

— Конечно, в наш язык они проникли разными путями, но вот случилось так, что «месяц» оказался мужского рода, а «луна» женского, и это их качество, о котором мы не задумываемся, которое просто передается нам со словом, незаметно настраивает нас на то, что мы видим в них половые различия.

И для этого не надо хитроумно сравнивать между собой различные языки. Прислушайся, как в твоем родном языке допускаются те или иные ошибки и как употребляются такие выражения. И не надо для этого составлять статистические таблицы. Иной раз одного употребления может оказаться для тебя достаточно. Когда-то я спрашивал всех своих знакомых, что́ им в первую очередь приходит в голову, когда я говорю «луна» и «месяц». И люди, не ищущие в этом астрономически-логического смысла, всегда видели месяц узким, а луну — круглой.

Стряхни с себя книжную пыль, растворись в пасху с праздничной толпой и, сидя на лужайке перед церковкой, слушай бесхитростные разговоры простых людей.

66. На островах Тробриан есть лагуна, где когда-то купались мифические инцестуозные брат и сестра, и с тех пор рыбы, которые там водятся, переняли их опасные и нечистые свойства. Если такая рыба попадется в сеть, она годится в пищу лишь старикам, но ей предварительно следует отрезать хвост.

Отрежь мужчине руки и ноги, и на конце туловища окажется фалл. У рыбы же, не имеющей рук и ног, роль фалла играет хвост. Отрежь же ей хвост, чтобы не было больше преступных связей с сестрой. И табуированную рыбу в кастрированном виде можно есть только «кастрированным» старикам.

67. Ты подрезаешь молодые побеги, чтобы они росли лучше. Убиваешь и возрождаешь бога растительности, чтобы было больше плодов и злаков. «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода.»

И вот фалл, удивительным образом возрастающий и умирающий чтобы возродиться как великий бог растительности, плодоносящий и оплодотворяющий. Поэтому обрезают крайнюю плоть, чтобы он не потерял чудесного свойства вечно умирать и восставать.

68. Если ты видел во сне, что ты умер, то проснувшись не огорчайся, знай, что это хороший знак — так утверждают сонники.

Ты умер, но проснувшись, вновь видишь себя живым и здоровым. Ты умер и воскрес чтобы стать более жизнеспособным и счастливым.

69. Говорят, что после бани как бы рождаются заново. Парящийся мучает себя, истязает себя вениками, зато потом чувствует себя как бы вновь родившимся. «Баня парит, баня правит.»

«Иди ты в баню!» — говорят шутливо, но в этой благопристойной замене как бы возрождается древний смысл, который когда-то вкладывался в «иди в п....», в это отправление ругаемо-

го «в зону рождающих, производительных органов, в телесную могилу (или в телесную преисподнюю) для уничтожения и нового рождения».

70. Нагая бабка обносит нагого новорожденного вокруг бани, приговаривая: «Заря орина (зарина), заря скорина, возьми с раба божия младенца N. зыки и рыки дневные и нощные».

Младенец обычно рождается в бане — его *банят* (повивают). И лоно роженицы тесно связано с баней. «Баня мать родная.»

Повивальная бабка обращается к заре, чтобы та унесла дневные и ночные крики младенца. Младенец, родившись, кричит и бабка произносит свой заговор, обнося новорожденного вокруг бани-лона. Ведь выйдя из лона, младенец издает свой первый крик, и бабка обнажает свое собственное лоно, нагая совершает обряд чтобы был унесен именно этот первый крик, начало всех зыков и рыков. Ведь повивальная бабка непосредственно связана с лоном роженицы, потому иногда ругаются и в ее адрес: армянское *tatmer* значит «бабка-мать».

«От крику детей окачивают водой на родимом месте.» Надо облить их водой там, где они кричали в первый раз, вода же смоет всё.

«Баня все грехи смоет.»

71. Баня «видит» наши самые сокровенные места. «Где ты была?» — спрашиваем мы. «В баню сходила», — отвечают нам, если хотят что-то от нас утаить. И это не просто отговорка. Ведь в бане всё усердно скрываемое раскрывается. И я не вправе присутствовать при этом, для меня это секрет.

Баня свидетельница брачного акта — ведь когда молодые моются, гостям не следует оставаться в доме, как нельзя им присутствовать при супружеской близости, к тому же эту баню готовят в строгом секрете. А *банник*, хлеб, зашитый в скатерть, который молодые вскрывают и едят после первой бани, изготовляют только замужние свадебницы и тоже втайне от других и от самой невесты.

И баня смывает кровь новобрачной и в то же время вбирает в себя оплодотворяющие свойства брачного акта.

Баня должна одновременно принимать смерть старого тела и давать рождение новому. Если баня почему-либо теряет порождающие свойства, она превращается в *банище* — нечистое место, где нельзя строить жилье. Если же баня только рождает, то она порождает *банную дуру* — вечную «новорожденную».

Баня, лишившись доброго начала, превращается в *банника* — злого духа, обитающего в бане. *Банник* при удобном случае старается запарить моющихся до смерти, удушает тех, кто вдруг уснет в бане, или сдирает кожу с родильницы, оставленной без присмотра.

72. Сто́ит тебе построить баню, как там сразу же появляются *банники*. А заброшенные дома никогда не пустуют — там обитают привидения.

Если есть место, обязательно найдется и его хозяин. «Было бы болото, а черти будут.»

Место может пустовать лишь временно, пока, например, я не займу его отправляясь путешествовать или пока меня не заставят расписаться, указав на документе специально отведенное для этого место.

Обычно не бывает и вещи без места. Поэтому нехорошо, когда ты не находишь себе места, и угрожая, мы говорим: «Ты у меня и места не найдешь».

Но обычно место так или иначе находится. «Живой не без места, мертвый не без могилы.»

73. Но надо, чтобы вещь попала на с в о е место. Поэтому, когда нам отчего-либо нехорошо, мы чувствуем себя не в своей тарелке, или когда кто делает или говорит несообразно своему положению, его ставят на место. А когда кто-нибудь ведет себя не как принято, говорят, что у него не всё на месте.

Или вспомни историю Иванушки-дурачка, как вначале он занимал «не свое» место, печку, и как независимо от своей воли,

благодаря тайным механизмам сказки, он наконец обрел свое «настоящее» место — водворился во дворец.

74. Представь себе такую игру: у тебя есть ящик, на дне которого отмечены места различных вещей, а на прозрачной крышке расположены шарики, заменяющие эти вещи, причем каждая вещь связана со своим местом хитроумной системой пружинок и резинок, но так, что сверху ты всегда можешь видеть, как вещи располагаются над местами.

И вот ты можешь слегка сместить шарики на крышке, заставив их колебаться вокруг положения равновесия; зная значение каждого шарика, ты сможешь наблюдать, как в ящике разыгрываются подлинные драмы.

Можно далеко оттянуть один из шариков, а после наблюдать, как он будет возвращаться на свое место, задевая и сталкиваясь с другими шариками.

Так при должном терпении ты сможешь воссоздать множество историй. * * *

75. В драмах классицизма требуется неизменность места, крышка твоего ящика почти не движется, и плохое в эту эпоху называется крайностью.

Но вот шарики судорожно задвигались — ты уже имеешь дело с романтизмом. Всякое стояние на месте, всякая неподвижность здесь неприемлемы, и плохое называют посредственностью.

Это не значит, что такие случаи не подчиняются правилам твоей игры, просто для шариков здесь уготованы другие места, ведь судьбы людей свершаются по воле рока. И потом большинство текстов рождается, когда шарики уже смещены, и твои приготовления не входят в текст явным образом, ты просто заводишь игрушку, чтобы она начала двигаться.

Однако возможны случаи, когда шарики сами выходят из счастливого состояния равновесия, а потом мучительно возвращаются назад. Как злой демон вдруг похищает красавицу-царевну и герою приходится найти и возвратить ее. Или как ты выис-

киваешь разные условия, чтобы нарушить и вновь вернуть состояние равновесия и неподвижности, решая свои математические проблемы.

76. — Но это всё происходит потому, что состояние равновесия неустойчиво, неподвижность мнима. Легкого щелчка достаточно, чтобы всё снова пришло в движение.

При истинном равновесии действия не требуется. Поэтому Лао-цзы учит: «Кто действует, не в состоянии овладеть Поднебесной».

— Но Лао-цзы имеет в виду не просто бездействие, а особое недеяние. Ты следуешь движениям шариков, никаких дел не делая:

> Кто следует Дао-Пути, тот день за днем умаляется: так достигает он недеяния. Он пребывает в недеянии, но нет ничего им не сделанного.
>
> Такой человек, дел никаких не делая, легко берет Поднебесную: ведь совершения дел недостаточно, чтобы взять Поднебесную.

77. Шарики колеблются и происходит смена причин и следствий в мире.

Если твоя цель — выйти из причинно-следственных кругов, не играй с этим опасным ящиком. Смотри, например, на этот цветок и попытайся не видеть, какое место он занимает.

78. Мы так привыкли к постоянным колебаниям шариков, что даже то, что вещь находится на своем месте, склонны понимать как если бы она действовала нужным образом. И место вещи воспринимается как ее применение. Ведь мы не можем забыть наших действий. Все предыдущие действия не исчезают бесследно, они замирают и уходят вглубь.

И «нет такой вещи, чтобы не пригодилась к месту». «Всё на свете годится: только то не годится, что не родится.»

Постоянно действуя, вещи обретают свои истинные места.

И «хороший мастер для всякой вещи найдет применение».

79. Если шарик уже отодвинут, ты независимо от себя чувствуешь какое-то напряжение, натянутость, память прошлых лет вдруг всколыхнулась в тебе, нет, ты не достраиваешь действие, не возвращаешь всё к равновесию, но у тебя может возникнуть чувство какого-то беспокойства или тебя вдруг охватит творческий порыв.

Ты, наверно, замечал, что обычно изображение членов в соитии не вызывает особого возбуждения у людей — конечно, если с этим у них не связаны какие-нибудь болезненные состояния. В подобном изображении нет никакой незавершенности, вещи здесь обрели свои места, и тебя могут увлечь лишь голый смысл или возможность подглядеть обычно скрываемое.

Но достаточно малого намека на незавершенность, пусть даже неосуществимую, чтобы «колесо страсти пришло в движение».

И белая полоска тела над чулком, внезапно открывшаяся в танце, способна свести мужчину с ума.

80. Или помнишь, как Панург предлагал строить стены вокруг Парижа из «главных женских приманок»? «Какой же черт разрушит такие стены? Они крепче любого металла, им никакие удары не страшны.» «И молния-то в них никогда не ударит. А почему? А потому что они священны и благословенны.»

Лоно, способное поглотить всё, «плодородие как самая могучая и крепкая сила» — всё это, конечно, скрыто под кажущейся нелепостью проекта.

Но Панург не довольствуется одними этими приманками. Расставив их по всем правилам архитектурной симметрии, он предлагает «прошпиговать всё это наподобие остроконечных кнопок, как на большой башне в Бурже, теми затвердевшими шпажонками, что обретаются в монастырских гульфиках». Вот тогда стены становятся абсолютно неуязвимыми.

Вещи прочно встали на свои места, какая же сила нарушит покой и незыблемость таких стен!

81. * * *

Посмотри, как * * * «на каждую дыру выросло по затычке».

В Аду музыкантов Босха хор поет по нотам, написанным на заду одного из мучеников, а другому музыканту в задний проход глубоко воткнули флейту. Есть и другие грешники, у которых тоже «заселены» задние проходы.

Да, ты прав, это перемещение верха в телесный низ развенчивает, но посмотри, как этот человек с центрального алтаря, где изображен, видимо, Золотой век человечества, не то срывает, не то втыкает крупные цветы в задний проход своему соседу.

* * *

На острове Родственных отношений герои Рабле слышали, как один из туземцев обращался к своей подруге: «Моя митеночка!» А она к нему: «Моя перчаточка!» И митенка и перчатка облекают руку, в этом их родство. Но у них есть и особенности, которые позволяют жителям этого странного острова применять их названия к разным полам, а обычно по тому, как туземцы называют друг друга, можно безошибочно судить о недвусмысленной связи между ними.

И митенка и перчатка облекают руку. Но митенка это как бы сосуд со множеством отверстий, в который всовывают руку. А перчатка это прежде всего много отростков, каждый палец уже как бы фалл.

Вспомни хотя бы о чудесном кольце, которое черт надел на палец Ганса Карвеля. А Марциал назвал указательный палец бесстыдным, поскольку в те времена женщины любили утолять им любовную страсть.

Если кто обманется в своих надеждах, останется ни с чем, по-армянски говорят, что он остался «с пальцем в заднице», есть даже особое слово для обозначения этого — *matvoŕ* «палец-задница». Разумеется, это выражение бытует в среде мужчин, у них же популярны сходные выражения, где вместо пальца уже фигурирует фалл, типа абстрактно-хвастливого «чей фалл кому в задницу!» И не надо в этом видеть намеков на гомосексуальную

активность, просто в телесном низе ругаемого роль лона берет на себя задний проход.

* * *

82. — На изображении из Лоссель есть и мужчина, который, видимо, мечет стрелу. Женщина, держащая в руке рог, и мужчина, мечущий стрелу. Лоно и фалл должны встретиться, чтобы породить чудесный рог изобилия.

И лоно-йони должно заключить в себе фалл, чтобы стать вечным, могущественным и плодородным йони-лингамом.

— Но ведь, возможно, лингам обрел свою йони лишь позднее, а раньше существовал только фаллический культ лингама, ведь когда обреза́ли крайнюю плоть фалла, еще не знали о его роли в плодородии лона. Фалл чудесным образом умирал и восставал, лоно вечно плодоносило, и хотя в теле они топографически были сравнимы, лингам еще не нашел своего истинного места.

— Да, это так. Но наша цель — не строить по кирпичикам причудливое здание прошлого, чтобы в конце со вздохом гордости и облегчения установить последний камень сегодняшнего дня.

Посмотри, как по залам и коридорам проносится легкий ветерок — душа здания.

83. * * *

84. Когда твоя жена надевает свои самые звонкие украшения и меняется с тобой местами и, издавая крик *сит*, наносит тебе удары, она смеется и дерзко радуется своей победе: «Теперь уж я заставлю тебя умереть! Спрячься же, разве я не посрамила твоей гордости?»

Но пусть твоя жена избегает обратной бандхи, если она готова к зачатию, ведь тогда плод в ее утробе не будет знать, кем ему стать, мужчиной или женщиной.

Разве ты не уподобляешься женщине, когда твоя жена берет тебя яростно и ее распущенные волосы падают на твои губы, а в

твоих ушах стоит звон от ее серег и браслетов, когда ее бедра движутся в экстазе взад и вперед?

Но «говорят, что для того, кто добился заслуг в прошлых рождениях, ее язык молчит и звук ножных браслетов стихает, когда она едет верхом на нем в *пурушайите*». Говорят, что только люди с заслугами в прошлых рождениях могут вкушать мед с губ своих жен, когда те, полузакрыв подобные лепесткам цветов глаза, засыпают в этой бандхе, утомленные от страсти.

85. Почему у мужчины из § 12 явно женские груди, а искусственные ручейки, сливающиеся у его ног, повторяют танцующие узоры балкона, на котором, видимо, стоит тот же герой? Здесь, следуя неровности земли, ручеек вытянул отросток, налившийся и напряженный как фалл, а там, маняще раздвоившись, он трепетно застыл в ожидании. И почему эта канва не задевает тех двоих, что в глубине двора замерли в любовной бандхе?

Но ты не добился спокойствия. Может быть, ручейки должны были поблескивать в дымке и полумраке подворотни? Смотрящий должен был почувствовать смрад, идущий от ручейков, и боль попираемого ангела, нарисованного на земле, чтобы вскоре забыть их в танце теней и ручейков. И может быть, ты добился бы того, чтобы он уже не чувствовал смрада ручейков и тоски маленького мальчика, стоящего тут же.

Как тогда, когда после дождя ты уселся на чудом державшемся стуле, взятом с помойки, а сзади в подворотне бежали ручейки, и ты внезапно ощутил покой.

86. Когда вначале всё это было лишь Атманом в виде Пуруши, он оглянулся вокруг и не увидел никого кроме себя. «Поистине, он не знал радости. Поэтому тот, кто одинок, не знает радости. Он захотел второго. Он стал таким, как женщина и мужчина, соединенные в объятиях. Он разделил сам себя на две части. Тогда произошли супруг и супруга. “Поэтому сами по себе мы подобны половинам одного куска”, — так сказал Ядж-

нявалкья. Поэтому пространство это заполнено женщиной. Он сочетался с нею. Тогда родились люди.»

Когда перед свадьбой невесту уводят в отдельное помещение и, сняв с нее фату, плетут две косы из одной, она уже как бы переживает таинство брачного ложа. Теперь их двое, они муж и жена, и косы заплетают, соревнуясь в быстроте, свахи жениха и невесты. Теперь она будет оборачивать косы вокруг головы и скрывать их под особым женским платком, ведь никто не должен видеть их супружеской близости. Их двое, но они одно. Их усаживают тесно, как бы прижимают друг к другу, чтобы слить в одно целое. И уже «промеж мужа и жены нитки не продернешь».

Говорят, что Шива, влюбившись в собственную женскую половину, воспел свою любовь в 100 000 книг. А Даттака, который из-за гнева Шивы был когда-то превращен в женщину, обретя свой прежний облик обнаружил, что он в равной степени сведущ в тонкостях акта любви как мужчина и как женщина, что, говорят, он и описал в своих многочисленных сочинениях.

Действительно, тебе скучны были бы все эти книги, ты читал бы их как пустые бахвальства сладострастника, если бы Шива и Даттака не знали так хорошо и всё то, что чувствует женщина.

87. Как бы ты описал свою смерть? Сочиняя книгу о любви, можно поверить женщине на слово, но у кого ты спросишь о смерти? Возможно, ты будешь наблюдать, как наблюдая за женой, ты можешь отмечать, когда и в какой бандхе она как бы умирает в твоих объятиях. Но ты не можешь быть уверен в своих наблюдениях. Или ты будешь ходить среди умирающих и наблюдать, как наступает смерть, будешь припадать к их груди и отмечать, когда уже не слышны удары сердца. Но, может быть, ты психолог — в буквальном смысле этого слова? Тогда тебе нужно умереть и воскреснуть, чтобы затем описать свою смерть. Обычно герои, посетившие потусторонний мир, просто гости в этом мире, как Одиссей или Данте.

Или как бы ты описал возникновение языка? Ведь ты хочешь объяснить нечто лежащее в глубине языка — самим языком, уже содержащим это нечто.

* * *

88. — Представь себе ящик с отверстиями на входе и выходе, через который как бы проходит весь мир. Введя что-нибудь в ящик, можно на выходе получить нечто другое. Ящик черный. Он может, например, раскладывать шарики в определенном порядке, так что наблюдателю не обязательно знать язык, он вообще может быть не человеком. Так, играя, можно получить на выходе и язык.

— Но кто этот наблюдатель? И почему он играет с этим ящиком? Может, это наблюдатель из § 2 — ты всё еще помнишь его? Но он так похож на тебя.

— Найти беспристрастного наблюдателя, конечно, трудно. Наверно, вообще невозможно. Что-то человеческое мы ему всегда тайно приписываем.

Ты можешь заниматься любыми вещами, но всегда помни, что при желании ты должен суметь снять все покровы, осторожно сдунуть всё, чтобы получить наблюдателя из § 2, играющего с черным ящиком.

89. Если на вход твоего ящика подаются постоянные сигналы, на выходе ты можешь получить слова. Но представь себе, что через ящик вдруг прошел чрезвычайно сильный, неведомый ранее сигнал. Что ты получишь на выходе?

Ты случайно поднял голову и вдруг остановился пораженный — облака так чудесно переплетались, соединяясь на мгновенье и вновь расходясь, что у тебя перехватило дыхание. Как ты опишешь это свое состояние? Но ты не находишь слов. «Это было потрясающе», говоришь ты. Или «It was striking», если твой язык английский. В такие минуты мы переживаем некий шок. «Увидел и вздрогнул.» Позднее, вспоминая пережитое, мы можем только придумать имя этому шоковому состоя-

нию, например «прекрасное». Но описать его мы принципиально не можем, ведь наш язык создавался, когда на вход ящика подавались достаточно долго те или иные сигналы, а здесь вдруг ворвался сильный единичный импульс.

Как если бы в маленький мелодичный инструмент, хитроумно составленный из тончайших трубочек, отвечающий изумительными мелодиями на каждую легкую струю воздуха, ворвался сильный порыв ветра.

90. Когда через ящик проходит этот мощный единичный импульс, на выходе тревожно загорается множество лампочек. Как сильный порыв ветра яростно продувает все трубочки на своем пути.

Так женщина может проснуться от кошмарного сна и с удивлением обнаружить, что только что пережила оргазм. Так шимпанзе ждет предъявления задачи, задыхаясь от волнения и лихорадочно мастурбируя.

91. Придя в себя, мы даже пытаемся классифицировать свои шоковые состояния. Причем мы, конечно, ориентируемся на средние ящики, прочные и четко работающие. Но обрати внимание: с прекрасным обычно имеют дело самые утонченные люди, именно они добавляют новые шоковые состояния. Но они с негодованием отвергли бы ящик, вышедший из строя или специально устроенный так, чтобы он отвечал шоком на всякий обычный сигнал.

Говорят, что маленький Рамакришна впервые впал в самадхи, когда, глянув наверх, невольно увидел бег облаков.

Посмотри, адепты прекрасного отвергают то, к чему они неуклонно стремятся. Но этот идеал уже не человек.

92. Посмотри наверх. Толстые ветви и листва мешают взгляду проследить неудержимое стремление ствола ввысь. Но сидя у дерева, даже закрыв глаза, можно почувствовать, что дерево достает до неба. Говорят, что дорога образовалась, когда после зарождения света повалилось такое вот дерево. Можно идти и

идти по этой дороге, но так и не достичь конца. И вот она лежит у твоих ног, «ниже самых низких трав, длиннее самых длинных дерев».

93. Возьми посох, надень свою широкополую шляпу и смело отправляйся в путь.

Путь связывает два места, они часто забываются в пути, но всегда могут быть восстановлены; «как ни хорони концов, а выйдут наружу». «Где не было начала, не будет и конца», поэтому нельзя мести пол за своим отъезжим в тот же день, надо сохранить его следы, оставить начало его пути, чтобы он благополучно достиг своей цели и вернулся, чтобы не пропал вдали от дома и его след не простыл. Если найдешь на дороге подкову, подбери ее на счастье: кто-то уже проезжал по этой дороге, и продолжая свой путь, ты достигнешь цели. Начало пути может забываться, безболезненно опускаться в речи, но никогда не забывай конечного места пути, оно должно существовать хотя бы неявно. При гадании тебе посулили дорогу, дорогу, скорее всего ведущую к успеху. Путь без конца это нечто ужасное, это страшная кара, как путь Агасфера или, наоборот, как долгожданная прокуратором лунная дорога в «Мастере и Маргарите».

94. Как-то моя маленькая племянница выбежала в коридор, сказав «Я иду домой!» Но вскоре вернулась, растерянная и явно сбитая с толку: «А нашего дома, оказывается, нет!» Конечно, она не забыла ни веселого трамвая и грозного милиционера на углу ни всего того, что видела по дороге в гости. Но в этот момент она помнила лишь два места, две крайние точки пути из своего дома в наш и потому смутилась, вдруг обнаружив, что они не находятся рядом.

95. «Тень, тень, по всему свету плетень» — раскинулась дорога. «Выгляну в окошко: лежит долгий Антошка.» К каждому дому дорога протянула отростки-тропки: «одна мать, к каждому дому ребенок». Выйдешь за порог и сразу же под твоими

ногами вьется, уходит вдаль дорога. В рисунках детей дорога начинается прямо от дверей дома, подступает к самому порогу.

«Чтобы тараканы пропали: взять их столько, сколько жильцов в доме, и в лапте переволочь через порог и дорогу.»

Тараканы обитают в доме, они тоже жильцы этого дома, а чтобы они покинули дом, их отправляют в путь. Обувь это уже путь, даже если она не движется как здесь, перешагивает порог и пересекает дорогу, обувь всегда готова к пути, нетерпеливо нацелена носком вперед. Поэтому «башмак бросают через ворота: куда носком ляжет, туда замуж идти». Лапоть с тараканами пересекает дорогу, чтобы их путь лежал в другую сторону; значит, дорога ведет к самому порогу дома.

Путь начинается с порога, поэтому «всякая встреча из дому на пороге, на крыльце, на мосту — не хороша». И хотя «где дорога, там и путь», путь это тонкая нить, предназначенная только для тебя, и всякая встреча в начале пути сулит опасную встречу в конце, ведь «каково начало, таков и конец».

Ты как бы стоишь на середине пути и для тебя начало и конец равнозначны.

96. Девушки мостят под подушкой мост из прутьев, лучинок и по сну заключают о судьбе. Сон разыгрывается в голове и для него строят мост, прокладывают путь в действительность. Или наоборот, делают так, чтобы то, что должно свершиться, проникло через мост в голову и воплотилось там во сне. Мост — важная и ненадежная часть пути, он может рухнуть и прервать путь. Другая отмеченная точка на линии пути — перекресток или распутье. Здесь путь пересекается или раздваивается, потому это место таит непредвиденные опасности, именно здесь в сказках стоят грозные дорожные указатели, это место облюбовано нечистой силой: «на перекрестке черти яйца катают, в свайку играют».

Но и пройдя эти опасные места, ты не можешь быть спокоен, ведь твой путь еще могут пересечь черные кошки или злове-

щие оборотни. Правда, ты можешь трижды обернуться кругом через левое плечо — при обороте ты на миг переставляешь начало и конец пути, и кошка перерезает тебе дорогу не спереди, а сзади, где ты уже прошел.

Так, умело используя эти свойства, ты можешь продолжить свой путь, внимательно следя за встречными, вовремя пресекая дурные воздействия. * * *

97. Если где-нибудь начнется пожар, его надо обойти с иконами в руках, чтобы все возможные пути огня были перерезаны. Можно и не обходить его, даже «если вкруг пожара стать добрым людям по углам с иконами, то дальше не пойдет» — невидимые линии, соединяющие соседние углы, пересекают путь огню. И потом угол прямоугольника это именно то место, через которое может ускользнуть, уйти из-под охраны прямых линий сторон то, что внутри. В месте соединения сторон образуется естественный коридор, ведущий наружу, и его следует охранять особенно бдительно.

Когда тебе надо указать направление пути, ты обычно рисуешь черточку, упирающуюся в угол.

«На крещенье девки выносят сор под передний угол, садятся на него и, слушая, заключают о судьбе.» Обычно сор из избы не выносится, чтобы на замкнутой линии, отграничивающей свой мир от внешнего, не появились опасные точки, чтобы наружу не вели следы, по которым можно было бы наслать порчу внутрь дома. Но в этот день девки нарушают запрет, сор выносится под передний угол дома и девки садятся на него, готовые в путь, как бы скатав под себя все неосуществленные пути из дома, пути затаившиеся, свернувшиеся кольцом под углом, нацеленным во внешний мир.

Можно снять напряженность углов внешней охраняющей линией; так вписанные в круг фигуры, упирающиеся углами в окружность, получают мистические творческие свойства. Эти фигуры почти соприкасаются с внешним миром, они сами чуть не

обитатели этого страшного хаотического мира, и только спокойная надежная окружность удерживает их, подчиняет кругу, поэтому они способны в порыве начальной творческой энергии разделить круг на части, стремясь к выходу и растворяясь в спокойствии круга.

98. В случае опасности можно очертить себя оберегающим кругом. Тогда то, чего ты боишься, не сможет подойти к тебе, его путь будет перерезан или оно будет вечно кружиться по окружности, ведь «у кольца нет конца».

«Воры сонного рукою мертвеца (мертвою рукою) обводят, на мертвый сон.» Мертвец как бы взмахивает рукой, очерчивает вокруг спящего магический круг, и теперь спящий весь в его власти, он уже в его руках. Так фокусник, желая совершить чудесное превращение, очерчивает в воздухе круг, творя вещи из ничего, его рука кружится над местом предстоящего чуда; подобно каббалисту, вызывающему демонов, он стягивает все пространство в небольшой круг.

«При муках роженицы обводят ее трижды вокруг стола...» Муки и боли насылаются извне, им надо перерезать путь, окружив лоно роженицы спасительным кругом. Стол это лоно, он способен вечно рождать, как из чудесного рога изобилия на нем появляются всевозможные яства. Это великое лоно, оно рожает легко и без мук, не иссякает как сказочная скатерть-самобранка. Оберегающий круг очерчивает сама роженица, чтобы ее страдающее лоно вобрало в себя чудесные свойства стола, которые излучаются из него, радиально расходятся из центра круга и поглощаются окружностью.

99. Как волшебный клубок вьется, бежит перед тобой дорога, «катится катушечка, ни зверь ни птушечка...» А «дорога, по которой ходили тысячу лет, превращается в реку», она вбирает в себя свойства идущих и уже движется сама, оживает как удивительные дороги острова Годос.

100. Когда мы ждем чего-то с нетерпением, а время ползет медленно и мучительно, мы начинаем быстро ходить взад и вперед, как бы торопя время.

Если из одной системы координат ты хочешь перейти в другую, ты совершаешь преобразования Галилея: $x' = x - vt$. Когда vt равно нулю, $x' = x$, и ты скажешь, если ты ученый, что всё это время скорость была равна нулю, поэтому ничего не изменилось.

Но если ты простой человек и ты ждешь чего-то, а оно всё не приходит, ты говоришь, что время остановилось — в произведении vt теперь время равно нулю. Мы беспокойно ходим, чтобы вывести член vt из нулевого состояния. Конечно, мы не имеем перед глазами преобразований Галилея, но всякое событие это смена координат, и член vt смутно ощущается нами как что-то требующее движения; по Дамаскию «...время является числом, измеряющим движение тела». Но и Дамаский и Галилей прежде чем стать учеными были простыми людьми.

Говорят, что на старые места нельзя возвращаться.

Ученый человек, возможно, объяснит это тем, что система отсчета не абсолютна и ты возвращаешься не туда. Даже простой человек хочет толковать это. Теперь он видит необратимый бег времени и с грустью замечает, что он сам уже не тот. (И только во сне мы можем иногда возвращаться домой, где всё как прежде, по-прежнему теплится очаг и ты среди родных и любимых.)

Может быть, ученый человек, сталкивая шары, изучая движение звезд, на самом деле смотрит в себя, открывает то, что он знал всегда?

101. «Встреча бабы с пустыми ведрами — к неудаче; с полными — к удаче.» Баба идет оттуда, куда ты держишь путь, и по ней можно узнать, что ожидает тебя впереди.

Но «покойника встретить — к счастью». Может быть, это ты должен был быть на его месте и именно тебя подстерегала смерть впереди, там, где теряется в дымке дорога и откуда идет покойник.

Дорога как бы сужается, под твоими ногами тянется лишь тонкая линия, предназначенная только для тебя, твой путь. И покойник, которого несут тебе навстречу, погиб на твоем пути.

«Порчу отхаживают назад пятками...» Порча вошла в дом носками вперед, и если вывести ее шагая как обычно, ее путь проделает в доме петлю; тогда нельзя быть уверенным, что порча покинула дом, ведь она легко может проникнуть туда по уже проложенному пути. Ее отхаживают спиной вперед, чтобы полностью вынести ее путь из дома, сматывают назад тонкую линию, которая была протянута недобрыми людьми в твой дом.

Как часто мы надеемся, верим, что роковой выбор падет не на нас, шепчем мысленно: «Чур меня, чур меня!», подменяем себя двойниками, тряпичными куклами, а чтобы не сбиться с дороги, обманываем лешего, выворачиваем на себе одежду наизнанку, чтобы он не узнал нас и обошел того другого, в одежде наизнанку.

Может быть, это твоя смерть идет тебе навстречу, ты будто уже умер и смерть тебе больше не страшна, ведь двух смертей не бывает. Ты будто уже умер, но в том месте, до которого еще не дошел

«Приходи вчера» — мысленно отвечаешь ты домовому, если почудится, что кто-то зовет тебя по имени, высвобождаешь себе путь в завтра.

Так, умело обращаясь с «еще» и «уже», ты можешь переставить на мгновенье концы пути, столкнуть будущее с прошлым, чтобы неуязвимым продолжить свой путь в настоящем.

102. Если дети не живут, то выбивают косяки с дверью, хозяйка рожает в сенях, а бабка подает младенца задом в избу, и задом его принимают.

Младенец, едва родившись, как бы уже умирает — ведь умерших младенцев выносят из избы лицом к двери. * * *

Младенец как бы уже умер и смерть ему больше не страшна, ведь двух смертей не бывает.

103. «Тельный крест из могилы носят на шее» — от лихорадки.

Так мы обманываем лихорадку и она вселяется в мертвеца. Лихорадка стремится завладеть нашей душой и, вселившись в нас, начинает трясти изнутри тело. А по кресту из могилы она узнаёт душу того, кому принадлежит, ведь крестят именно душу, а лихорадка имеет дело с душой.

104. «При язвах пересекать мертвецу путь» — перед шествием рубят косарем поперек дороги.

— Но если перерезать мертвецу путь, он не сможет уйти и болезнь останется в мире. Почему же так странно рубят поперек дороги перед гробом?

— Можно было бы, подождав, когда покойник пройдет, тайком пересечь за гробом его путь. Но ты не можешь быть уверен, что он узна́ет об этом. Поэтому ты на миг переставляешь начало и конец пути, перерезаешь путь там, где покойник уже прошел, но в то же время на виду у всех смело рубишь косарем поперек дороги, чтобы болезнь, вселившаяся в мертвеца, увидела, что ей больше нет пути назад.

Дорога на миг переворачивается и косарем рубят не дорогу, по которой идет мертвец, а перерезают тот перевернутый путь, ловят мгновение переворота, чтобы спасти мир от болезни.

— Но почему болезнь не входит в рубящего, почему он может так бесстрашно пересекать ей путь? Ведь если кто-либо пересекает путь перед гробом, болезнь входит в этого неосторожного человека. «Знать, он покойника перешел», — говорят про того, кто неожиданно и непонятно занеможет.

— Всё зависит от того, кто кому пересекает дорогу, кто кого застигает врасплох. И рубящий косарем не одинок, за его плечами стоит мир.

Если обычно покойника выносят вперед ногами, чтобы он ушел из дома, то «при смертности от повальных и заразительных болезней покойника выносят вперед головою». Мертвец ухо-

дит, но в то же время как бы возвращается в дом. Покойник уходит, но болезнь остается дома. Это, конечно, желание не домочадцев, а всего мира.

Всё зависит от того, как смотреть на вещи. Есть много точек зрения, при определенном навыке ты будешь свободно перемещаться и смотреть то отсюда, то оттуда.

Так мастер гранит алмаз, чтобы, осторожно повертев в руках камень, воспринять удивительный блеск, и его сердце наполнится радостью и беспокойством.

Но истинный мастер сумеет увидеть за блеском душу камня; тогда приходит покой.

Так, наверно, лучшая из змей видит драгоценный камень у себя во лбу.

105. «Коса в пороге охраняет от злых людей.»

Коса охраняет ненадежное место на линии, отграничивающей свой мир от внешнего, чужого, будто рубит поперек пути злых людей.

«Передний угол, или матица, трещит — к худу»: несдобровать хозяину.

Именно через угол, обращенный в чужой мир, через узкий коридор, выскальзывающий из-под охраны прямых сторон, может проникнуть в дом беда. Поэтому, закладывая избу, «кладут под угол деньги для богатства, шерсть для тепла, ладан — для святости». А тробрианцы перед большим танцевальным периодом зарывают пищу там, где дорога подступает к деревне.

106. Слабые места на периметре твоего дома больше всего подвержены изменениям. Стены дома незыблемы, но двери и окна зыбки и неустойчивы, они отвечают метаморфозами на всё, что проходит через них. «Горница хороша, да окна кривы.» «Палата бела, да дверьми утла», — говорим мы, если о доме идет худая слава. Слухи просачиваются из дома через порог, а в монолитности стен зияют окна, через которые можно заглянуть

внутрь. И то дурное, что есть в доме, искривляет и деформирует места, через которые оно выходит во внешний мир.

Можно, наоборот, умело изменив эти опасные места, сделать так, чтобы в дом входило только хорошее. Поэтому кладут под угол деньги, шерсть и ладан, а в далекой тробрианской деревне воздают почести тому месту, где имеется брешь в невидимой стене вокруг своего мира.

107. Когда в Северной Индии умирает ребенок, его обычно хоронят под порогом дома. Так входит в дом новый ребенок. Но мать ребенка, перешагивая через порог, поступает так же как бесплодная женщина из § 6 и над умершим ребенком здесь разверзается знакомая могила — материнское лоно. Ребенок лежит в начале пути, и перешагивая через него, ему дают путь, путь жизни.

Иногда умершего младенца хоронят не на обочине дороги или у перекрестка, а тайно роют ему могилу прямо на дороге и затем вновь выравнивают землю, чтобы путник, перешагивая через младенца, дал ему путь.

Хороня ребенка на дороге, ты уже даешь ему путь, ведь дорога движется сама.

108. Говорят, что подкова над порогом приносит счастье дому.

Путь начинается с порога, дом стоит не на обочине, а выходит прямо на дорогу. Но это проторенная дорога: подкова осталась от тех, кто уже прошел по ней. На пороге дома жениха у буи укрепляют седло и невеста садится на него прежде чем войти в дом — так она тоже становится участником долгого и счастливого путешествия. И дом будто движется сам; это как в рисунках детей каждый дом имеет свой путь.

Так, подвешивая подкову над порогом, ты отправляешь свой дом в путь. Так идут дома по своим путям.

109. «Через порог не здороваться, не беседовать.»

Стоящий за порогом принадлежит чужому миру, а иметь дело нужно только со своими. Но сто́ит тебе переступить порог и ты

уже под защитой оберегающего круга, ты уже свой. В некоторых местностях Аквилы невеста даже перепрыгивает через порог, стараясь не задеть его, чтобы внезапно и чудесным образом оказаться внутри, среди своих, а не войти в дом как чужая.

Говорят, что те, кто, углубившись в себя, слил свое и чужое, внутреннее и внешнее, могут свободно проникать сквозь стены.

110. Тот, кто в § 12 попирает нарисованного на земле ангела, вначале должен был быть своим, именно он должен был убить мерзкое животное, валяющееся у порога парадного. Это была бы великая победа, он должен был гордо опираться на еще дымящийся мушкет, но случилось так, что он вышел из парадного и даже стал попирать нарисованного ангела. Правда, в его тени просвечивают узоры решетки двери, он еще не полностью стал чужим, но в отражении недостает инициалов. И существо, раскинувшее лапки у самого порога, перестало быть абсолютно чужим, кровно ненавидимым, да и тень его лежит как если бы оно смотрелось и освещалось со стороны двери.

Ты выходишь за порог и смотришь то оттуда, то отсюда, но ты невидимо связан со своим домом. Ручейки в подворотне извиваются убегая, но они повторяют узоры балкона, а складки брюк центральной фигуры повторяют влажную фактуру сводов подворотни.

111. * * *

112. Сравнивая свои впечатления от § 111 с подробным описанием его, составленным кем-нибудь другим, ты можешь обнаружить расхождения, возможно даже существенные. Ты снова посмотришь и, может быть, увидишь совсем не то. Ведь ты сам отражаешься в одном из зеркал и потому сам словно дописываешь картину. Но каждый раз ты немного другой: то тебя что-то вспугнуло, или вот заиграл новый блик или кто-то тайно переставил вещи позади тебя. И каждый раз картина приобретает новый оттенок, даже без зрителя она постоянно меняется, стареет и покрывается пылью вместе с твоими вещами.

Сто́ит тебе остановиться перед четой Арнольфини, как ты вдруг попадаешь в комнату с цветными витражами на окнах, мастер неуловимым образом замкнул за тобой пространство картины и ты уже на самом деле стоишь перед молодоженами и даже можешь «увидеть» себя среди свидетелей церемонии в сферическом зеркале напротив. Великий мастер мановением руки ввел тебя в комнату, чтобы тут же исчезнуть самому, не успев даже отразиться в зеркале; но верь своим чувствам: он тут, хоть и невидим, он стоит между тобой и торжественной четой, скромно напоминая о себе надписью над зеркалом.

Ты можешь не видеть себя в зеркале, но чувствовать свою причастность, можешь явно не отражаться в зеркале, но ощущать свое тайное присутствие за дверью. Так, например, ты можешь на цыпочках подойти к § 113 и заглянуть в замочную скважину.

113. * * *

114. Представь себе, что ты смотришь фильм, где есть небольшой эпизод с идущей по дороге женщиной. Но это необычный фильм. Его создатель следит за женщиной множеством нацеленных на нее объективов. Он одновременно снимает ее и спереди и сзади и с обоих боков, используя хитроумную технику, смотрит на нее сверху и подглядывает из-под ног. Потом он склеивает эти короткие куски в удивительный фильм, зная, сколько надо сохранить кадров, чтобы у тебя осталось лишь о щ у щ е н и е идущей женщины. Равнодушно показывая издали, как она идет, он искусно вклинит «невидимые» кадры упругой и интимной динамики ее походки, и идущая непонятным образом оживет изнутри. Он может показать вырез ее платья и уходящие в полумрак груди так, как сама идущая увидела бы их, опустив случайно глаза, и ты вдруг сам станешь этой женщиной, окидывающей себя сверху взглядом. Создатель может искусственно поддерживать у тебя это ощущение на протяжении всего фильма, многое ты увидишь своими глазами, ты войдешь героем в фильм.

Так, смотря то оттуда, то отсюда, создатель может строить свой фильм, незаметно вовлекая тебя в жизнь своих героев, но в то же время оставляя тебя зрителем, великим зрителем, могущим в маленьком эпизоде, где по дороге идет женщина, «увидеть» всё.

115. На выходе ящика из § 88 могут получаться всевозможные словосочетания. Подавая на вход страницы словаря, на выходе ты получишь тексты. Но ты можешь заметить, что в ящике есть два типа фильтров. Первый, грубый, имеет дело с грамматикой подходящих слов, небольшие изменения в его пропускной способности обычно не препятствуют тому, чтобы люди понимали друг друга — «Моя бояться слон». Второй тип фильтрует лексику, в отличие от первого его избирательность значительно больше. Каждая серия ящиков имеет свой особенный фильтр второго типа, какие-то сочетания слов проходят через него, какие-то нет. Наблюдателю из § 2, изучающему второй фильтр, подчас трудно было бы увидеть закономерности в его работе. Почему, например, через него проходит слово «скотоложство», а составленное по тому же правилу «стололожство» нет? «Так не бывает», — улыбнется просвещенный учитель. «Здесь важно знать смысл», — многозначительно добавит он. «Вот так можно, а так нельзя, — объяснит он, — так не говорят.» Он даже может привести поучительную историческую справку, почему говорят именно так.

116. — Но что произойдет, если увеличить пропускную способность второго фильтра?

— Немного увеличив ее, ты можешь получить на выходе слова вроде «стололожство». Второй фильтр иногда может пропускать немного больше положенного. Но дело в том, что и у других может случиться такое же с их фильтрами. Кто-то благодаря пропускающему больше фильтру может связать обычно не связываемые вещи; так рождаются поэты. Можно сравнить изгиб брови девушки с трехдневным месяцем, об этом даже поется

в народной песне, но посмотри на «Лодку — изогнутую бровь». Здесь связь более тонкая, ведь здесь оживает природа, и потом вы стоите друг перед другом не на равных правах. Лодка изогнута так, что душа картины смотрит на тебя непонятно откуда, перевертываясь и отражаясь, как в «Звезде-купальщице».

— А что будет, если изменения в пропускной способности фильтров не совпадут?

— Тогда ты получишь одинокого поэта или поэта, замкнувшегося в узком кругу почитателей, — несколько по тем или иным причинам упрощенных фильтров. Продолжая свои опыты, ты получишь язык, понятный только одному ящику, можешь получить причудливый язык душевнобольных, где разрешены множественные тончайшие связи между вещами.

Снова адепты прекрасного стремятся к тому, что с негодованием отверг бы любой ценитель поэзии: представь себе ящик с почти отсутствующим вторым фильтром, тогда на выходе получатся как в гигантском калейдоскопе непонятные никому картинки.

— Но этот идеал уже не человек.

117. Когда на вход подаются вещи с неожиданной для тебя связью, ты можешь испытать что-то вроде шока, как в § 89. Видимо, потому ты не объяснишь толком, почему именно тебе нравится то или иное произведение искусства. Можно изощренно описывать свои чувства перед картиной, но заметь, при этом говорят о своих переживаниях.

Связь может быть неявной, ее даже может не быть вовсе, но важно, чтобы ты чувствовал ее, важно, чтобы ты верил в нее. * * *

И потом ты ведь знаешь великих поэтов, чьи обостренные чувства приносили им много страданий. * * *

118. Когда на вход поступают вещи с парадоксальной связью, ты реагируешь смехом. Это тоже шок, веселый шок. Только насмеявшись, мы можем классифицировать свои состояния, но важно, чтобы у тебя было чувство юмора.

Представь себе ящик, отвечающий смехом на любую связь на входе. Сто́ит ему показать палец, как он разражается смехом. «Идиот», — говорят про такого. Да, ты прав, идеальный юморист уже не человек.

119. — Почему в § 20, наблюдая за собой, ты стоишь за деревом? Почему ты не можешь сказать как О́дин:

Знаю, висел я
в ветвях на ветру
девять долгих ночей,
пронзенный копьем,
посвященный Одину,
в жертву себе же,
на дереве том,
чьи корни сокрыты
в недрах неведомых.

Почему ты не можешь обрести так свое знание?

— Если бы я мог висеть как О́дин, не было бы наших бесед с тобой. Но не забывай, мы сидим у дерева. Даже когда мы говорим о другом, мы чувствуем за спиной могучий ствол. Мы стремимся обрести знание как О́дин, но что-то мешает нам. * * * Мы даже иногда отходим от дерева, увлекшись беседой, но снова оказываемся здесь, у подножья.

120. — Когда тебе говорят что-нибудь хорошее, ты тут же хватаешься за дерево чтоб не сглазили, и дерево охраняет тебя.

— Может быть, ты перестал доверять словам? Ведь «не всё то делается, что говорится».

— Но твои действия далеки от предписаний житейской мудрости и нет здесь никаких подсчетов. Ты так сразу оберегаешь себя, что кажется, будто еще мгновенье, и всё будет испорчено, всё пойдет наперекор сказанному. Кажется, что кто-то подслушивает, чтобы сделать всё наоборот. Конечно, это черт, вот он стоит с левого боку, на него ты сплевываешь, чтобы предотвратить дурные действия.

— А может быть, ты просто не уверен в мыслях своего доброжелателя? Может быть, на словах он умиляется твоему ребенку, а сам думает: «Из баньки да в ямку»?

Как часто ты ловишь себя на том, что ты похвалил вещь, а она дает зловещую трещину, выходит из строя. «Значит, у меня дурной глаз», — огорчаешься ты. Твой взгляд идет из глубины. Иногда одним взглядом можно выразить всё, что на уме и для чего пришлось бы искать много ненужных сбивчивых слов. Может быть, в этом признании себе в дурном глазе ты уже прячешь недоверие к своим мыслям? Мыслям невысказанным, живущим своей жизнью, но делающим твой взгляд осмысленным. И может ли дурак сглазить? Я говорю не о бессмысленных, горящих безумством глазах, а о блаженных, пустых и радостных.

При служении Богу к нему должны быть направлены и мысли и слова и дела. Слова и дела еще поддаются контролю, но ты не можешь быть уверен в своих мыслях. Правда, молитва это уже мысли о Боге, но недоверие к ним остается. Поэтому служители отправляются в пустыню, чтобы в великих подвигах бороться с демонами, злобными порождениями своей нетвердой мысли. Говорят, что истинных праведников не посещают бесы, а злые духи в страхе исчезают при приближении тех, кто тверд в вере.

Иногда просто думая уже можно сглазить себя. «Вот я подумал об этом, потому оно и не сбылось» — укоряем мы себя. А великий стрелок И запрещал своим ученикам стрелять в мишень: истинный стрелок попадет в цель не целясь.

— Но ведь, думая, ты говоришь себе. Значит, дьявол подслушивает и твои внутренние речи. Но как он может подслушивать? Да, ты прав. Он и не подслушивает. Именно к нему направлены твои тайные слова.

Так то плохое, что есть в тебе от другого, незаметно выходит наружу и становится с левого бока.

121. — Вчера мы говорили о том, что лукавый подслушивает все наши слова. Но моя соседка, показывая новорожденного сына,

просила: «Только ничего не говорите, думайте что хотите, но вслух не произносите». Почему же здесь черт не подслушивает нашу внутреннюю речь?

— Здесь, видимо, действуют другие механизмы. Сказать — это уже почти сделать. И потом сказанного не воротишь. Говорят же: «Не называть, лаская, котят мышатами: мать загрызет их». Нет больше чёрта с левого бока. Слово начинает действовать само по себе. Котята превращаются в мышат независимо от того, что́ ты о них думаешь. А даже в шутку сказанное дважды-рожденными обязательно сбывается.

Часто, когда ты говоришь неправду, сказанное сбывается на самом деле. Так сказанное слово не пропадает. Правда, говорят, что тому виной демоны, что они не любят, когда мы приписываем им свои жалкие дела. На смену испуганному обманщику приходит настоящий демон и сказанное сбывается. Ты хочешь сказать, что это лживые дела, а не лживые слова? Я бы добавил: и лживые мысли. Но теперь это неважно. Когда ты лжешь, наговариваешь на кого-либо, тебе гневно говорят «Отсохни твой язык!» — ведь сказанное может сбыться. Почему же черт-перевертень не делает всё наоборот? Как злой *к'аджк'*, которому надо сказать «Не делай этого», чтобы он сделал именно так.

Сказанное никогда не исчезает. Просто плохое слово это уже плохое дело.

— Но, может быть, ты маг? Тогда ты думаешь, говоришь и делаешь, что-то из трех может выпасть или видоизмениться, но это неважно. Превращая котят в мышат, ты не осознавая того становишься магом. Ты не виноват. Слово имеет свои законы. Когда мать хвалит своего ребенка, она сама может его сглазить. Говорят же, что мать обычно сама сглаживает свое дитя. Только не ищи у нее затаенных в глубине дурных мыслей. Кто может больше матери желать добра ее ребенку! Да, черт может быть и тут, сбоку. Но чтоб не сглазили, мать ущипнет ребенка. Что дьяволу до твоих щипков! Если он делает всё

наоборот, он и здесь не стал бы ждать. Сказанное сбывается. Твоему ребенку желают добра, и так оно и будет.

— Но что же здесь плохого? Почему добро рождает зло?

— Дело в том, что ты маг не по доброй воле. Твои слова рождают дела сами собой. Но если ты не профессиональный маг, вещи, автоматически рожденные из твоих слов, окажутся рядом с настоящими вещами. И потом не забывай, их не так-то просто различить, у тебя нет волшебного зеркала, которое показало бы, кто из двух жен лиса-оборотень. Ты получаешь неразличимые вещи. А если их две, то одна обязательно хуже. Если ты вдруг обнаружишь, что у тебя две совершенно похожие жены, одна из них лиса. Так моя знакомая в детстве часто видела сон, что у нее две мамы, но одна из них ведьма. Проснувшись, она со страхом спрашивала: «Мама, это ты?»

Когда хвалят твоего ребенка, имеют дело с его будущим, так рождаются два будущих; значит, одно из них неминуемо окажется плохим. Поэтому ты щиплешь ребенка, искусственно создаешь ему злую судьбу, чтобы перед ним открылась чистая дорога.

122. — Почему нет этой автоматической магии, когда перед дорогой тебе надо присесть на минуту? И почему даже черт здесь бессилен?

— Но это не бессознательная магия. Это белая магия. Не забывай, что перед дорогой сидят молча. Молчат со своими. А молчать тут значит говорить себе. Твои родные думают об успехе путешествия. И не ищи затаенных дурных мыслей. Свои могут думать только хорошее. Ты молча сидишь в кругу домашних, потом вы встаете и все желают тебе счастливого пути и целуют тебя на прощанье, а потом провожают до крыльца, выводят тебя на дорогу, чтобы самый опасный участок, начало пути, ты прошел успешно, еще не отделившись от дома. Пока вы вместе, чёрту нечего делать. Тебя охраняет могучая сила. Черт бессилен даже перед случайно сошедшимися людьми, поэтому он является одинокому путнику и избегает больших групп. И уж

вовсе он бессилен, когда ты частица великого целого и у вас царят мир и согласие.

Сказанное дваждырожденными сбывается, и это не просто их кастовое качество, ведь брахма́н частица великого Бра́хмана.

123. В «Заметках из хижины “Великое в малом”» есть рассказ о том, как один ученый получил от могущественного буддийского монаха чудодейственную черепицу, с помощью которой раздвигались стены и можно было проникать в чужие женские покои. Но монах наказал: «Только не произносите ни слова, а то чары мгновенно рассеются!». «Ученый попробовал, и стена действительно расступилась перед ним. Он пошел вперед и увидел ту, о которой мечтал. Она только что сняла с себя украшения и легла спать. Помня запрет монаха, человек этот не решился заговорить, а сразу закрыл навесную дверь, поднялся на лежанку и овладел женщиной, которая радостно отвечала на его ласки. Утомившись, он крепко заснул. Когда он открыл глаза, он увидел, что на лежанке рядом с ним... его жена. Только было начали они расспрашивать друг друга, как в дверь постучал монах.

— Мое ничтожное искусство развлекло вас, почтенный, — сказал он. — К счастью, серьезного вреда добродетели оно не причинило и не явится причиной тяжелых последствий.

Правда, бог домашнего очага уже внес в записи это событие, хотя серьезной кары и не воспоследует, но боюсь, что карьере вашей это помешает, — вздохнув, добавил он.

И действительно, ученый этот потерпел неудачу. Только в старости он проникся пониманием Истины и кончил жизнь в нищете.»

— Этот монах был великим магом. Вспомни, как он «вылепил свинью из комка глины, произнес заклинание, и свинья ожила. Еще раз прочитал заклинание, она подала голос, прочитал в третий раз — свинья стала скакать по комнате.» Да и черепица была лишь формальным вступлением, как бы легким взмахом волшебной палочки, после чего вступили в действие

тайные механизмы слова. Черепица лишь раздвигала стены, все остальное делал сам ученый, даже не подозревая об этом. Перед ним расступилась стена и он увидел ту, о ком мечтал. Монах не был злым волшебником, он только позволил ему проникнуть сквозь стену, всё остальное сделало молчание.

— Но ведь это была его жена. Как же он мог мечтать о ней? Ведь мечтают о несуществующем, а жена у него уже есть.

— Но ученый молчит с женой. Он вошел к женщине, о которой мечтал, значит, это не его жена. Он молчит с ней как с чужой. А молчать с другими это то же, что думать про себя. Ученый мечтает, думает о своей возлюбленной, поэтому он должен молчать. Посмотри, он просто молчит и это делает его жену чужой; продолжая молчать, он думает о ней как о возлюбленной, — так происходит превращение.

— Но почему, думая о своей возлюбленной, он не может сглазить себя как в § 120? Почему здесь возможно превращение? Ведь ученый не профессиональный маг.

— Правда, ученый не маг, но за его спиной стоит великий монах. Тайные механизмы слова действуют автоматически, но за ними следит лучший из магов. Зная всё наперед, он позволяет магии, заложенной в словах, прийти в движение. Это игра мастера, до тонкостей знающего правила игры, заводящего свое устройство и оставляющего его наедине с собой.

— А его жена? Почему она тоже молчит? И о чем она хотела расспросить мужа наутро, когда им помешал монах? Может, она тоже была зачарована этим удивительным монахом?

— Она могла молчать и по другим причинам. Ведь никакого проступка она не совершила. Да и монах укоряет утром лишь ее мужа. Может быть, она узнала мужа и молчала в ответ на его молчание. Но вот что интересно: она молчит с ним как со своим, как молчат свои люди из § 122. И жена и муж говорят себе, но это «себе» в молчании жены включает мужа как другую половину целого. Она молчит с ним как со своим, будучи чужой в глазах мужа. Так ее молчание способствует ее отчуждению.

Да, монах был великим мастером. Чтобы осуществить свою мечту, ученый должен был просто молчать.

— Но почему бог домашнего очага всё же внес в свои записи это событие?

— Особого проступка не было совершено, не было и серьезной кары. Ведь муж и жена совершают одинаковые действия. Так женщины исполняют военные танцы, когда их мужья сражаются с врагами, чтобы части целого действовали единым образом и между ними было согласие. А в § 122 тебя целуют на прощанье, чтобы и в пути ты составлял единое целое со своими домашними.

Но монах всё же укоряет мужа, ведь мыслил тот о другой, когда обнимал жену. А нужно, чтобы и в мысли части целого были едины.

124. «— Теперь попытайся ответить насчет любви. Есть ли Эрот любовь к кому-нибудь или нет?

— Да, конечно.

— Так вот, запомни это покрепче и не забывай, а пока ответь, вожделеет ли Эрот к тому, кто является предметом любви, или нет?

— Конечно, вожделеет.

— Когда же он любит и вожделеет: когда обладает предметом любви или когда не обладает?

— По всей вероятности, когда не обладает.

— А может быть, это не просто вероятность, но необходимость, что вожделение вызывает то, чего недостает, а не то, в чем нет недостатка?»

— Почему муж любит свою жену? Ведь он ее уже имеет, а любить это хотеть иметь, вожделеют же к тому, чего не имеют.

— Поэтому он использует 42 бандхи, и в каждой новой бандхе его жена уже не та, она то смело несется в *пурушайите*, то раскрывается чудесным образом в *падмасане*. И каждый раз

она обновляется в его объятиях. Каждый раз он смотрит на нее другими глазами.

Аранда, описывая пасущегося кенгуру, использует разнообразные глаголы, чтобы передать тончайшие оттенки действия. Когда кенгуру ест траву, спускаясь по скату холма, говорят: *era ilkútja kálaka*; когда он ест, удаляясь от охотника, — *era ilkuétnalalbuka*; когда же он долго пасется на одном месте и ест спокойно, — *era ilkúpilkúlanáka*, и так почти до бесконечности.

Когда ты наблюдаешь за действиями своего двойника в зеркале, тебе может показаться, что перед тобой происходит незаметная смена картин, как в кино кадры хитроумно следуют друг за другом, создавая иллюзию движения. Может быть, поэтому ты используешь систему склонения и другие грамматические правила, ты даешь названия разным ситуациям, чтобы, умело тасуя эти картинки, воссоздать в языке действие.

Австралиец имеет дело с разными картинками, из которых складывается мир, а ты действуешь наоборот: твоя жена становится в разные бандхи, чтобы каждый раз стать не той; не сознавая того, ты создаешь себе много жен, чтобы мог действовать закон любви.

125. — В § 123 муж разъединяет половины целого, чтобы вожделеть к жене как к чужой, а в § 124 ты каждый раз создаешь себе новую жену, чтобы мог действовать закон любви. Почему же тогда однояйцевые близнецы гораздо более дружны между собой, чем разнояйцевые? Может быть, так выражается их эгоизм?

— Ты прав. В другом они любят себя. Здесь снова, как в § 29, выявляются хорошие качества нашего двойника. И это другая любовь. Любовь как привычка, как постоянная уверенность в том, что что-то всегда твое. Твой ребенок просыпается ночью и ощупывает любимую куклу и только уверившись, что она рядом, засыпает снова. Уверенность в вечном обладании. Но есть ли это любовь? Это как жест обезьяны из § 60, ищущей

знакомую шерсть матери, или как жест ребенка, ищущего тепло материнской руки, чтобы заснуть спокойно, — преследующий нас всю жизнь жест. Если раньше действовал закон любви, закон перемен, то здесь — закон постоянства. К чему-то мы привыкаем навсегда, что-то навеки обретает свое место и мы стремимся сохранить это состояние. Посмотри, как эти близнецы полюбили друг друга. Братья во всём одинаковы и они полюбили одну и ту же женщину, некий запечатленный у обоих образ; к счастью, судьба раздвоила их возлюбленную и каждый получил свою долю.

— Значит, у нас как-то запечатлевается образ самого себя и мы любим своего однояйцевого брата-двойника не потому что его не имеем, а потому что вечно хотим его иметь, ведь ты всегда сам при себе, ты-другой незримо присутствует всюду, и ты смело общаешься с людьми, тайно надеясь на своего двойника.

И потом все однояйцевые близнецы-гомосексуалисты отрицают связь со своим братом. Они не могут вожделеть к тому, кого вечно имеют, к самому себе. * * * А несчастный Нарцисс погиб именно потому, что хотел слиться с другим — самим собой.

— Но обрати внимание: мы часто выбираем себе жен, чем-то напоминающих нашу мать. Так черные голуби, воспитанные белыми, предпочитают спариваться с самками того же цвета, что и приемные родители. Иногда сама мать становится женой: вспомни Эдипа и вечные инцестуозные сны. Почему же здесь совмещаются оба закона любви?

— Но случай Эдипа — исключительный, инцестуозные сны — вещие. И потом не забывай, что материнское лоно — особое лоно. * * * Но здесь речь не об этом.

В жене ты ищешь черты, напоминающие мать. Посмотри, ты вечно меняешь жену во всевозможных бандхах, но в то же время в ней есть нечто, что никогда не меняется; так ты приводишь в действие оба закона любви.

126. Ты помнишь, как в начале наших бесед над замершей поляной пронесся ветерок? И поляна ожила. Младенец, родившись, делает первый вдох, а с последним выдохом вылетает душа умирающего.

«И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душею живою.»

127. — Почему иногда от радости мы не чувствуем земли под ногами?

— Ты будто наполнен легким воздухом, который рвется ввысь, увлекая с собою тело. Так воздушный шарик вырывается из рук радостного ребенка.

Но как воздух вырывается из разорванного шарика, так и душа иногда вырывается наружу, на простор: «не стерпела душа — на простор пошла».

128. — А теперь послушай, что приключилось с дядей Цзи Юня, достопочтенным господином Цзян-тином, когда ему было лет одиннадцать-двенадцать. «Дождавшись, когда дед ушел как-то из дому, он самовольно пробрался во дворик подышать свежим воздухом среди деревьев. Вдруг ему показалось, что в кабинете кто-то ходит. Решив, что дед вернулся раньше времени, он тихонько подкрался к окну и заглянул в комнату.

В бамбуковом кресле сидела женщина, нарумяненная и напудренная, как на картине. Напротив кресла было большое квадратное зеркало высотой примерно в пять чи, и отражалась в этом зеркале лиса. Мальчик испугался так, что пошевелиться не мог, и остался у окна словно прикованный.

Неожиданно женщина заметила свое изображение, встала, подышала на зеркало, и оно словно покрылось туманом, затем она вернулась на прежнее место. Через некоторое время следы ее дыхания стали исчезать с зеркала, и в нем снова отразилось ее изображение, но теперь уже в виде красавицы женщины. Боясь, что она заметит его, мальчик, крадучись, убежал.»

— Так значит, зеркало было волшебным? Ведь в нем, как в танском зеркале из § 19, отразилась суть красавицы.

— Возможно, оно было волшебным, хотя и не таким страшным для оборотней как танское. Но посмотри, женщина-лиса здесь обращается с ним как с самым обычным, а истинное волшебное зеркало провести не так просто.

Любое зеркало не просто отражает вещи, иногда в зеркале ты можешь увидеть то, что скрыто в твоей глубине. Так в § 29 мы говорим: «Да будут у меня свет, сила, слава, богатство, доброе дело» в присутствии своего отражения. Мы как бы обращаемся непосредственно к себе, заглядываем в собственную интимную глубину, чтобы сказанное сбылось. Из зеркала на тебя смотрит твоя душа, ухмыляясь как чудесный портрет Дориана Грея. Недаром одной из душ человека эвенки считали *ханян*, его отражение.

— Но как здесь происходит превращение? Почему она дышит на зеркало? Разъясняя эту историю своим внукам, достопочтенный господин из Яоани сказал: «Чистое зеркало пусто, поэтому вещи не могут в нем спрятать свое изображение. Однако когда оно потускнело от дыхания нечисти, то истинный облик в нем уже не отражался.» Но что за свойства приобретает зеркало от дыхания нечисти?

— Красавица не просто дышит на зеркало, она дышит на свое отражение. И скорее ты должен был спросить: «Какие свойства приобретает отражение нечисти от ее дыхания?» Но в зеркале отразилась душа красавицы. И теперь твой вопрос звучал бы так: «Что делается с душой-отражением, когда нечисть дышит на нее?»

— Но ведь дыхание это уже душа. Во всяком случае дыхание это акт души. Но и отражение это душа. Некоторые гренландцы считают, что у человека две души: его дыхание и его тень. А мы с тобой уже говорили о том, как связаны между собой наши тень и отражение. Фиджийцы даже различают «тем-

ную душу» человека, или тень, и его «светлую душу», или отражение в воде или в зеркале, а в эвенкийском языке названия души и тени, а равно отражения являются синонимами.

— Значит, женщина-лиса дышит на свое отражение-душу. Происходит как бы разговор душ?

— Да, ты прав. На душу можно действовать только особым, ей одной присущим способом: «душа душу знает, а сердце сердцу весть подает».

— Но душа женщины это лиса. Почему же когда следы дыхания стали исчезать с зеркала, там отразилась уже красавица-женщина? Почему душа-дыхание женщины побеждает ее душу-отражение?

— Да, истинный облик красавицы это лиса. Но не забывай, что лиса — особое существо. Это не дух, который с легкостью может уплотняться во всевозможных формах. Ведь «люди и твари принадлежат к разным породам, а лисы находятся где-то посредине. У живых и мертвых пути различны, лисьи пути лежат где-то между ними; бессмертные и оборотни идут разными дорогами, а лисы — между ними. Поэтому можно сказать, что встреча с лисой — событие удивительное, но можно сказать и так, что встреча с лисой — дело обычное.» Правда, лиса это то внутреннее, что скрывается под личиной прекрасной женщины и что может вырваться иногда наружу, спасаясь от магии совершенномудрых. Или вспомни, как несравненная Жэнь бросилась вон из одежды и, приняв облик лисы, помчалась на юг, преследуемая собаками, и как они растерзали ее, а ее одежда осталась на седле с чулками и туфлями, висящими на стременах, словно сброшенная цикадой чешуя. Да, лиса не дух. Но посмотри, как она скидывает здесь с себя оболочку тела прекрасной Жэнь. Уже то, что лиса может выскользнуть из облика Жэнь, оставив на седле безжизненно свисающую одежду, говорит о том, что она имеет что-то от души, так же покидающей безжизненно распростертое тело. Мы так привыкли, что где-то в глубине нас находится душа, что ищем ее и у лис.

«Ведь вообще человеческий облик меняется вслед за изменениями, происходящими в сердце человека.» Говорят, что «лиса сначала была развратной женщиной А-цзы. Если у человека сердце лисье, то и человек может стать лисой. Если у лисы сердце человека, то и лиса может стать человеком!»

Но бывает и наоборот, когда малейшие изменения в теле тут же вызывают изменения в сердце. Так шаман, накинув на себя шкуру леопарда, вдруг издает грозный рык, а ребенок, нацепив эполеты, храбро бросается в атаку. Тогда дыхание, исходящее из уст прекрасной женщины, не может избавиться от ее чар. И хотя истинная душа женщины это лиса, мы забываем об этом на мгновенье и в ее дыхании узнаём только прекрасную женщину. Но ее дыхание идет из глубины тела, оно исходит от ее души, в которой мы хотим видеть одну лишь женственность. Так те свойства, которые мы, не сознавая того, приписываем дыханию женщины, побеждают ее лисье отражение. Так происходит превращение.

129. Но превращение в § 128 происходит потому, что женщина-лиса имеет дыхание и, как и мы, может пользоваться им для перевоплощения. Превращение было возможно потому что мы приписали красавице душу. У настоящей же нежити нет души, она сама дух, поэтому «у нежити своего обличия нет, она ходит в личинах».

130. Наше дыхание поднимается вверх, к небу. И «без дела жить — только небо коптить». Чтобы умилостивить богов, мы сжигаем жертву и ее запах поднимается с дымом к небу.

И как дым поднимаются к небу наши слова.

Когда надо, чтобы твоя женщина ушла в джунгли и забыла дорогу в родную деревню, ты произносишь нужное заклинание над скорлупой кокосового ореха и листьями особого вида, а потом сжигаешь все это, чтобы зловонный дым проник в ноздри жертвы. И слова, введенные в листья при заклинании, входят вместе с дымом в душу девушки. Когда тробрианцы варят кокосовое масло для любовной магии, они поют: «Желчный пузырь, желч-

ный пузырь мой; женщина, женщина моя; северо-западный ветер, северо-западный ветер. Он меняет место моего желчного пузыря, женщина, женщина моя; северо-западный ветер, северо-западный ветер, вялость, вялость». Но надо, чтобы при этом не было сильного ветра. Тогда они поют: «Если ветер очень сильный, мы не будем заниматься магией, чтобы он не сдул ее. Позднее, в спокойную погоду, мы можем сделать это в чаще, мы можем утром заколдовать растение *квойвагу*. Вечером или ночью мы уже дадим его женщине.»

Слова летучи как дым или запах, и ветер может сдуть вводимые в масло слова. Ведь и «добрый пес на ветер не лает». Ветер может унести твои слова и они не достигнут заговариваемого предмета, поэтому при исполнении обряда *ювисила сайкеуло*, что значит «дышать над одеянием беременной», женщины приближают рты к волокнам одежды, чтобы она хорошо пропиталась дыханием, несущим магические слова, и чтобы заклинания были сказаны не на «вей-ветер». И как запах может улетучиться из открытой склянки с благовонием, так магические слова могут испариться из заговоренной одежды, поэтому ее накрывают циновкой.

Так слова, вылетающие вместе с дыханием, сами становятся легкими и летучими как дыхание.

131. Вместе с дыханием из глубины тела выходят слова. «Ибо, опираясь на речь, поет жизненное дыхание», и «речь следует почитать как молочную корову. ...Жизненное дыхание — ее бык, разум — теленок». Слова не просто выносятся изнутри дыхания, они так слиты, так неотделимы друг от друга, что, соединяясь с женой, ты говоришь:

Я — жизненное дыхание, ты — речь,
Ты — речь, я — жизненное дыхание.
... Давай же приложим усилия,
Сольем воедино семя,
Чтобы приобрести дитя — мальчика.

Слова выходят вместе с дыханием, поэтому говорят: «Младенцам не давать целоваться: долго немы будут». Ведь при поцелуе вытягивается дыхание, а вместе с ним могут уйти и слова, первые слова ребенка.

Но дыхание это акт души. Любой звук, вырывающийся с дыханием, мы приписываем душе, даже отрыжка это «душа с богом беседует». Поэтому сиу безжалостно умерщвляют новорожденного, который не плачет, входя в этот мир, ведь если с первым выдохом не вырывается первый крик, у ребенка нет души. Потому же «всякая нежить бессловесна», у нее нет души, она сама дух, а значит, нет у нее и истинного дыхания, с которым рождаются слова.

132. — Когда австралийцы хотят заворожить женщину, они коптят особую деревянную трубу в дыму костра, произнося при этом заклинания. А потом во время ночной пляски трубят в нее, чтобы разбудить в женщине желание. И слова, которые с дымом вошли в трубу, выходят с твоим дыханием в виде странных звуков, тревожащих душу женщины. Ты просто дуешь в эту трубу и дыхание выносит помещенные в ней слова, и это не простые слова, в них заложен особый смысл, способный разбудить любовь у женщины.

— А должен ли думать этот человек, когда он дует в свою ночную трубу? Или законы магии начинают действовать уже сами собой?

— Об этом мне ничего не известно. Но скорее всего он думает о своей избраннице. Хотя это не так уж важно. Заговоренная труба может послать звуки любви и из уст непосвященного. Мысль, слово и дело уже заложены в ней, и твое дыхание просто выдувает из трубы магические слова, чтобы они нашли свой путь к сердцу женщины. Так и зная, как обращаться с вредоносной костью, ты можешь нацелить ее, но остерегайся делать это, если не ты вводил в нее заклинания; ведь тебе доступен только уровень дела, ты не знаешь, какие мысли

и слова заложены в ней, и они могут оказаться для тебя роковыми.

Но может показаться, что именно твое дутье рождает ночные призывные звуки, несущие твою мысль о женщине. И обрати внимание, здесь тоже мысль, слово и дело действуют вместе, просто вместо слов здесь вырываются эти тревожные звуки.

Так в глазах наблюдателя центр магии может сдвинуться из конца трубы в ее начало, к самым губам.

— Но ведь тогда теряется дело? Ты, получается, произносишь заклинание, вытянув губы трубой.

— Делом здесь становится сам процесс дутья. И хотя оно рождает эти звуки-слова, как дыхание рождает обычные слова, но дутье здесь и магическое действие. Как в тех случаях, когда заклинание произносится без сопутствующих действий, дело не теряется, а может спрятаться в самом произнесении формулы.

Но теперь речь не об этом. Говоря об австралийце, пробуждающем страсть в сердце своей избранницы, я хотел лишь показать тебе, как мысль, слово и дело могут скапливаться в одном месте, перегруппировываться в разные сочетания, как старые уровни могут смешиваться с новыми и как простое дуновение приводит всё это в движение.

133. Из дыхания рождаются слова, а слова рождают мысли, т. е. слова к себе. Так мысль оказывается связанной с дыханием. Но иногда дыхание непосредственно имеет дело с думанием. «Вспомни такой случай: если во время спора вдруг хотят сделать какое-либо замечание или высказать какое-либо возражение, часто случается, что открывают рот, вбирают в себя воздух и задерживают дыхание; если же потом решают ничего не говорить, то выпускают дыхание. Переживание этого процесса, очевидно, является переживанием стремления говорить. Кто за мной при этом наблюдает, поймет, что я хотел что-то сказать, а потом рассудил иначе.» Или вспомни, как в деревнях у андхра играют в *чедугуду*, когда подходят задержав дыхание к противнику и

касаются его рукой, а потом стараются не дыша вернуться обратно, не попавшись ему в руки. Ты будто уединяешься с самим собой; может, ты остаешься наедине со своими мыслями? Но нет, ты не один. Ты хранишь в себе вдох, сделанный у своих, со своими, когда ты дышал с ними одним воздухом. Даже на территории противника ты вместе со своими и ты стремишься вернуться, оставшись частицей целого. Так на островах Тонга самым дурным предзнаменованием во время приготовлений в дорогу считается чихание, когда из общей души вырывается небольшая часть, возможно принадлежащая уходящему, и он рискует больше не вернуться. * * *

И телугу, убегающий с задержанным дыханием от противника, и тонганец, боящийся чихнуть перед дорогой, конечно, не думают при этом. Дыхание здесь не связано непосредственно с мыслью. Здесь важно лишь то, чтобы мы все были вместе, чтобы у нас было единое дыхание или как у своих людей из § 122 — единая мысль.

Может быть, «думать» связано с «дуть» нелегким путем через дыхание, душу и слова, рождаемые дыханием. Но воздух, проникающий в тебя с глубоким вдохом, имеет таинственную силу рождать мысли. Агриппа Неттесгеймский утверждал даже, что сновидения возникают у нас от проникновения воздуха в тело.

Но привычней более поздний путь, когда наоборот «дуть» идет от «думать». «Решение созревает у человека в сердце, оттуда оно перемещается в дух, из духа в ветер, а ветер сообщает богам, что у человека в сердце.» Так фокусник, задумавший совершить превращение, дует на свои вещи. Но, может быть, он при этом и сдувает то внешнее и обманчивое, что есть у вещей, сдувает одну маску ради другой, желанной и удивительной для зрителя.

134. «Порыв ветра, который сдунул все эти долгие годы.»*

* Картина, отсутствующая в тексте (*прим. ред.*).

135. Воздух, проникающий в тебя с глубоким вдохом, имеет таинственную силу рождать мысли. Но обычно дуновение, оторванное от мысли и слова, пусто и лживо как ветер. Когда в тело проникает воздух, у вас возникают сновидения. Но это лишь сон, и мы облегченно вздыхаем проснувшись или горько жалеем об этом. Надо, чтобы в теле был не пустой воздух, если же ты думаешь о себе много, но пустое, тебя ждет судьба индюка или лягушки, лопнувшей от важности. Тебе «дуют в уши», тебя надувают, если хотят наполнить тебя лживыми словами и мыслями. Поэтому «не с ветру говорится» то и то, если это правда. И еще «дуть в уши» кому — переносить, сплетничать. Значит, злые слова тоже пусты и незначимы и надо, чтобы в тебе не было злобы.

136. Слова, выходящие вместе с дыханием, рождаются в глубине тела и связаны с душой. Они причастны к чудесным превращениям как дыхание женщины-лисы из § 128. Поэтому мы часто влюбляемся в бесплотные голоса, живущие в ящиках и трубках — удивительных изобретениях человека. Потому же моя сестра в детстве думала, что те, кого озвучивает ее любимый артист, должны быть на него похожи, и интересно, что она всегда находила знакомые черты. Так голос, идущий из глубины тела, совершает превращение.

А человек, в которого вселился дух, теряет свой голос. Он, конечно, не лишается при этом своего дыхания, но в глубине его сидит другой, и одержимый вещает чужим голосом.

Можно вовсе не произносить слов или же скрывать их в мелодии. Так у маори лучшие музыканты умеют «выдувать» слова песен через флейту-*коауау*. Поэтому их называют «певцами на флейте». А юноша мео играет на своей флейте-*кхене* понравившейся девушке и если он будит любовь в ее сердце, она притрагивается губами к *кхену* и отвечает песнями. Их дыхания уже почти слились в этом нежном поцелуе *кхена*. Так происходит разговор душ.

137. Если ты предлагаешь избраннице заговоренную пищу, но и это не пробуждает любовь в ее сердце, сделай так, чтобы в ее ноздри проникли благовония, заговоренные словами: *boge bipayki kumaydona, magila yakida* — «теперь уже она откажет всем остальным; ее страсть только для нас». На душу вернее всего воздействовать через дыхание, и поэтому *сулумвойя* — самое сильное средство в тробрианской любовной магии. Ведь в споре жизненных сил выше всех всегда оказывается жизненное дыхание, а «сердце имеет пять божественных отверстий» по числу видов дыхания.

Но «поистине, дыхание — поглотитель. И когда человек спит, то речь входит в дыхание, глаз — в дыхание, ухо — в дыхание, разум — в дыхание, ибо дыхание поглощает их всех». Может быть, поэтому, а не только из соображений удобства, при мумификации мозг извлекают через ноздри. С дыханием, с ранним поцелуем ребенка могут уйти его первые слова и он надолго останется немым, как в § 131. С дыханием может уйти и семя: «и если он желает женщину, [думая]: "Да не зачнет она", то, введя в нее член, прижавшись устами к устам, пусть он сначала вдохнет, потом выдохнет и [произнесет]: "Силой и семенем я беру у тебя семя". Так она оказывается без семени. И если он желает женщину, [думая]: "Да зачнет она", то, введя в нее член, прижавшись устами к устам, пусть он сначала выдохнет, потом вдохнет и [произнесет]: "Силой и семенем я даю тебе семя". Так она оказывается оплодотворенной.»

Все отверстия тела ведут вглубь, через каждое может быть наполнен этот божественный сосуд. Так герой алтайской легенды Эрлик вдувал душу в созданных им из цветов людей через дудку, вставленную в задний проход, а Саранью в образе кобылы зачала божественных Ашвинов, понюхав пролитое семя Вивасвата. И еще говорят, что у некоторых женщин после соития можно слышать в дыхании запах семени.

Каждое отверстие тела ведет вглубь. И недаром Чжуан-цзы классифицирует живых существ по количеству отверстий. Если

отверстия тела недоступны, проделывается новое, искусственное, например тробрианец «колет» девушку пальцем, зажав в руке заговоренный хребет рыбы *умлайбаси*, известной своими болезненными уколами. Или же естественные отверстия тела могут оказаться недостаточными, тогда кладут для гадания гребень «в головы», чтобы множество зубьев гребня открыли искусственные каналы в голове для лучшего проникновения магического действия.

138. Мы так привыкли к присутствию души в глубине нас, что ищем ее у самой души, отлетающей с последним вздохом. Вспомни, как души умерших делают первый глоток из Леты, чтобы забыть прошлую жизнь, и как в раю тробрианцев душам преподносят с той же целью ароматическую *бубваяйту*. Слова тоже связаны с душой, иногда души умерших могут говорить, но их голос — тихий шелест.

Так в душе мы ищем душу. Но обычно ее нет, на самом деле «всякая нечисть бессловесна».

139. Слова предназначены для ушей, внушают через ухо. Отец, наклонившись к правому уху новорожденного сына, трижды произносит: «Речь речь!» Весь мир звуков проникает в твою душу через уши. И недаром запах слышат. Ведь «не глаза видят, а человек; не ухо слышит, а душа». И как вода из Леты и запах цветов в эротическом раю тробрианцев, так чудесное пение сирен приносило забвение гомеровым мореплавателям.

Но посмотри на симметричное расположение ушей. У тебя в голове будто сквозное отверстие, поэтому часто слова «в одно ухо входят, в другое выходят».

Но это сквозное отверстие проходит через голову, которая мыслит, поэтому в сказках входят в одно ухо волшебной коровы и выходят в другое преображенными, голова же свершает превращение.

Однако надо, чтобы слова застревали внутри. А чтобы внутрь не попадали дурные вещи, уши следует оберегать. Ведь туда

могут забраться уховертки, хотя по Брему им нет никакого дела до наших ушей, или дурные слова, от которых «у девки уши золотом завешены» — не слышит непристойных речей.

140. Все отверстия тела ведут вглубь, к душе. Поэтому их следует оберегать. Так, если вовремя не перекреститься при зевании, в тебя может забраться *хыпли́к* — маленькое злобное существо.

Но через те же отверстия может вырваться наружу то, что внутри. Вспомни, как в § 133 у тонганцев при чихании вырывается часть общей души. И «когда б не зубы, так бы и душа вон». * * *

Следует остерегаться также всякого чрезмерного расширения входов в тело. Вот при зевании рот независимо от тебя широко разевается и душа может ускользнуть безвозвратно: «лег, зевнул, да и ножки протянул».

Вспомни, как тролль, превратившись в прекрасную королеву, говорит: «Когда я зеваю маленьким зевком, я — прекрасная крошечная девушка, когда я зеваю полузевком, я как будто наполовину становлюсь троллем, когда я зеваю полным зевком, я вся становлюсь троллем». При полном зевке широко расходится оболочка, прятавшая душу, через разинутый рот виден тролль.

И еще помни, что «зевок пополам — быть в родне» с тем, с кем зевнулось. У обоих зевающих одновременно обнажается душа, это уже будто разговор двух душ. Нет уже этой обманчивой оболочки, душа свободна и легка как дыхание. У зевающих уже одна душа.

141. «Новорожденного принять в отцовскую рубаху, чтоб отец любил...» Надевая эту рубаху, отец как бы помещает ребенка внутрь себя.

Одежда часто заменяет нам внешнюю оболочку тела. Так у ицзу больной вдувает в рот жертвенному буйволу засевших в нем демонов, а поверх буйвола кладут одежду больного, чтобы уподобление было полным: внутри больная душа, снаружи одежда.

А в Кении мальчиков посвящают в мужчины в одежде матери, чтобы они вновь оказались в материнской утробе.

Новорожденный же из утробы матери помещается в душу отца. И отец в нем уже души не чает.

А «если рубашку, в которой крещено первое дитя, надевать по очереди на всех последующих, то все полюбят друг друга». Ведь крестят именно душу, и у детей будет одна душа.

142. «Он в нем души не слышит. От души (душою) рад.»

— Он не чувствует в нем другого, чужого; вспомни, как запах слышат. И этот другой, которому от души рады, становится своей душой. Потому его и не различают. Это уже не две разные, а одна общая душа.

— Но это естественное единение душ. Ты его любишь всей душой, всем сердцем, а сердцу не прикажешь.

Можно сделать это и искусственно. Так, обменявшись тельными крестами, становятся побратимами, крестовыми братьями, и у них, как и у братьев и сестер из § 141, одна душа.

— А иногда делают так, что приводят в действие оба механизма, хотя они в основе своей едины. Так на армянской свадьбе жених и невеста обмениваются тельными крестами. И уже «муж да жена — одна душа», они теперь «живут рука в руку, душа в душу».

Или вспомни, как издревле жених и невеста едят из одной миски, отпивают из одной кружки. Еда из одной посуды это снова единение душ, ведь в будущих мужа и жену входит одна и та же пища. И еще замечал ли ты, что на брудершафт мы пьем как бы рукой своего партнера: моя рука переплетается с его рукой, становится частью его тела. Мы уже не по очереди отпиваем из общей кружки, а на мгновенье обмениваемся своими телами, мистически раздваиваемся, чтобы по-братски обменяться и душами.

— Ты прав, еда из одной посуды способствует единению душ. Но здесь есть и другое. Муж и жена едят вместе. Тро-

брианской паре достаточно поесть вместе на людях, чтобы всем стало ясно, что они уже муж и жена. Вспомни, как, например, на Кавказе неприлично есть с женой при людях за одним столом, и тебе станет ясно, что это непосредственно связано с интимной близостью супругов. Посмотри, в этом простом обряде скрыто предписание единения не одних только душ, но и самих тел. Но и соитие имеет дело с внутренним миром тела, ведь фалл проникает глубоко внутрь. Некоторые женщины чувствуют, как желание зарождается у них где-то в глубине, и фалл вводится в лоно — к душе. Вспомни бандхи, в которых жена обвивается вокруг мужа, вспомни, как она опоясывает его ногами и принимает в себя не просто его фалл, но и всего мужа будто проталкивает вовнутрь через лоно. К тому же жена забирает у мужа его семя. * * * У мужа тоже не всё сводится к кончику тела, он тоже весь входит в жену, но это поиск, вхождение и замирание внутри лучшего из сосудов. Он проникает как дух, вечно ищущий и беспокойный. У нее же в соитии участвует душа. Ведь говорят: «От хозяина чтоб пахло ветром, от хозяйки дымом» — дух связан с путем, а душа с местом. И еще, как мы говорили, у некоторых женщин после соития можно слышать в дыхании запах семени: она вся наполнена дыханием, когда часто и тяжело дышит в объятиях мужа, в фамильярной речи иногда восхищенно говорят, что у нее и «п.... дышит». При соитии она становится изнутри душой. Посмотри, механизм оргазма один и тот же у мужа и жены, но символическая картина противоположна: он фактически не ищет единения с ней, хотя сливается с ней телом и дыханием, он просто удобно устраивается в материнской утробе, хотя имитирует действия единения. И только жена по-настоящему ищет единения с мужем, единения истинного — на уровне душ. Поэтому она чаще остается неудовлетворенной.

143. — Почему за свадебным столом кричат «Горько!»? Почему «горько вино, не пьется»? И молодые встают и целуются, чтобы их поцелуй подсластил горькое вино.

— А ты не замечал, какие лица у кричащих? Посмотри, как разгладились самые суровые морщины, как посветлели лица. Разве ты не замечал, как в возгласах гостей звучит и радость победы, а в их глазах светится торжество? * * * Ты сам на мгновенье становишься счастливым супругом и это в твоих объятиях замирает чудесная невеста.

Так сладкий поцелуй молодых подслащает горькое вино, которое ты пьешь. И принимая его внутрь, ты приобщаешься к великому таинству.

144. — А что надо делать, если потом жена уйдет от тебя к другому человеку?

— У варрамунга на этот случай есть верный, но жестокий способ. Надо взять палочку для разжигания огня и отправиться на поиски старой и истощавшей крольчихи-бандикут, у которой в сумке есть крольчата. Если тебе удастся поймать такую крольчиху, разрежь ей связки на основании бедер, но не убивай ее, а уложи на спину и делай вид, будто ты разжигаешь огонь, проводя усердно палочкой по ее соскам то справа, то слева, пока те не изотрутся вконец. При этом следует петь: «Женщину (такую-то) пойди и убей, пойди и убей». Я забыл сказать, что прежде чем отправиться на поиски бандикута, нужно туго обвязать себе веревкой бедра, икры, голову, шею, руки и талию. И теперь, закончив заговор, оставь бандикута и отбеги подальше как можешь быстрее и бросься на землю, яростно разрывая свои путы и разбрасывая их кругом себя. И как бандикута ждет медленная смерть, так твоей женщине не избежать той же участи.

Но если по возвращении домой ты почувствуешь тоску по своей жене и если ты захочешь, чтобы она вернулась, а не умирала так мучительно, то надрежь себе язык и руку, намажься жиром ящерицы, размажь по телу свою кровь и выпей ее. Через некоторое время снова намажься жиром и красной охрой. Тогда женщина поправится и вернется к тебе, а иначе она вскоре потеряла бы способность двигаться и умерла бы как тот несчастный бандикут.

— «Разжигая» огонь на сосках, пока те не изотрутся вконец, мы, наверное, имитируем бесчисленное количество соитий, которые должны привести неверную жену к гибели?

— Возможно, но обрати внимание, как в обоих обрядах присутствуют и «мысль» и «слово» и «дело». Еще не поймав крольчиху, ты туго обвязываешь себя веревками — так же ты должен быть сосредоточен на цели своего предприятия, так же должна быть сосредоточена и стянута твоя мысль. Потом ты произносишь заговор и, наконец, делаешь свое страшное дело. Но посмотри: ты передумал, то есть в магической триаде изменилась мысль. Тогда, чтобы два других члена соответствовали мысли, ты ранишь свой язык, произнесший магические слова, и ранишь свою руку, совершившую жестокое дело.

— Значит, мы наносим себе целых три раны? И передумать это как бы ранить свою мысль?

— Возможно, так. Еще обрати внимание: готовя вредоносную кость, австралийский абориген специально вводит в нее заклинания, но когда он мечет эту кость в сторону своей жертвы, он снова бормочет те же проклятия. Мысль, слово и дело все время должны быть вместе, чтобы жертва не ушла невредимой. Именно поэтому я предостерегал тебя в § 132, чтобы ты не метал кость, заклинания в которую введены не тобой, — кто знает, может быть, они направлены против тебя самого.

— Но почему тогда женская магия (*амбуа*) может обходиться без слов? Если женщина по какой-либо причине затаила злобу на мужчину и хочет нанести ему вред, она сперва дует на свои пальцы, что у кайтиш называется *иттха амбинингуа*, а потом машет в воздухе рукой вверх-вниз, делая ею одновременно выпады в сторону своей жертвы, когда тот выходит, ничего не подозревая, из своего лагеря. Конечно, при этом женщина старается, чтобы никто не заметил ее действий, потому что после них мужчина начинает угасать, глаза его вваливаются, мускулы иссыхают, пока он не превратится в сущий скелет.

— Ей не нужно ничего говорить, дыхание женщины и само вредоносно. Вспомни дыхание-душу лисы, которая смотрелась в зеркало в § 128. Вместе с дыханием женщины в ее пальцы входят ее злые мысли — «слово» триады здесь заменено, как в § 133, «дутьем». Женщина думает, дует и делает. Посмотри, мужчины не только вводят слова в свою вредоносную кость, но и произносят их снова при каждом нацеливании или метании, дыхание же женщин, вдунутое в их пальцы, выходит само собой на погибель мужчинам.

145. — Почему у змеи, что искушала Еву, лицо Евы? Во всяком случае так изображали ее старые мастера.

— Наверно, потому что змея тут ни при чем. Ведь она искушает Еву, но Еву не надо искушать: она женщина и искушение в ней самой. Поэтому у змеи лицо самой Евы. Когда Создатель сотворил Еву, он хотел, чтобы Адам не был одинок, чтобы он обрел друга. И он сотворил ему подругу. Заметь, он создал ее из левого ребра Адама, то есть с самого начала в ней есть что-то от левого и кривого.

— Но как женщина могла стать другом? Всегда приходит момент, когда она предает дружбу. В ней просыпается что-то темное и властное, и чувства мешают ей быть истинным другом.

— Но разве ты не сам способствуешь этому? Не ты ли первым делаешь не то?

— Скорее всего это так, но я не придаю этому значения. Когда великих риши посещают небесные девы, случайно ли или по наущению богов, даже те не в состоянии устоять перед их красотой. Мгновенная страсть может охватить риши, и даже если он не приблизится к чудесной апсаре, природа может сделать свое. Я не вижу в этом большого зла. Ведь аскет борется с наваждением, которое живет в нем самом, он изгоняет свои собственные порождения, тайно вышедшие из сокровенных его желаний. Но здесь всё находится вне тебя, это недолгие состояния,

которые могут быть не без добра; так из пролитого семени отшельника родился когда-то Дрона.

— Видимо, ты прав. Женщина не может стать истинным другом. В дружбе должно быть нечто отличное от чувств супругов или возлюбленных. Поэтому Ева должна была в определенный момент предать дружбу. Змей-искуситель в ней самой и она собою искушает Адама.

— Но почему это так? Что это в ней, что искушает Адама?

— В ней есть что-то, что помогает ей. Вспомни яркое оперение самцов птиц, которым они пытаются привлечь внимание невзрачных самок, или наоборот, вызывающие наряды наших милых женщин или же то непонятное, что влечет некоторых пауков к своим самкам на свою погибель. Не забудь, что женщины — левые и они намного ближе нас к природе.

— Но мы тоже иногда склонны к левизне, особенно когда полностью выходим из-под контроля культуры и попадаем во власть природы. Так в лесу, заблудившись, мы описываем окружность против часовой стрелки, потому что наша правая нога шагает шире левой. Именно потому, что наше правое сильнее левого — природа всегда уступала культуре — мы идем незаметно налево, пока не оказываемся там, откуда начали свой слепой путь.

146. — Почему «счастливый сынок в матушку»? Почему «материн сын — отцов пасынок»? Может быть, так вечно возрождается история царя Эдипа?

— Но говорят еще, что «счастливая дочь — в отца, а сын — в мать», и еще: «у тетки баловень племянник, а у дяди — племянница». У мундугуморов подобное соответствие фиксируется в самой системе родства: сын принадлежит к родственной группе матери, а дочь — отца. А в Западной Африке нечто аналогичное происходит в негативной форме: близнец-мальчик посягает на жизнь своей матери, а его сестра — на жизнь отца. Я могу привести много примеров, когда мужчины и женщины

ритуально обмениваются или вступают в какие-либо отношения с обязательным выполнением подобных перекрестных связей. Такая связь может иметь место в пределах одного ритуала или же повторяться из поколения в поколение, например у армян некоторые магические знания передаются непременно одним полом другому, иначе заклинания теряют силу. Перекрестно соотносятся всевозможные вещи, а не только мужчины и женщины. Когда у тебя болят уши, ты лечишь правое ухо молоком, сцеженным из левой груди женщины, а левое ухо молоком из правой груди. А герою волшебной сказки нередко отрубают правую руку и левую ногу, или наоборот. Или же вспомни богиню — покровительницу города Мадуры: «в левой руке она держала распустившийся золотой лотос, правой рукой сжимала прекрасный сверкающий кривой меч. На левой ноге звенело кольцо отважного воина, на правой — дивные браслеты». Вспомни, как двое обмениваются рукопожатием, вспомни, наконец, перекрестно-кузенные браки, при которых лицом к лицу стоят два коллектива. Мы уже говорили как-то о том, что человек избегает всего, что напоминало бы зеркальность. Может быть, здесь он поступает так же, желая видеть сына похожим на мать, а дочь на отца?

— Ты хочешь сказать, что этот закон перекрестных соответствий налицо всюду, где есть человек?

— Да. Этот закон, возможно, способствует лучшему переустройству мира. И он не случаен, ведь правая половина нашего тела связана с левым полушарием мозга, а левая половина с правым.

— Что касается внешней организации мира, может быть, ты и прав. Но обрати внимание, именно сын должен быть похожим на мать, «кто похож на мать — того будут люди знать, а кто на отца — тот дика овца». Вторая часть поверья, про дочь и отца, возможно, рождена твоим законом, но главное касается сына и матери. Кстати, классический Эдипов комплекс, который любят

выискивать психоаналитики, тоже относится в первую очередь к сыну и матери. История же про дочь и отца обычно получается несколько искусственной и надуманной.

Вспомни к тому же, что Х-хромосому, ответственную за Х-сцепленное наследование, сын получает только от матери, а дочь получает ее от обоих родителей.

Поэтому «матушкин сынок» обладает рядом особых свойств, дурак вообще связан с матерью. Так мы несем в себе не просто женское начало, а частицу матери.

147. — Если в нас не хватает чего-то женского, мы тут же создаем его искусственно. Хоть мы и чувствуем свое превосходство над женщинами, но чувство зависти не дает нам покоя. Мы, например, делаем вид, что это мы находимся в родовых муках, а не наши жены, незаметно кладем в свою постель новорожденного, чтобы лишить женщин только им присущей способности давать новую жизнь. Мы не можем простить им и ежемесячных кровотечений, с беспокойством усматривая тут причину их особой гибкости и живучести, и выдумываем себе болезненные искусственные мужские менструации. Мы завидуем даже позе женщин при мочеиспускании и потому добровольно садимся на корточки по мусульманскому обычаю или же делаем это вынужденно — из-за особой генитальной операции, после которой на невидимой стороне фалла появляется искусственное лоно. Мы забываем, что мужская, стоячая поза это завоевание культуры и что когда-то в природном состоянии поза была у всех женская; ты можешь заметить ее у горилл.

Так мы с тревогой следим за женщинами, пытаясь не упустить ни одной их особенности.

— Но ведь и они подражают нам. Справляют же они свои тайные церемонии по мужскому образцу, используя типично мужскую символику из области военной или охотничьей практики. Или же подобно нам, ритуально собирающим кровь из оперированного члена, снабжают тяжело заболевшего родственника сво-

ей кровью, но кровью не менструальной, считающейся нечистой и опасной, а извлеченной из малых срамных губ. Посмотри, они подражают нам, забыв, что наш ритуал сам подражает их месячному кровотечению.

— Но их кровотечение природно и подчиняется луне. А наш ритуал создается искусственно и потому имеет особую силу. Это как огонь, добытый искусственно, выше лесного пожара. Искусственно приобретенное подчиняется контролю, а природное неожиданно и неуправляемо. Папуасы Новой Гвинеи именно так разносят все явления по двум противостоящим рядам, один из которых связан со всем женским, а другой с мужским. Например, у гурурумба слюна, мокрота и семя резко противопоставляются моче, калу и менструальной крови. Вспомни ūrdhvaretas — удерживающего семя, направившего его вверх, или даосского монаха, берущего от женщины всё, но не изливающего семени, вспомни наконец, как мы мужественно глотаем слезы, считая, что плакать присуще лишь женщинам и детям.

Потому женщины и подражают нам, что чувствуют, что наше подражание им каким-то образом превзошло их природные способности.

— Но в природном огне есть нечто ужасное и непонятное. Так и мужской ритуал создает лишь иллюзию победы, а мужчины пребывают в постоянном страхе от скрытых в женщинах неведомых сил, всегда могущих вырваться наружу и завладеть миром, который мы так долго и старательно строили.

Так то женское, что мы носим в себе, может вдруг выйти наружу, ввергнув мир в начальное естественное состояние. Бунт, всегда левый, женский, на время погружает мир в состояние первородного Хаоса, которого мы вечно боимся, но которому иногда готовы сладостно отдаться, забыв о культуре и трепетно возвращаясь к природе.

148. — В § 98 мы очерчиваем вокруг себя круг, чтобы охраниться. Откуда у нас такая уверенность в круге?

— Возможно, она восходит к кругу лица матери — первому, что мы узнаём как гарант нашей безопасности и запоминаем на всю жизнь. Этот первый круг запечатлевается у нас в возрасте 3—4 месяцев. А в 3—4 года, после экспериментирования с хаотическими линиями и фигурами, мы вновь открываем для себя лицо матери — рисуем первый круг.

— Но как мы попадаем внутрь этого охранного круга? Ведь первый круг, лицо матери, охраняет нас извне. Мы лицезреем его из своей люльки. То, что мы делаем глазами, детеныши обезьян делают руками — ищут безопасность в спасительной шерсти матери. Когда они вырастают и у них нет даже условной шерсти на каркасе проволочной матери, как у знакомого нам по § 60 новорожденного макака, они вынуждены вступать во враждебный мир, постоянно неуверенные в своей безопасности. Мы же чувствуем себя более уверенно внутри материнского круга.

— Мы приобретаем круг, символ безопасности, до того как приобретаем свое «я». Когда «я» уже имеется, мы помещаем его в этот символ — очерчиваем вокруг себя охраняющий круг, строим себе круглые в основании дома или делаем другие круговые действия. Это не значит, конечно, что мы совершаем некий мистический возврат к лицу матери, вместо regressus ad uterum совершаем regressus ad faciem. (Кстати, маленькие мальчики в своих эротических графических фантазиях иногда изображают вульву в виде круга с вертикальным диаметром.) Я просто хотел заметить, что мы приобретаем свой первый, возможно, архетип, архетип круга, вместе с лицом матери.

— А может быть, это круг ее груди? Вечно желанный и более «древний» круг, к которому мы припадаем с самого рождения? Даже если это неправильный круг или вовсе не круг, как у палеолитических венер, ребенок утыкается в него, уплощая вокруг своего лица неясно очерченный мягкий круг. Сто́ит нам вспомнить этот наш первый круг, и мы совершаем regressus ad mammum, оказываемся в его блаженном и безопасном центре.

149. — А теперь послушай, с какой задачей когда-то обратилась ко мне одна женщина. Ее дети погибали либо еще в утробе, либо вскоре после рождения. Врачи не могли ей помочь, а женщина была уверена, что причиной ее болезни было определенное событие. Оказалось, что когда умерла ее золовка, почему-то не смогли разыскать ее одежду и потому покойницу похоронили в новом, только что сшитом платье моей просительницы. С тех пор и начались ее несчастья.

Что можно было посоветовать бедной женщине?

— Об эксгумации и уничтожении остатков рокового платья, разумеется, нельзя было и думать.

— Да, конечно. Кроме того, отпадала возможность и всяких манипуляций с какой-либо одеждой покойной. К тому же мне не хотелось прибегать к помощи дубликатов и подмен, так как примененное средство было, по-видимому, очень сильным и любая ошибка могла оказаться роковой. Нужно было средство простое и верное. Тогда я вспомнил, как бесплодная женщина из § 6 избавлялась от своего недуга.

— Ты имеешь в виду, как она избавлялась от своего «неребенка», мочась на могиле непричащенного?

— Да. Но теперь это будет ее мертвый ребенок, которого надо изгнать из чрева матери. И это будет сама мертвая золовка, которая примет предназначенного ей неребенка.

— И ты посоветовал этой женщине помочиться на могиле золовки?

— Да. Но это она сама лежит в той могиле. Это как бы ее двойник. Его тело — это тело женщины, это ее платье. Но чрево его мертво, мертво навеки. Посмотри, какую могущественную магию применили против этой женщины, вот почему ее чрево порождало только мертвых детей. Потому я и боялся ошибиться, что магия была такой сильной.

— Ты думаешь, это была черная магия?

— Не знаю, хотя больная настаивала на колдовстве. Очень может быть, что механизмы магии пришли в движение сами

собой. И тем более надо было быть осторожным: нашим противником могла стать неуправляемая сила.

Итак, в могиле лежала та же женщина, но с мертвым чревом. Но нутро не совсем соответствовало телу. Потому и следовало заселить тело своим плодом — мертвым плодом.

— И для этого надо просто помочиться на могиле? Но не будет ли мертвое нутро сопротивляться непрошеному вторжению?

— Это не в его силах. Мертвый плод безошибочно найдет свою мать, как в § 141 болезнь узнаёт по одежде, куда ей вселиться.

— Но тогда эта женщина может просто вылить на могилу мочу, заранее собранную дома в какой-нибудь сосуд?

— Я бы не советовал делать так. Больше того, это очень опасно, ведь за то время, пока она будет идти к могиле, в ее чреве может набраться новая моча, пусть даже в ничтожной доле. Мы же имеем дело с зарождением, с первыми ростками жизни. Опорожнив свой сосуд, она еще не избавится от несчастья, потому что в ее утробе уже появился новый мертвый зародыш. Нет, ей непременно надо было помочиться прямо на могилу, изгнав из своего нутра всё до последней капли.

— В таком случае ей, может быть, лучше проделать это три раза, по числу мертвых детей?

— В этом нет никакой надобности. Ведь мертво ее нутро. Следуя твоему совету, ей пришлось бы мочиться там постоянно, предвосхищая будущие зачатия. Но у нежити свои законы. Всё, что уже отошло к ней, уже одно. Потому мертвецы теряют свой облик и становятся все на одно лицо. И потому всех их поминают в один день, а кто отмечает особый день своего покойника, те просто не хотят примириться с приобщением их любимого к другому, неведомому миру.

Изгоняемый из женщины вечно мертвый плод — это все ее прошлые и будущие дети. Он найдет свое место в уже захороненном мертвом теле ее двойника. Так эта женщина избавится от своего страдания.

150. — Почему отец может стать причиной *коха* новорожденного сына до его сороковин? *Кохом* (*kox*) называется недомогание, причиняемое ребенку разными недобрыми людьми и существами, в том числе всеми входящими в комнату, где новорожденный пережидает сорокодневье, самый опасный период своей жизни, почему эта болезнь называется также «*кох* сороковин». Ведь отец не желает сыну дурного подобно злым духам *алам*, *к'аджк'ам* или же жабообразному существу-болезни *тпха*. Отец к тому же не из класса чужих, которые обычно вредят новорожденному не из исконно недобрых побуждений, а из-за своей чужести.

— Духи и прочие недоброжелатели просто вредят ребенку, отец же становится его соперником. Это, так сказать, изначальный комплекс Эдипа, в его дофрейдовом проявлении. Отец и сын борются за одно и то же место при жене-матери, потому что две вещи не могут занимать одно место. Ведь муж и жена должны быть одним целым, недаром говорят, что промеж них «нитки не продернешь». Поэтому жених и невеста, отправляясь в церковь к венцу, должны следить, чтобы между ними никто не прошел.

— Значит, ребенок оказывается той «ниткой», которая разъединяет супругов, соперником, который занимает место отца в двусоставном целом своих родителей? Может быть, поэтому при появлении отца мать тут же берет ребенка на руки — показывает, что теперь у нее новая половина в этом целом, из которого муж уже исключен? Тем более что она соблюдает «сороковины постели» — сорок дней не делит ее с мужем, оставаясь всё это время с сыном.

— Ты прав. Но в других случаях мать не просто берет ребенка на руки, а выходит вместе с ним из комнаты, чтобы войти вновь и свести на нет опасность, пришедшую с отцом. Кстати, это самый простой способ избежать возможного вреда не только от отца, но и почти от любого, кто входит в комнату,

где укрыт ребенок. Например, когда входит живущая в том же доме женщина, у которой ребенок тоже в сороковинах. В таком случае мать выносит ребенка из комнаты, другая женщина идет за своим ребенком и обе женщины с младенцами на руках входят в комнату одновременно, чтобы их дети остались невредимы.

— Делает ли это вторая женщина ради безопасности своего ребенка, чтобы первая женщина не поступила так же с ее ребенком? Или она просто руководствуется правилами общежития и добрососедства?

— Ее ребенку вроде бы ничего не грозит. Об этом мы можем судить по другому *коху*, когда в дом, где есть ребенок в сороковинах, входит женщина из другого дома, где она оставила своего ребенка, тоже пережидающего сорокодневье. В этом случае она неминуемо причиняет *кох* младенцу хозяев. Судя по тому, как избавляются в таких случаях от *коха*, — с симметричным привлечением обоих младенцев, можно подумать, что опасности подвергаются оба ребенка. Но порой женщина, ставшая причиной *коха*, отказывается участвовать в сложном обряде его устранения, тогда прибегают к односторонним действиям, например тайно трусят одежду пострадавшего ребенка через *ердик*, дымовое отверстие дома виновницы, чтобы стряхнуть причиненный ею *кох* на ее же ребенка. Тем более что конструкция покрытия традиционного армянского дома позволяет сделать это — конечно, с осторожностью, о чем мы уже предупреждали в § 6. Из всего сказанного можно заключить, что ребенок виновницы изначально не подвергается *коху*, когда она невольно или преднамеренно наносит вред ребенку в доме, куда заходит непрошеным гостем.

— Как же совершается симметричное снятие *коха*?

— Обе женщины берут своих детей и отправляются к ручью в сопровождении двух других женщин. Там они становятся друг против друга, женщины-посредницы забирают у них детей и передают каждой чужого ребенка, женщины кормят грудью

детей таким перекрестным образом, снова через посредниц получают обратно своих детей и не оборачиваясь уходят прочь друг от друга.

— Получается, что *кох* снимается тем, что женщина усыновляет ребенка, которому навредила, а мать пострадавшего усыновляет ребенка той, избавляя его тем самым от своей возможной мести. Ведь именно так, припадая к груди матери своего кровника, становясь символически ее сыном, мы кладем конец кровной вражде. Став даже вопреки желанию матерью своей потенциальной жертвы, женщина уже не может причинить ей вреда. Потому что мать — единственная, кто не способен нанести вред своему ребенку. Я не имею здесь в виду патологические случаи или те особые случаи, когда мать может сглазить своего ребенка, о чем мы говорили в § 121.

151. — Почему в § 150 молочных братьев уносят разными дорогами, тогда как дети, живущие в одном доме (чаще всего близкие родственники), идут одним путем — вместе входят со своими матерьми в комнату, чтобы избежать *коха*? И почему отец и сын борются за одно и то же место, а братья так непонятно манипулируют своими путями?

— Собственно, все борются за свое место, стремятся к тому, чтобы каждому месту соответствовала лишь одна вещь. Просто в случае с отцом и сыном эта борьба затрагивает и другие стороны их взаимоотношений, потому мы их лучше распознаём. Впрочем, и в случае двух детей в сороковинах такое соперничество достаточно очевидно. Ведь женщина, повергающая в *кох* чужого сына, тем самым обеспечивает своему сыну место в жизни без потенциального соперника.

— Но тогда в действие придет и другая борьба за место. Ведь в комнате, где находится ребенок до сороковин, оказываются две матери, тогда как у него должна быть только одна мать. Вспомни, как в § 121 маленькую девочку мучили кошмары о двух матерях.

— Ты прав. Сходным образом если беременная женщина окажется между двумя мужчинами, ее будущий ребенок подвергнется *коху* — будет в замешательстве, подобно Буриданову ослу, насчет двух неожиданно появившихся «отцов». Но в случае с входящей женщиной выбор легок: кто входит, тот гораздо агрессивнее и опаснее. Это связано с тем, что входящие связаны с путем, они на-ступают. Недаром болезнь называется *кох*, от слова *кохел* (*koxel*), обозначающего действие попирания, раздавливания ногой. Словом *кох* называют борьбу-единоборство и победу в таком единоборстве, а *кохел* употребляют и в смысле «вонзать», «засовывать» — в том числе овладевать женщиной.

— Но ведь *кохел* имеет также смысл «красть», «стащить». Может быть, так называют победу, но одержанную обманом?

— Может быть. Но такая трикстерная победа, по-видимому, предполагает более древнюю героическую победу: ловкости рук предшествовала сила ног, и *koxel* вначале значило «попирать ногой землю или что-либо еще», как и дается в словарях. Победа предполагает попирание ногой поверженного врага, это становится иконографией победы: Митра попирает убитого им быка, а жених во время армянского свадебного обряда *eznmort'ek'* «заклание быка» ставит ногу на закланное не им животное. Победа-попирание передается и в виде словесной формулы. Например, на васпураканской миниатюре XIII века, изображающей Крещение, имеется надпись «Иисус Христос попрал (*koxeal*) голову вишапа», восходящая, как считают, к словам «Ты сокрушил головы змиев в воде» из псалма 73. Изобразительно победа-попирание здесь передана тем, что Христос стоит над связанным в узел вишапом.

— Русское *попирать* и родственные ему слова покрывают сходный круг значений: *переть* «давить, налегать», *спереть* «украсть». А *распря* значит «спор, прение, состязание противников», подобно тому как армянское *кох* означает и вид национальной борьбы, цель которой, как в спортивной борьбе, —

придавить противника к земле, положить его на лопатки. Правда, я не знаю, вошли ли родственные *попирать* слова в сферу магии и болезни, как это произошло с армянским *кохом*. Собственно, *кох* ребенка и навел нас на *koxel-попирать* и Христа, поправшего голову вишапа.

— Сцена Крещения это эпизод вечной борьбы Христа с вишапом, вечной его победы над вишапом, который не уничтожен, а связан, обезврежен — хочется думать, навеки.

152. — Сто́ит одному из единоборцев занять позицию над своим противником, как тот тут же подвергается *коху*. Так отец может причинить *кох* сыну, если поднимется на кровлю своего дома, то есть окажется над сыном, пережидающим сороковины внизу, внутри дома. Или же ты можешь подвергнуться змеиному *коху*, если над тобой пролетит птица со змеей в клюве. Формула с попиранием, как мы уже говорили в § 151, становится иконографией победы. Так входящие в комнату становятся причиной *коха* — наступают на судьбу пережидающего сороковины младенца. Мы говорили о том, что отец тоже может причинить *кох* своему сыну. Независимо от того, почему он это делает, мы видим, как он это делает. И потом обрати внимание, как исцеляют сына от отцовского *коха*: его обмывают на отцовском носке, имеющем отношение к отцовской попирающей ноге.

— Значит, важно, чтобы пути соперников не пересекались? И потому ставшие «перекрестными» молочными братьями новорожденные противники расходятся по непересекающимся путям? Но почему тогда в другом случае потенциальные противники входят одновременно в одну комнату?

— Здесь уже проступает другой смысл *коха* — единоборство. В данном случае как бы объявляется ничья. Вообще говоря, у новорожденного в сороковинах нет пути, он пока выжидает в своем месте окончания опасного срока. Поэтому его оберегают от разных проявлений *коха*. Когда после опасного отцовского прихода ребенка выносят из комнаты и потом снова вносят, комна-

ту-укрытие не «очищают» от проделанных там путей, не «откатывают» их, как мы делали в § 101. Главное здесь в том, что мать возвращается в комнату с ребенком на руках, то есть создает идеальное, максимально защищенное место для своего ребенка — без чужих и в объятиях матери. Комнату «очищают» в другом смысле: «стирают и начинают сначала». Может быть, держи она сына на груди, когда отец неосторожно входил в комнату, ей не пришлось бы восстанавливать идеальную целостность мать-сын.

153. — В § 152 мы толковали *кох* в связи с путем и соперничеством. Но как быть тогда с *кохом* няни?

— Ты имеешь в виду случаи, когда няня может подвергнуть *кох*у ребенка в сороковинах, если идет от другого ребенка в сороковинах?

— Да. Чтобы уберечь в таких случаях ребенка от возможного *коха* с ее стороны, ей выносят из дому ребенка и она входит в дом с ним на руках. Посмотри, мы не боимся, что няня только что держала на руках смертельного соперника нашего ребенка, что она «заразит» его; кстати, *кох* иногда передается как зараза. Если бы няня вошла в дом как чужая, «зараженная» предыдущим своим подопечным, она непременно наслала бы *кох* на нашего ребенка. Но она входит с ним как мать, а мать, как мы знаем, не может быть причиной *коха* для своего ребенка. Так, зная разные качества *коха*, ты можешь соответствующим образом пресекать его воздействие или избавляться от его последствий.

154. — Почему в § 150, говоря о *кохе* ребенка, мы прежде всего имели в виду сына? И каков *кох* дочери?

— Он тот же, что у сына. Но моделирует *кох*, как мы видели, именно сын, ведь ребенок это преимущественно мальчик. Армяне даже роды называют *tłaberk'* «рождение мальчика», а женщину с ребенком в сорокодневье — словом *tłoc'kan*, тоже предполагающим, что у нее мальчик (*tła*). И дело тут не в

дремучей патриархальности или провидческом антифеминизме, а в том, что часто прообразующей является триада отец, мать, сын, чего мы касались в § 146. Как мы уже знаем из предыдущего параграфа, сын занимает место отца в двусоставном целом своих родителей. Они всячески оберегали новое целое от внешних посягательств, но разделяющий появился изнутри. Кстати, молодожены оберегают свою цельность не только по пути в церковь на обряд венчания, но и в сорокодневье после свадьбы; правда, толкуется их предосторожность в сексуальном контексте: как бы жених или молодой супруг не потерял мужской силы, а невеста или молодая — женских, плодоносных качеств. Но по тому, как они оберегаются — не позволяют кому-нибудь пройти или бросить камень между ними, — мы узнаём, что опасность грозит прежде всего их целому. Сегодня мы забываем об опасностях сорокодневья и даже наоборот, подвергаем свою целостность гораздо бо́льшим испытаниям, отправляясь в свадебное путешествие сразу после свадьбы, чтобы провести медовый месяц среди чужих и неизвестных, а стало быть, потенциально недобрых людей и духов. Впрочем, может быть, мы тем самым избавляемся от своих — гораздо более завистливых и недобрых.

— Значит, сын ищет в матери не сексуального партнера, а утраченное единство, в котором он пребывал еще совсем недавно в ее утробе?

— Да, это что-то вроде дофрейдова комплекса Эдипа, который позже наполняется сексуальным содержанием. Кстати, пророчества обычно говорят лишь об угрозе, которую несет будущий сын своему отцу или царю, всеобщему отцу, о матери же ничего не сообщается. Даже в случае Эдипа причина обладания матерью — полное замещение отца, присвоение всего отцовского, а не противоестественное влечение к матери.

155. — В § 150 мы говорили о том, что если беременная женщина окажется между двумя мужчинами, ее плод в замешательстве не будет знать, кто из двоих его отец. Ведь нормальная

триада это мать, отец и ребенок, поэтому любой мужчина рядом с ребенком потенциально его отец. И потому ребенок рождается чахлым и не живет долго. Или же он ничего не знает о внешнем мире, доживая лучший период своей жизни, а те двое вступают в поединок за будущего сына. Как бы то ни было, в результате ребенок подвергается *коху*. А пострадает ли он, если один из двоих настоящий отец ребенка?

— Мне неизвестны такие случаи, но думаю, что всё равно пострадает, так как его дилемма и поединок двух мужчин будут генетически более обоснованными. Однако мне известны другие случаи, когда ребенок не подвергается *коху*, а раздваивается на близнецов, чтобы каждый из отцов получил по сыну. Сегодня, если близнецы не идентичные, изощренные анализы позволяют иногда определить обоих отцов, принижая тайну соответствия двоих двоим до банальной измены жены. Но обычно рождение двойни происходит не по ее вине, и рожденным близнецам, даже неотличимым, находят различных отцов не менее хитроумными способами. Здесь тоже женщина оказывается между двумя, но один из них — дух, поэтому не все могут его увидеть. Поэтому к рожденному от духа относятся соответствующим образом — почитают, если он рожден от доброго духа, или убивают, если от злого. А чтобы ненароком не ошибиться, нередко почитают или убивают обоих.

— Значит, один из таких братьев человек, а другой дух?

— Вовсе не обязательно. Имеется много случаев и на Востоке и на Западе, когда от духа-отца рождается герой-человек: таковы братья Пандавы или сыновья Зевса. Кажется, только в одном случае такая проблема стала дилеммой — в случае Христа. Мария оказалась между целомудренным мужем-плотником и всесильным Духом Святым. Но поскольку Христос не имел брата-близнеца, его стали искать в нем самом. Порой, в минуты слабости, не только толкователи, но и сам он не знает, кто он, человек или Бог, поэтому некоторые предпочитают «убить» од-

ного из «близнецов», как это когда-то попытался сделать ересиарх Несторий и продолжают делать монофизиты, другие же придумывают хитроумные формулы, в которых определяют соотношение божественного и человеческого в нем. Посмотри, когда женщина оказывается между двумя мужчинами или рожает двойню, мы сравнительно легко решаем спор между двумя и ограждаемся от их соперничества, но когда второй присутствует неявно, мы вступаем в непримиримый и нередко кровавый спор, который длится веками.

156. — Вчера мы говорили о том, как каждому близнецу находят соответствующего отца. И еще о том, как их обоих почитают или же убивают. А что с самими близнецами? Ведь каждому месту должна соответствовать лишь одна вещь, а двойня занимает одно общее место. Это особенно бросается в глаза, когда близнецы идентичные.

— Действительно, идентичные близнецы нарушают закон соответствия места и вещи. Поэтому они вступают в смертельную борьбу друг с другом.

— Но если они абсолютно идентичны, это будет безысходный и вечный поединок!

— Ты прав. В известном смысле это действительно вечный поединок. Даже когда первоначальные близнецы преобразуются в героя и дракона, уже занимающих разные, противопоставленные места, их забытая теперь близнечность тем не менее заставляет их биться вечно. И даже когда герой побеждает дракона, нередко это временная победа, подобно тому как добро не может окончательно победить зло. Во всяком случае на этом основано любое дуалистическое миропонимание. Вспомним также, что тень нужна, чтобы высветить предмет или героя; мы говорили об этом в § 11 и 34. Тем не менее в мифах, любящих доискиваться начала всего, что окружает нас в нашем видимом и невидимом мире, имеется альтернатива вечному поединку идентичных братьев. Если ни один из них не может одолеть другого, они погибают

оба, как нартские близнецы Ахсар и Ахсартаг. А чтобы закон соответствия вещи и места не дал сбоя в этом случае, на месте их гибели вырастает нечто одно — цветок, дерево, столб или что-нибудь другое, но обязательно растущее вверх. Например, на могиле нартских близнецов поднимается высокое сложенное из камней надгробье, а над ним дворец. Сами же близнецы нередко застывают в виде симметричной зеркально противопоставленной пары, окаймляющей такое «древо», выросшее на месте их гибели, как мы видим на всевозможных трехчастных зеркально-симметричных композициях. Конечно, не всякая зеркальная пара изображает близнецов или восходит к ним, как бесхитростно полагают некоторые толкователи таких композиций, однако противоборствующие близнецы почти всегда «где-то поблизости», организуя эти композиции, направляя руку художника, которая порой помнит лучше, чем его голова.

157. — А замечал ли ты, как иногда мы расширяем, раздвигаем место, чтобы там поместились оба брата и закон соответствия вещи и места не нарушался? Например, мы иногда ругаемся по-армянски в адрес «доли матери» нашего единоутробного брата.

— Это всего лишь временные уловки. Хотя в тесноте утробы близнецы занимают разные места, эта незначительная разница не мешает считать утробу матери их общим местом. А так как у них место одно, они борются за разницу во времени: каждый стремится первым выйти на свет божий. Некоторые близнецы так спешат быть первыми, что рождаются раньше времени. Так Сет, завистник Осириса, явился на свет «не вовремя и не должным образом: он выскочил из бока матери, пробив его ударом». А ирокезские близнецы Иоскега и Тавискарон так отчаянно боролись за первенство, что разорвали утробу матери, погубив ее. Библейский Иаков уже после рождения хитростью забирает себе первенство, которое по праву принадлежало его брату Исаву, а его сын Иосиф во сне ставит себя выше своих старших братьев, за что они и расправляются с ним.

Так соревнуются за первенство многие близнецы, даже когда это и не главная тема их взаимоотношений или когда такое соперничество лишь угадывается. Например, знакомые нам уже нартские близнецы Ахсар и Ахсартаг вроде бы вовсе не борются за первенство, но младшему, Ахсартагу, из почтительности взявшемуся сторожить яблоки и во вторую половину ночи, чтобы старший брат выспался, достается голубка-женщина, кравшая яблоки именно тогда, когда сторожить их должен был Ахсар. То есть младшему брату достается жена, причитавшаяся старшему брату. Поскольку здесь нет явной темы соперничества между братьями, их конфликт завершается не убийством, а двойным самоубийством. Ахсар, обидевшись на брата за подозрение в насилии над его женой, пускает стрелу вверх, чтобы она поразила его в то место, которым он коснулся своей невестки. Стрела возвращается и убивает его, поразив в мизинец. Убедившись таким образом в невинности брата (оставим пока вопрос о «виновном» мизинце), Ахсартаг устанавливает свой меч так, чтобы рукоять упиралась в грудь Ахсара, а острие — в собственное сердце. Так он погибает «от груди» своего брата.

— Скрытую тему борьбы за первенство младший брат носит уже в своем имени: Ахсартаг значит «отважнейший», тогда как имя старшего брата Ахсар — лишь «отважный». Значит, соперничество братьев было предопределено с самого их рождения?

— Ты прав. Младший близнец здесь изначально подразумевается главным в паре. Причем он не борется за первенство, как другие близнецы. Если он и прибегает к обману, то не как Иаков. Он не будит брата, как они договаривались, не для того, чтобы отбить у него потенциальную невесту, а из этикетного почтения к старшему брату. Тем не менее младший близнец в итоге занимает место старшего. Доскажи эту историю более отстраненный рассказчик, младший брат остался бы из пары один, чтобы не было несоответствия вещи и места. Но горцы решают противоречие на свой гордый лад: уходят оба близнеца и на месте их гибели появляется одно надгробие.

— Тогда в любой сказке, где фигурируют братья, ты найдешь подобную «отстраненность», потому что там младший, последний брат становится под конец первым; старшие же, завистливые братья часто наказываются, уходят со сцены, оставляя младшего одного на месте, за которое боролись, — на царском троне.

— Но братьев здесь больше двух, к тому же они, как правило, не близнецы. То есть они многие разные, которые борются за место царя, как это по сей день повторяется с удручающим постоянством.

— Когда братьев много, три или больше, и они составляют не взаимодополняющее целое, как семь Семионов, а наоборот, раздираемую недобрыми чувствами группу, такая группа часто представляет собой две противопоставленные половины — младшего брата и злобное целое его старших братьев, выступающих как один завистливый брат-близнец. Уже то, что именем обычно наделен только младший брат, говорит о его конечной единственности. Хотя сказка любит иметь дело с числами больше двух, она не может освободиться от противоборствующей двойки, которой в эпосе и мифе соответствует двойня. Причем здесь младший не обязательно борется за первенство, как делали Сет или Иаков. Его изначальная половинность и ущербность, в отличие от его сказочного соответствия, предвещает его дальнейшую судьбу. Так полугорсть воды, от которой был зачат младший близнец Багдасар в армянском эпосе о Сасунских безумцах, предопределяет его «вторую роль» по сравнению со старшим близнецом Санасаром, зачатым от полной горсти воды из чудесного источника. Например, из братьев только старший, Санасар, проходит инициацию на дне моря. Вспомни Ахсартага, младшего нартского близнеца, который отправляется за невестой на дно моря, оставив старшего брата на берегу. Больше того, Багдасар умирает бездетным, а Санасар порождает внуков — противоборствующих сводных братьев, доведших лишь намеченное в дедах противоборство до смертельного поединка заклятых врагов.

— Получается, что сказка переворачивает близнецов, чтобы они имели повод бороться за первенство.

— Сказка имеет дело с более сложными свойствами героев. Но в известной мере ты прав. Недаром когда Сасунские близнецы переходят в сказку, Багдасар становится старшим братом, а Санасар младшим, чтобы по законам сказки занять подобающее его эпическому двойнику главное место.

158. — В § 157 мы пытались расширить место, занимаемое близнецами, чтобы там поместились оба одинаковых брата и закон соответствия вещи и места не нарушался. Замечал ли ты, что с той же целью мы прибегаем к другой уловке: находим у неотличимых близнецов незначительные отличия, чтобы они по праву занимали разные места? Например, у одного на голове завиток волос заворачивается вправо, а у другого влево.

— Но тем самым близнецы приобретают первые признаки взаимной зеркальности.

— Да, теперь они могут встать симметрично по обе стороны от центральной составляющей трехчастных композиций, о чем мы говорили в § 156. Собственно, только «зеркальные» близнецы могут занимать такое симметричное положение. Мы делаем новый шаг в различении: один близнец оказывается правшой, а другой левшой, что еще определеннее разносит их по разным, противопоставленным местам и предопределяет их извечную враждебность. Вспомни, как в § 15 ангел стоит у нашего правого бока, а черт у левого, или как отражение бога стало чертом. Так небольшая зеркальность в итоге разносит близнецов не просто по разным, а по полярным, враждебным местам.

— Но ведь тогда, став такими разными, они уже не будут биться вечно?

— Так оно часто и бывает. Один из близнецов обречен на гибель. В эпосах и мифах это, как мы знаем, младший близнец, в сказках же в итоге сходит со сцены старший близнец или соответствующий ему обобщенный образ. Если бы мы могли

зафиксировать братьев-единоборцев в пространстве, поражение потерпел бы скорее всего «левый» близнец. На петроглифах Армении, изображающих противоборство, именно правый «близнец» вроде бы действительно чаще доминирует по своим размерам, угрожает партнеру оружием, вообще более агрессивен.

— Но ведь в сказках как раз младший брат оказывается жертвой козней старших братьев или «сборного» старшего брата.

— Смерть младшего брата — временная. Он умирает, уходит в нижний мир, чтобы воскреснуть и занять подобающее ему место уже без старших братьев. Его воскресение это прорастание — буквальное, как в случае Осириса, или символическое, как подъем младшего брата сказок из нижнего мира на белый свет вдоль ствола дерева на спине птицы. А на петроглифах, под стать большей агрессивности правого «близнеца», левый иногда явно расцветает.

Собственно, мы часто знаем лишь проросшего близнеца, который быстро теряет не только противоборствующего брата — сперва близнеца, потом единоутробного, еще позже сводного, — но и пришедших им на замену противников, от героев-драконоборцев до обычного и небесного отца.

159. — Значит, близнец, который в сказках борется с драконами и победоносно возвращается домой, чтобы разоблачить коварных братьев, сам драконьей природы?

— Это долгая история. И потом герой не проходит последовательную цепь трансформаций до своего противника-дракона, хотя такие случаи тоже известны. Вспомни, как храброго царевича Артавазда в итоге заточают в пещеру на вершине горы Масис как вишапа (дракона). Его цепи грызут два верных пса, но, к счастью, кузнецы в своих кузницах время от времени бьют по наковальне и от этого истончившиеся цепи вновь крепнут; иначе вырвавшийся на свободу царевич-вишап уничтожит весь мир. Трансформация царевича в вишапа здесь очевидна, хотя не

совсем понятна, и существует даже древняя версия, что царевича еще в младенчестве подменили детенышем дракона.

— Но почему герой всё же носитель драконьих черт? Судя по твоему последнему замечанию в предыдущем параграфе, ты имеешь в виду сказочного «близнеца» — младшего, ущербного брата.

— Да. С драконами соотносится именно младший, ущербный брат, который становится жертвой своих старших братьев. В мифоэпической паре близнецов ему на этот раз соответствует тоже младший. Вообще в мифической паре близнецов один из братьев, как правило младший, имеет зловредные черты или же он просто драконьей природы. Таковы близнецы у многих народов, творцы и устроители мира. Потому их противостояние становится драконоборством. Поверженный же дракон возрождается в виде растения, дерева или другой вертикальной структуры, эти черты в известной мере унаследовал младший брат сказок.

Мы часто знаем драконьего близнеца лишь как проросшую жертву и не видим его былой зловредности. Начальная ущербность перерождающегося героя это, возможно, то немногое, что напоминает о его драконьем происхождении. Вообще за жертвой всегда тянется след вины, пусть не всегда ясно различимый, ее хорошо забытое драконье прошлое. И не бывает невинной жертвы. Даже Христос, самая безвинная жертва, взял на себя грехи человечества. Но сейчас разговор не об этом. Я лишь хотел тебе показать, как проросшая жертва теряет своего убийцу — жертвователя. Либо жертва и жертвователь сливаются в одно, как в дионисийских мистериях всё есть Дионис — и жертва, и жрец, и даже присутствующие при жертвоприношении. Либо жертва добровольно приносит сама себя в жертву, как об этом повествуют многочисленные истории. В § 119 мы говорили о том, что Óдин был принесен в жертву себе же на дереве. Теперь ты уже не удивишься тому, что жертвоприношение на дереве или у дерева не так далеко от дерева, вырастающего из жертвы. Может быть, и это дерево, у которого мы ведем наши беседы, выросло некогда

из жертвы, может быть даже первожертвы, потерявшей своего первопротивника — брата-близнеца.

160. — А что происходит с близнецом-победителем?

— Он продолжает совершать героические действия — борется с другими драконами, отголосками и «дальней родней» своего брата-дракона, хотя он и не помнит давнего родства с сегодняшним противником. Он перерождается в Громовержца и продолжает вечную борьбу с не менее хитроумно перерождающимся противником. Или становится отцом и наказывает провинившегося младшего сына. Вспомни «сборного старшего близнеца», расправляющегося с младшим братом. Вспомни также, что мы говорили о следе вины, тянущейся за жертвой.

— А что было раньше: близнецы или отец и сын? Или это то же самое, что спрашивать о первенстве курицы или яйца?

— Вопрос о курице и яйце парадоксален и глубокомыслен для птичника или поедателя яиц, для тех же, кто имеет дело с мифом, вначале было мировое яйцо. Так и в нашем случае: вначале были противоборствующие братья. Речь идет, конечно, о первых близнецах. Взаимоотношения двоих, двух одинаковых половинок одного целого, проще и архаичнее семейных отношений. Поэтому основной миф, включающий наказание Громовержцем младшего сына и змееборчество, легко свести к мифологеме первых близнецов.

— А все ли противники близнеца-победителя или его дальнейших отголосков перерождаются после смерти? Все ли они становятся жертвами? Все ли порождают столь нужные нам деревья, злаки, плоды и растения, вызывающие охмеление или виде́ния?

— Нет, не все. Некоторых, подобно Артавазду, нужно держать вечно взаперти, чтобы они не разрушили мир. Гибель некоторых из них не всегда связана с возрождением, хотя такая возможность есть. Или же их возрождение опасно для мира. Потому нужно быть внимательным при борьбе с нечистой си-

лой — знать, где находится смерть противника, как в случае с Кащеевой смертью, которая иногда спрятана в сундуке в корнях или ветвях гигантского дерева. Следует выпустить и поймать спрятанных в сундуке птицу, зайца и рыбу — кратковременно высвободить эти свернутые атрибуты мирового древа, допустить минутный взрыв-произрастание древа жизни противника перед его гибелью. Или же надо быть осторожным, не слушать коварных призывов бить второй раз, чтобы не позволить противнику возродиться на гибель человечеству, но об этом мы поговорим в другой раз.

— А как быть с противниками, с которыми не всё ясно? Когда не знаешь точно, заточил ли ты в пещере или в скале героя, дожидающегося благого для человечества возрождения, или дракона, стремящегося к освобождению-возрождению на погибель миру. Например, если с армянским Артаваздом и грузинским Амирани вроде бы всё ясно и их вряд ли следует выпускать на свободу, то никогда не можешь быть уверен с армянским эпическим героем Мгером Младшим, по проклятию родителей вошедшим в скалу у озера Ван. И Артавазд и Амирани грозят уничтожить мир, Амирани в первую очередь — грузинских кузнецов, которые, подобно своим армянским собратьям по ремеслу, регулярно укрепляют цепи Амирани ударами молотов по наковальне. Кстати, в некоторых версиях делать это им не требуется: Амирани сам укрепляет свои оковы. Когда он после долгих усилий вот-вот вытащит из земли железный столб, к которому прикован, на него садится трясогузка, и чтобы прогнать ее, Амирани замахивается цепью и вбивает столб в землю глубже прежнего.

— С этими героями — я беру это слово в том двояком смысле, о котором мы говорили в § 50 — ясно по крайней мере одно: их вряд ли сто́ит выпускать из заточения. Следует быть осмотрительным и не поддаваться национальным чувствам, как некоторые толкователи, которые не хотят видеть опасных «азиат-

ских» качеств Амирани, принимая их за благородные «европейские» Прометеевы порывы, поддавшись давней эйфории вокруг одного подвига Прометея и забыв его менее благовидные поступки и хтоническое происхождение. С Мгером Младшим сложнее: исполненные надежды на освобождение этого героя, которое наступит когда зерна пшеницы станут величиной с лесной орех, а ячменя — с плод шиповника и на земле воцарится справедливость, мы часто склонны забывать его порой еще более неблаговидные, иной раз в космических масштабах разрушительные действия. Иногда заточенный герой выходит из скалы чтобы узнать, настало ли это блаженное время, и проверяет, держит ли его земля, но земля, к счастью, не подвержена сантиментам и не держит его, как не держит любой великий грех — вспомни русского великана Святогора, который ушел в землю, скорее всего из-за своего хтонического происхождения.

161. — Обладают ли герои и антигерои национальными чертами?

— У них, конечно, можно обнаружить национальные черты, как мы это увидели в этикетном самоубийстве нартских близнецов; правда, там скорее можно говорить об общегорском характере. Можно найти национальые черты и в некоторых поступках Амирани, например в его гордом нежелании выйти из брюха проглотившего его чудовища через естественные выходы, чтобы не получить обидное прозвище. Поэтому он прорезает искусственный выход в боку чудовища и выходит через него, что, впрочем, не спасает его от насмешек братьев, но уже по другому поводу: находясь внутри, он потерял волосы. Это последнее злоключение роднит Амирани со многими другими героями, которым довелось побывать в брюхе чудовища и потерять там от жара волосы. Сходным образом лысеет Геракл, бросившийся в огнедышащую пасть морского чудовища ради спасения Гесионы, дочери троянского царя Лаомедонта. Кстати, сказочный герой из § 158, выбирающийся из нижнего мира на белый свет, тоже

часто «лысеет», надевая на голову свиной пузырь, и получает соответствующее прозвище *К'ачлук* (*К'ач'luk*) — «плешивый». Все эти лысеющие герои соотносятся с инициантами, чьи волосы особенно наглядно отражают происходящие с ними перемены. Только Ионе, одному из самых знаменитых героев инициационного типа, побывавших в брюхе морского чудовища, удалось сохранить свои волосы, во всяком случае Библия умалчивает о судьбе его волос, а художники-иллюминаторы на этот раз не выказывают тайного знания.

Национальные отличия могут обмануть нашу бдительность и мы выпустим на волю «национального» героя, который уничтожит весь мир. Или же нас может обмануть эсхатологический пафос и мессианские ожидания, перешедшие к нашим героям от других героев, как это случилось с Мгером Младшим, чью вредоносность выдают, кроме мотива чувствительной ко греху земли, версии, раскрывающие его Артаваздовы черты: подобно царевичу-дракону он уничтожит мир, если выйдет на свободу.

162. — Прикованный на вершине горы герой играет гораздо бóльшую роль, чем мы обычно думаем. Он часто невидим, только иногда мы ощущаем его присутствие. Так охотник, привязанный к скале волосами хозяйки зверей Дали, — предшественник, а возможно и отец Амирани, становится виден с земли, когда тучи заслоняют солнце. Даже в распятии Христа видны отголоски мифа о прикованном герое. Вспомни пещерную могилу, из которой исчезает («освобождается») Христос, конец света, который приурочивают ко второму пришествию, наконец г о р у Голгофу, на которой распинают («приковывают») Христа. Обрати внимание: рука художника выводит гору, на которой прикован далекий потомок прикованного в горах героя, независимо от топографических особенностей библейского ландшафта. Недавно художник-миниатюрист Лилит Амирджанян добавила еще одну горную тему в сцену Распятия: в основании Голгофы она поместила силуэт горы Масис (Арарат). Эта казалось бы вольная

горная подробность возвращает нас к царевичу-вишапу Артавазду, прикованному на вершине горы Масис. Если христианская легенда вводит мессианские черты в артаваздовскую в сущности концовку мифа о Мгере Младшем, то гора Масис в основании Голгофы напоминает об «артаваздовских» истоках мессианского мифа.

163. — А как художник передает противоборство близнецов?

— До того как его передаст художник, оно оформляется «художником», живущим в каждом из нас. «Правый» брат-победитель поднимается наверх, как подобает победителю — мы знаем это по его попирающей позе из § 152, — на вершину дерева, поднявшегося из тела погибшего «левого» близнеца, который сам остается у корней. Когда дерево перестает расти и принимает теперешний вид, погибший близнец спускается вместе с корнями вниз, под землю. Его драконья природа способствует возвращению к нему змеиного облика. А его убийца, поднявшись на вершину дерева, часто принимает образ птицы или другого хозяина верхнего мира. Такое дерево нередко имеет зеркально-симметричные звенья по бокам — застывшую память о «вечной» схватке идентичных близнецов. Так каждый находит подобающее ему место, когда росток, выросший из тела погибшего, разрастается в дерево, подобное тому, у которого мы ведем наши беседы.

164. — До сих пор мы говорили о братьях-близнецах. А какова судьба брата и сестры — разнополых близнецов?

— Братья вступают в смертельную борьбу, которая завершается ростом какого-нибудь растения, в идеале — мирового древа. А брат и сестра вступают в запретную любовную связь, после чего оба гибнут и тоже дают начало тому или другому растению. Вот этот двуединый цветок иван-да-марья, говорят, некогда был купальскими братом и сестрой Иваном и Марьей, совершившими кровосмешение. А это необходимое в магии растение *сулумвойя*, говорят, выросло из тел тробрианских брата и

сестры, тоже погибших из-за инцеста. Тоби-батакские инцестуозные брат и сестра — близнецы, их братья и сестры сливаются воедино, а из их единой головы вырастает дерево, которое идет на шаманские жезлы — символы мирового древа.

— Получается, что мировое древо обязано своим происхождением не только смертельной борьбе однополых близнецов, но и запретной связи разнополых близнецов?

— Да. Именно потому, наверно, мировое древо связано со сводом брачных предписаний, главное из которых направлено на предотвращение инцеста. Дерево, которое родилось в результате инцеста, становится главным его противником.

— Вообще близнецы легко вступают в запретную связь у дерева. Не связано ли это с забытой историей о начале дерева?

— Скорее всего так. Причина и следствие соединяются в одной картинке. Может быть, здесь тоже мы обязаны таким сведéнием воедино начала и конца живущему в глубине нас художнику, визуализирующему множество «кадров» длинной истории в емкую формулу всего рассказа. Точно так же он часто изображает смертельную борьбу братьев-близнецов, порождающую дерево, в виде их противоборства у дерева. Поэтому ты верно заметил: при инцесте близнецов у дерева всегда надо помнить, что он воссоздает инцест первой пары, приведший к появлению дерева, у которого эти поздние близнецы совершают свой первый грех. Кстати, иногда налицо обе версии первого инцеста. Например, знакомые нам тоби-батакские инцестуозные брат и сестра по другим рассказам не порождают дерево, из которого потом вырезают шаманские жезлы, а прирастают к уже бывшему дереву, которое тем самым становится пригодным для шаманских жезлов — символов мирового древа.

— В таком случае к классу инцестуозных «первоблизнецов» можно отнести и библейских прародителей человечества. Ведь Ева — генетическое отражение Адама, и Адам познает ее у древа познания добра и зла.

— Несомненно. Но посмотри, Бог лишил их бессмертия за запретный инцест у древа, но взамен даровал вечную смену жизней и смертей — извечное древо жизни, которое мы изображаем в виде генеалогических древ. И как погибший близнец из однополой пары дает начало дереву, так из тела «близнеца» Адама из разнополой пары вырастает крест Распятия; мы видим череп или скелет Адама в основании Голгофы на миниатюрах и голову Адама в основании расцветших крестов на армянских *хачк'арах* (крест-камнях).

— А почему дерево-крест растет из Адама, а не из Евы? Почему батакский художник вырезает символы мирового древа из дерева, порожденного обоими близнецами, а наши местные мастера «винят» в инцесте только Адама?

— Адам становится единственным началом Креста-древа не только благодаря руке художника, «помнящей» то, о чем не говорят словами. Что именно Адам отвечает за содеянный обоими грех, знают и апокрифические легенды, по которым умершему Адаму кладут под язык три семени с райского древа жизни, из них вырастают три дерева, соединившихся в одно. Через века после множества чудесных историй это дерево послужило материалом для креста, на котором распинали Христа. Такие истории показывают, что грехи, которые взял на себя Христос, ведут нас прямо к райскому дереву, у которого первая человеческая пара совершила свой первый грех. Впрочем, такие замысловатые истории необходимы только рассказчику. Художнику они вряд ли нужны, он может просто изобразить Христа распятым на райском древе жизни, как сделал художник XV века. Кстати, в армянской традиции сходное лаконичное соотнесение райского дерева и Креста Распятия выражается словесно: выражение *ρ'ayt kenac'* для Креста значит «древо жизни», но *ρ'ayt* значит собственно «древесина» и только вторично «дерево»; так можно свернуть в слово долгую апокрифическую историю.

— И потому используют слово *ρ'ayt*, а не *caŕ* — собственно «дерево», которое не имеет значения «древесина»?

— Даже если это делается не нарочно, «древесина-дерево» рассказывает какую-то свою историю. Сравни: в русском *древе жизни* не чувствуется «древесины», хотя это второе значение слова *дерево*. Однако возможно, что апокрифическую историю придумали только чтобы пояснить то странное обстоятельство, что за первородный грех обоих отвечает один Адам, как изобразил художник. Подобно тому как миф соотносится с ритуалом, то ли прообразуя его, то ли интерпретируя, мы имеем соотнесенные рассказ и изображение. Так или иначе, думаю, что художник здесь прав, на самом деле согрешил лишь Адам, Ева же греховна изначально. Поэтому, как мы говорили в § 145, у змеи, что искушала Еву, лицо Евы; змей-искуситель в ней самой, она собою искушает Адама. Как у однополых близнецов один имеет изначально драконьи качества, так у разнополых близнецов один — именно женская половина пары — обнаруживает змеиные черты.

165. — Адам и Ева — первые «близнецы»-супруги. Тогда мы ищем не только супруга или супругу — близнеца, а ищем в этом близнеце еще и змеиные черты?

— Собственно, змеиную природу имеет обычно только жена, вспомни змею с лицом Евы. Супруг-змей — временный, незаконный, он похищает жену у ее истинного супруга, главного героя сказок, который в итоге возвращает себе свою половину. Но тот же герой часто находит себе жену змеиного происхождения — дочь Змея или другого драконоподобного существа, хотя такая жена часто больше никак не проявляет своей змеиной природы. Но ты прав: мы ищем жену-близнеца, а она «неожиданно» оказывается змеиной природы. Вспомни, как великий отшельник Джараткару искал себе в жены девушку, которая носила бы одно с ним имя, чтобы спасти своих предков, оставшихся без потомства. И он находит свою тезку, а она оказывается сестрой змея Васуки.

— Ты хочешь сказать, что она его близнец, потому что у нее то же имя?

— Одинаковость имен выдает их исконную близнечность, хотя об этом в Махабхарате не говорится. Разве ты не замечал, что близнецам дают близкие, почти одинаковые имена? Вспомни Ахсара и Ахсартага. Вообще говоря, одинаковым близнецам должны бы давать одно имя, как это сделали догоны, назвав своих великих близнецов, брата и сестру, одним именем Номмо. Поэтому когда у супругов оказываются близкие имена, можно ожидать, что их брак будет близок к «близнечному». Однако такое случается не часто, и обычно мы «силой» заменяем жене фамилию своей. Конечно, ты можешь возразить, что мы этим вводим ее в свой род, делаем своей. Но введя ее в свой род, мы делаем ее тем самым запретной для себя, «признаёмся» post factum в своем кровосмешении.

— Меняя фамилию жены, мы «исправляем» жену, «лишаем змеиности». Ведь не всегда ее змеиная природа выражается только в ее происхождении. Нередко она скрывает в себе змеиные качества на нашу погибель. Поэтому муж в сказках убивает затаившихся в ней змей, лишает ее змеиности, чтобы возродить в ней женщину. Лишь когда змеиность жены вырождается в непримиримое змееборство, перешедшее к супружеской паре, возможно, от змееборства другой непримиримой пары — братьев-близнецов, муж поступает обратным образом: возвращает жене ее первоначальный змеиный облик. Такую казнь учиняет Маринке былинный герой Добрыня: прежде чем отрубить ей голову, он отсекает ей руки, ноги, грудь, причем оказывается, что у нее «во всяком суставе по змеенышу». Но обычно мы «убиваем» добытую из чужих, «змеиных» земель невесту, поэтому она поет после первой брачной ночи: «Оделась я кровью, умерла, умерла...». Мы «убиваем» ее, чтобы она переродилась в нашем, человеческом роду.

166. — Похоже, что судьба первых однополых близнецов повторяется в судьбе первых разнополых близнецов. Смертельное противоборство братьев приводит к росту дерева, тем же

завершается гибель инцестуозных брата и сестры. Можно сказать, что мы имеем дело с двумя вариантами одного мифа, вернее мифологемы, поскольку на этой мифологической основе развертываются разные мифы.

— Два варианта, с однополыми и разнополыми близнецами, так близки, что часто порождают гибридные варианты. Например, два брата, которые жили на острове Серам в начале времен, не могли жениться на своей сестре. И хотя они не доходят до братоубийственной борьбы, один из братьев всё же погибает, вернее исчезает, и из его языка вырастает кокосовая пальма — подобно тому как из-под языка Адама вырастает триединое дерево. Оставшийся в живых брат по завету исчезнувшего женится на сестре.

Или же две мифологемы могут распределиться по разным поколениям. Так, разнополые «близнецы» Адам и Ева рождают противоборствующих Каина и Авеля, причем в апокрифических толкованиях причиной конфликта между братьями выступает их сестра (или сестры).

— Но гибель Авеля не сопровождается ростом дерева или какого-либо растения. Об этом не говорят вроде бы и апокрифы.

— Ты найдешь вегетативное оформление смерти Авеля у Рабле: «земля, впитав в себя кровь праведника, уродила множество всяких плодов» — дописывает он библейское братоубийство по логике мифологемы первых близнецов. Даже когда какие-то части парной мифологемы отсутствуют в одном варианте, художник или рассказчик впоследствии дорисовывает или дописывает историю близнецов нужным образом. Ты можешь найти и случаи, которые не относятся прямо к парной мифологеме, но как бы подготавливают для нее почву. Такие случаи имеют дело с обеими парами близнецов, но в историях о них отсутствуют те или иные детали или же они присутствуют неявным образом. Например, в мифах о начале мира с Солорских островов разнополые близнецы оказываются единственными людьми, выжившими после некоего великого катаклизма, скорее всего потопа.

Они спасаются на вершине кокосовой пальмы, что вполне естественно для острова. Но мы уже достаточно знаем о близнецах у дерева, чтобы с бо́льшим вниманием отнестись к близнецам на дереве. Тем более что они потом порождают классических враждующих братьев-близнецов, которые к тому же, согласно некоторым версиям, вступают в спор из-за сестры. Правда, их борьба далее не оформляется вегетативным образом.

— В таком случае к гибридным вариантам следует отнести и миф об Осирисе и Сете, о котором мы уже говорили, поскольку он является также мифом об Осирисе и Исиде — близнецах-супругах, полюбивших друг друга еще в утробе матери.

— Конечно. Парная мифологема близнецов здесь отражается и в других эпизодах, которые обычно остаются в тени буйно проросшего Осириса. Например, Сет в виде быка преследует свою единоутробную сестру Исиду, принявшую облик собаки с ножом на конце хвоста, но не может догнать ее и проливает семя на землю. И его семя прорастает растениями *бедеткау* — чем-то вроде дыни или арбуза. Здесь тоже инцест, хоть и неудавшийся, сопровождается прорастанием. Заметь, в отношения брата и сестры вплетается тема преследования и насилия, вроде бы больше соответствующая отношениям противоборствующих братьев. И еще: Сет, во всех этих историях не проявлявший своих змеиных качеств, в дальнейшем так или иначе получает змеиное обличье, проявляет свою змеиную природу. Так, обезглавленный сыном Осириса Хором (сын унаследовал вражду отца с братом) Сет превращается в змея и исчезает под землей. Недаром греки отождествляли его со змеем Тифоном. Так в пределах одной сюжетной линии парная мифологема близнецов может выступать не только в гибридных, но и в змеиных вариантах.

— И еще один гибридный вариант, наверно, один из самых разработанных, — основной индоевропейский миф, о котором мы уже говорили в § 160 в связи с мифологемой близнецов. В нем соединяются мотив инцеста, поединка и произрастания. И ведь основной миф это миф о поединке Громовержца со Змеем.

167. — В § 125 мы выбираем себе жен, чем-то напоминающих нашу мать. Но нередко мы ищем себе в жены ту, кто напоминала бы нас самих. Так в § 165 отшельник Джараткару ищет жену-тезку. А сарацинский принц Флуар ищет свою возлюбленную Бланшефлор, с которой они делят еще большее число близнечных черт: они были зачаты в одну ночь и родились в один день, делили всё кроме материнского молока, а главное, были очень похожи друг на друга. И еще я знал человека, который родился без близнечной пары, но нашел невидимого для нас близнеца — свою сестру и супругу.

— То есть мы имеем близнечный вариант Платонова андрогина? Тогда Адам будет андрогином, потерявшим своего близнеца. Поэтому Адам находит свою жену-«близнеца» у райского дерева, которая подобно жене Джараткару успела принять змеиные черты.

— Мы привыкли видеть в Еве змеиные черты — так, мы знаем из § 145, изображали ее средневековые художники. Но наш страх от ее змеиности, подобный тому, что мы чувствовали в § 165, придуман людьми, забывшими, что эта «змея» вычленена из нас самих. Сходным образом мы опасаемся инцеста у дерева, но посмотри, как в сходной ситуации поступают индусы. Начинающие адепты, практикующие Тантру, совершают ритуальное соитие со своей *шакти* — женским партнером, однако совершенный йогин больше не нуждается во внешней подруге: его *шакти*, змея Кундалини, свернувшаяся в его нижней чакре, пробудившись ото сна, поднимается вдоль позвоночника наверх, к верхней чакре, чтобы даровать ему состояния подобные бессмертию.

— Потому-то в гностическом Евангелии от Филиппа сказано: «Когда Ева была в Адаме, не было смерти. После того как она отделилась [от него], появилась смерть. Если она снова войдет в него и он ее примет, смерти больше не будет.»

168. — А что было в начале? Изначальный ли андрогин делится на близнецов или же близнецы брат и сестра соединяются в андрогинное существо?

— Это не так важно. Ведь, следуя логике Платонова мифа об андрогине, разделенные близнецы вечно стремятся вернуть свою былую цельность. Так что мы становимся свидетелями — или участниками — одного из эпизодов вечной пульсации: близнецы сливаются в двуединое целое и вновь делятся на двоих. Поэтому индоиранское **yama-* обозначает и божественных инцестуозных близнецов и мифологическое андрогинное существо, а африканские близнецы и андрогины так тесно связаны.

Больше того, в каждом из нас затаился «близнец» противоположного пола, все мы андрогины, а не только те, кто носит явные признаки обоих полов. Этих «близнецов» разделяют психологи, выделяя в нас скрытые признаки противоположного пола, и ритуальные эксперты, отсекающие явные признаки. Так в Австралии мальчики на церемонии обрезания освобождаются от крайней плоти — символа женского лона, тем самым становясь настоящими мужчинами, а в Африке многие девушки освобождаются от клитора, этого очевидного соответствия мужского естества, и становятся настоящими женщинами. Но посмотри: те же австралийцы затем совершают еще одну, более суровую генитальную операцию — открывают уретру на невидимой стороне фалла. Тем самым они создают женский половой орган в соответствующем месте. Образующийся после операции разрез они называют влагалищем или «фалло-лоном», а в священных песнях влагалищем называется весь оперированный член. И всё это не вольные интерпретации заезжих этнографов и психоаналитиков, а осмысленные действия самих аборигенов, имеющих дело с инициационным андрогином, которого они делят на «чистые» половинки или создают искусственно.

Точно так же противоборствующие братья-близнецы или соединяются в противоречивый образ трикстера, который одной

рукой творит, а другой разрушает сотворенное, или вычленяются из каждого из нас, из глубин нашего сознания, где психологи ищут истоки брата-дракона из близнечной пары.

169. — Две мифологемы, с противоборством и соитием, это варианты единой мифологемы первых близнецов. Ведь противоборство сопоставимо с любовной борьбой, а убийство с соитием. В любом акте любви есть что-то от насилия. Недаром некоторые женщины считают всех мужчин потенциальными насильниками. Вообще война, насилие так или иначе связаны с соитием. Я имею в виду не только изнасилования, которыми всегда сопровождаются войны, а прежде всего то, что убийство жертвы приводит к плодородию; в нашей мифологеме — к росту дерева. Поэтому древние бронзовые статуэтки воинов угрожают потенциальному врагу не только оружием, но и своими напрягшимися фаллами. Охотник, другой образ воина, у многих народов преследует добычу, которая превращается в прекрасную девушку, и намеченное убийство заменяется соитием. У разных народов художники изображают, как охотники с напрягшимися фаллами преследуют добычу; ты можешь увидеть такие сцены на скалах в пустыне Калахари или на сосудах майя. Художник-майя изображает также хозяина леса ягуара, природного охотника, вместе с богами смерти, всех эротически возбужденных, отправляющихся на охоту за душами умерших. А средневековый армянский скульптор, вырезавший рельеф со сценой терзания на северном фасаде церкви Богородицы в Егварде, изобразил хищника леопарда или барса и его жертву серну в такой позе, что многие принимают терзание за спаривание. Как бы то ни было, терзание хищником жертвы, как правило, изображается у дерева, или жертва здесь тоже прорастает во благо миру, поэтому такие сцены называют благими терзаниями.

— Даже когда противоборствующая пара однополая, в борьбу иногда входят элементы «борьбы»-соития разнополой пары. Так в поединке Сета с сыном Осириса Хором имеется один

«инцестуозный» эпизод: Сет пытается склонить Хора к мужеложству и оплодотворить его, но благодаря хитрости Исиды сам беременеет от семени Хора.

— Ты прав. Такое сближение борьбы и соития ты можешь проследить еще у обезьян. Ты не видел, как побежденный в противоборстве самец принимает позу самки, готовой принять самца? Правда, потом эта поза становится универсальным знаком подчинения и просьбы. Например, детеныш-самец может принять такую позу перед матерью, прося ее поискать в его шерсти. Тем не менее сексуальный исток позы подставления так бросается в глаза, что некоторые наблюдатели приняли ее за отражение исконной гомосексуальности обезьян. Точно так же другие, но такие же наблюдатели полагают, что армянские ругательства в адрес отца ругаемого — своеобразная «патерщина», призванная снизить отца до женщины, — свидетельство скрытой гомосексуальности армян. Таким же образом, но уже на деле, в тюрьме принято «опускать» слабых и провинившихся. Вспомни еще *кох*-попирание, о нем мы говорили в § 151, и жену из § 84, овладевающую мужем в *пурушайите*.

170. — Борьба и соитие тесно связаны символически. Потому ли мы имеем две параллельные мифологемы — братьев-близнецов и брата и сестры?

— Думаю, и в этом случае тебе мало что даст поиск начала. Оставь это психологам — выяснять, что первичнее: тяга к власти или к противоположному полу, к первенству или к инцесту. Мы просто знаем, что братья-близнецы вступают в непримиримую борьбу, а брат и сестра ничего не могут поделать со взаимной страстью. Заметь: как противоборство, так и инцест близнецов имеют место еще в утробе матери. Будем считать это знаком генетической близости обеих мифологем, а не только символической близости борьбы-убийства и борьбы-соития.

— В чем же выражается эта генетическая близость сюжетов?

— Как и раньше в наших беседах, ты можешь проследить ее в одном цикле историй или же в случаях, отдаленных друг от друга во времени и пространстве. Близнецы, змеи и другие герои не знают таких преград, каждый готов открыть нам частицу своей тайны, если, конечно, ты спрашиваешь их о глубоко спрятанных свойствах и не обманываешься внешними отличиями.

В случае близнецов «генетическая» близость мифологем видна, например, в параллельных иерархических рядах предметов, под которыми или под видом которых пытаются укрыться побеждаемые герои пары. В основном мифе противник бога грозы укрывается во время поединка под человеком, конем, коровой, деревом, камнем или превращается в них. Противник объявляет богу, что спрячется, чтобы тот не убил его, но бог его тем не менее настигает. А в древнеиндийской истории о сотворении всего живого Пуруша сочетается с женщиной, сотворенной из него самого. В отличие от библейской первой человеческой пары здесь женская половина «близнечной» пары пытается избежать инцеста. Кстати, Ева не единственная среди близнецов, кто склоняет своего «брата» к кровосмешению. Ями, сестра-близнец ведийской, уже истинно близнечной пары предлагает своему брату-близнецу Яме вступить с ней в связь ради приобретения потомства, но тот отказывается, сославшись на их кровное родство. Несмотря на это подобно Адаму, породившему многочисленное потомство — всё человечество, Яма становится первым смертным, больше того — владыкой обители мертвых. Половина же Пуруши, убоявшаяся притязаний своего супруга-породителя, думает: «“Как может он сочетаться со мною после того, как произвел меня из самого себя? Что же — я спрячусь”. Она стала коровой, он — быком и сочетался с ней; тогда родились коровы. Она стала кобылой, он — жеребцом; она ослицей, он — ослом и сочетался с ней; тогда родились однокопытные. Она стала козой, он — козлом; она — овцой, он — бараном и сочетался с ней; тогда родились козы и овцы. И так то, что существует в парах, — всё это он произвел на свет, вплоть до муравьев.»

Или другой пример. Ты, наверно, помнишь, как в § 160 герой искал смерть Кащея. Ему надо было сперва найти сундук на дереве, потом поймать выпорхнувшую оттуда утку, потом выскочившего из утки зайца, чтобы в итоге добыть яйцо, в котором спрятана смерть Кащея. Сходным образом герой находит любовь царь-девицы в яйце внутри утки, заключенной в зайце, спрятанном в сундуке на дубе.

Даже орудие расправы в обеих мифологемах часто имеет одну природу. Вспомни стрелы-молнии, которыми Громовержец поражает своего противника, и стрелы любви, которыми поражают своих возлюбленных герои у разных народов и в разные времена начиная с палеолита.

171. — Почему богатырь не должен бить дважды?

— Надо остерегаться второго удара и не поддаваться чувству жалости, когда смертельно раненный противник молит тебя добить его, не поддавайся и призыву его отрубленной головы, если она будет просить у твоих ног: «Бей еще!» Но особенно остерегайся неведомых голосов, которые могут раздаться сзади сразу после того как противник будет повержен: «Руби еще, а то оживет!» Не верь этим лживым призывам: наоборот, именно второй удар непременно приведет к возрождению твоего врага.

— Почему же второй удар способен оживить поверженного противника?

— Прежде всего не забывай, что сказочный герой и его противник нередко во многом прямо противоположны, противник это как бы перевернутая, с обратным знаком, картина героя. Например, герой молод, а его противник стар; или другой пример, более выпуклый: герой младший, но главный среди своих братьев, а его противник — старший, с наибольшим количеством голов. Герой и его противник симметричны и зеркальны, так что сказка описывает р о ж д е н и е героя, но с м е р т ь его противника. Тема рождения героя — одна из важнейших, по-

этому на обманный призыв рубить еще герой в армянских сказках отвечает: «Меня мать один раз родила и бью я потому один раз».

— Но ведь герой, как правило, переживает временную смерть и рождается второй раз? Пусть даже символически, опускаясь в нижний мир и вновь поднимаясь на белый свет.

— Ты прав, он умирает и рождается вновь, так что сказка описывает триаду рождение — временная смерть — второе рождение. У его противника, как мы уже говорили, рождению соответствует смерть. Как антигерой, во всём следующий герою, он тоже подчиняется сходной триаде, только первый член в ней «перевернут»: смерть — временная смерть — второе рождение. Поэтому второй удар героя привел бы к его временной смерти, а та — к нежелательному возрождению.

— Но триада антигероя не соответствует триаде героя. Временная смерть здесь не длительное состояние, как в случае с героем. Ее вроде бы и нет вовсе. К тому же в сказках противник, поверженный первым ударом героя, часто взывает к его жалости, просит добить его. То есть он не умер, а умирает. Так что и первой части триады — смерти здесь, собственно, нет.

— Не следует верить противнику. Он притворяется умирающим. В некоторых вариантах противник как будто не повержен после первого удара, а просто призывает бить еще, или же об этом просит его отрубленная голова. На самом деле он умер, но притворяется живым. В одном ты прав: временная смерть это очень короткий, видимо, промежуток времени и триада антигероя это, к счастью, триада лишь возможная. Потому что герой ловит момент истинной смерти своего противника и не верит обманным призывам.

— Герой отвечает и по-другому на эти призывы, особенно в русских сказках: «Богатырская рука два раза не бьет». Здесь уже нет вроде бы темы возрождения. Почему же богатырь не должен бить дважды?

— Богатырский удар и один хорош. Второй, потенциальный удар таит в себе сомнение, неуверенность и страх, а истинный

богатырь не должен иметь таких чувств в своем сердце. Так не сомневается в своем ударе Давид из Сасуна, когда на призыв Мсрамелика бить еще говорит ему: «Встряхнись!», и тот, встряхнувшись, разваливается на две половины, рассеченный вдоль богатырским ударом.

Настоящий богатырь — человек дела, его слово не должно расходиться с делом. «Меня мать один раз родила, я говорю один раз и бью один раз», — отвечает на обманный призыв герой одной армянской сказки. Бьющийся герой вообще не думает, он только действует.

— Такой бездумный герой похож на дурака, но ведь он нередко решает труднейшие задачи и может перехитрить самых хитрых противников.

— Богатырь и в самом деле похож на дурака, у кого мысль, слово и дело слиты в одно целое. Я уж не говорю о тех частых случаях, когда герой, отказывающийся от второго удара, — именно дурак. Но сегодня мы не будем говорить о нем. Кстати, и в случаях, когда герой не ярко выраженный дурак, он успешно решает трудные задачи, как правило, с чьей-то подсказки или с чьей-то помощью. А когда герой умен, то и это иной ум, нередко граничащий с глупостью. Здесь мы видим некоего трикстера — плута и трюкача, одновременно и разрушителя и созидателя, и сопливого недоумка и божественного богатыря. Но о нем тоже мы поговорим как-нибудь в другой раз.

А сейчас я хотел лишь обратить твое внимание на то, что богатырь не предается раздумьям, а осуществляет задуманное. У него не может быть двух мнений, он лишен со-мнения, он не повторяет сказанного и бьет один лишь раз.

172. — А почему нельзя дважды совершать одно и то же ритуальное действие? Чтобы мы как сказочный богатырь не сомневались в совершаемом?

— Совершаемое во второй раз может приобрести далеко не благие качества. Вспомни, как в § 121 у ребенка появляются два

будущих, одно заведомо плохое; а из двух одинаковых жен одна непременно оказывается лисой. Так и здесь ты можешь повторным действием вызвать к жизни нежелательные порождения, ведь ритуал часто направлен именно на порождение.

Вообще второй, другой — источник многих наших бед, вспомни двойника-перевертня из § 15 и как в § 120 он выходит из глубины нашего «я» и становится с левого бока. И не его ли голос мы слышим в минуту неуверенности, когда не верим в силу своего удара? В нем источник нашего страха и нерешительности. Поэтому мы говорим по-армянски *erknč'im*, описывая свое состояние страха и сомнения, при помощи слова *erku* «два», или употребляем слово *zweifeln*, тоже образованное от «два» — *zwei*, если наш язык немецкий.

Когда вначале всё это было лишь Атманом в виде первочеловека Пуруши, он оглянулся вокруг и не увидел никого кроме себя. «Он боялся. Поэтому [и поныне] тот, кто одинок, боится. И он подумал: "Ведь нет ничего кроме меня, — чего же я боюсь?" И тогда боязнь его прошла, ибо чего ему было бояться? Поистине, [лишь] от второго приходит боязнь.»

Уже в идее раздвоения, противопоставления есть нечто порочное, дьявольское. Потому, как считал алхимик Герард Дорн, в Библии второй день творения, когда были отделены нижние воды от верхних, и не завершается обычной формулой «И увидел Бог, что это хорошо». Именно тогда, считает он, и появился дьявол, quadricornutus binarius — «четырехрогий двоичный», как порождение первого противопоставления, носитель пагубных свойств числа два.

— Но не всегда же двойка так вредоносна. Мы используем повторы и для благих целей, например в языке для усиления, называемого редупликацией.

— Ты прав, «дурной» повтор иной раз может пойти во благо. Даже неопределенность, заложенная в мысли, от которой я предостерегал тебя вчера, иной раз может служить достиже-

нию максимальной действенности ритуала. Так ты трижды отсыпаешь рис с формулой *яджус*, чтобы обрести три эти мира, а потом делаешь то же самое в четвертый раз, но в молчании, чтобы достичь того, что не имеет границ, ибо достичь недостижимого можно лишь исполняя обряд в молчании, погруженным в мысли. Точно так же ты трижды мечешь деревянный меч с формулой *яджус*, чтобы уничтожить злых духов при помощи трех этих миров, а потом бросаешь меч четвертый раз, но молча, чтобы при помощи неопределенности, таящейся в молчании, изгнать своего злобного врага и из неопределенной сферы, что может быть находится, а может быть и не находится по ту сторону трех миров.

Так, повторяя обряд молча, на уровне мысли, ты разворачиваешь все возможные ритуальные воздействия. Ведь неопределенность, свойственная мысли, — родная сестра всеобъемлемости. Так в молчании дурака может порой отразиться вся мудрость мира.

173. — Ты прав, надо молчать, чтобы желаемое сбылось. Ученый из § 123 тоже молчал, чтобы добиться того, о чем мечтал.

— Но, может быть, мудрый монах запретил ему говорить, чтобы жена не узнала его по голосу? Может быть, она тоже осуществляла свою тайную мечту? Скажи они друг другу хоть слово, и чары мгновенно бы спали. Как часто мы обознаёмся в полутьме и только услышав знакомый голос восклицаем радостно или с досадой: «Ах, это ты!» Хоть мы и думаем, что «лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать», иногда одно слово может сказать тебе больше множества картинок.

Однажды Ж. Буто проделал такой опыт: он фотографировал бушменов и тут же показывал им групповые снимки, но каждый не смог узнать себя, хотя легко и радостно находил своих друзей. Когда же Буто дал им послушать свои голоса, записанные на магнитную пленку, они сразу же узнали их, а женщины даже рассердились на Буто за то, что тот украл их голоса. Значит, мы

лучше узнаём себя по звукам собственного голоса, хоть он и доходит до нас искаженным, не таким, каким его слышат другие. Когда ребенок в одиночестве говорит вслух свои первые слова, он делает первые шаги в открытии себя, он внимательно вслушивается в незнакомые звуки собственного голоса, как бы ощупывает и узнаёт себя «изнутри».

А знаешь что сделал недавно мой племянник? Моя сестра регулярно показывает ему кукольный театр, а он всегда требует, чтобы в один момент она остановилась и словами поведала о его собственных подвигах, вносящих мир и справедливость в разыгрываемую драму; потом уже события продолжаются на сцене. То есть он входит непременным участником в драму, но только на уровне *слова*. И вот недавно он неожиданно предстал перед нами в зримом виде — сам выбрал какую-то маленькую куклу и решил сделать ее своим сценическим двойником. С тех пор прекратились эти словесные вставки и драма уже полностью разыгрывалась *на деле*.

— И значит, в начале было слово?

174. — Почему в Центральной Австралии, вызывая духа тотемного предка, дублируют это ритуальное действие? Один исполнитель рисует грозного предка на скале, а другой дублирует это изображение на коре дерева.

— Говорят, что так вызванный дух окажется под бо́льшим контролем и мы будем больше гарантированы от его возможных зловредных действий. Предок будет иметь сразу двух хозяев и потому останется в некотором замешательстве.

— Значит, и здесь мы имеем дело с благим повтором?

— Это не совсем так. В других случаях мы каждый раз вызывали отдельного духа и, будучи одинаковыми, духи вступали в смертельную конкуренцию на свою или на нашу погибель. Здесь же мы оба вызываем одного духа и он подпадает под нашу двойную власть. И потом наши действия синхронизированы, это даже не повтор, а одно общее действие, хотя и выполняемое по-

разному. Зловредный дух бессилен творить зло, ибо мы действуем одновременно и сообща. Даже вдвоем, объединенные единой целью, мы представляем грозную силу, и уж вовсе бессильны злые духи, когда мы совершаем ритуал всем миром, объединив нашу добрую волю.

175. — Как ты можешь изучать разные народы и не отдавать предпочтения одному из них? Ведь с каждым ты должен делить его радость и горе; враг, сеющий смерть на его земле, это и твой враг. И разве не предательством будет твой следующий шаг по карте, когда ты ступишь на землю недавнего своего врага? Ведь теперь ненавидеть ты должен своих друзей.

— Но разве я не могу быть бесстрастным? Внимательным и осторожным, как наблюдатель из § 2?

— Тогда ты многого не поймешь. Ты останешься чудаком-коллекционером, притаившимся за деревом со своим сачком.

— Ты прав. Я не могу ни любить ни ненавидеть, ни даже быть бесстрастным. Но есть путь, лежащий через сердца людей, и это путь Любви.

— Как же можно не любить и в то же время идти путем Любви?

— Разве ты не замечал, как во время праздника внезапно всё меняется? Как меняются люди?

Однажды, смотря народный танец, я почувствовал, как все танцоры вдруг преобразились, все лица разом осветились. Это были уже не те девочки и не те юноши, которые иной раз не дадут тебе проходу, а божественные апсары и гандхарвы, в их танце как бы звучали все тайны мира. Может быть, всё это было потому, что танцоры совершали свои прыжки синхронно, монолитным рядом сплетенных рук и тел? И каждый был частицей великого целого? И я тоже был с ними, мое лицо тоже, наверное, светилось тогда внутренним светом. Помню, что я еле сдерживал слезы, но не подумай, что это были слезы умиления, вызванные искусством бесхитростной фольклорной труппы. Я

плакал от радости, от внезапной радости, что я вместе со всеми, что я в этом чудесном танце.

Или в другой раз, уже на похоронах своей тети, я снова вдруг почувствовал себя частицей целого — на этот раз из-за общего горя. Снова все эти чужие, странные люди в забавных кепках вдруг стали мне родными и близкими; нет, не просто близкими, я чувствовал себя в них, а их в себе, и слезы у нас были общими.

Ты хочешь сказать, что это та же любовь? Возможно, это и так. Но, может быть, так ты избежишь ненависти? Доверься своим чувствам и осторожно ступай по пути Любви, и это удивительное ощущение единства с народом будет тебе путеводной звездой.

176. — Почему во время праздника всё меняется? Когда у людей возникает единящее их радостное чувство, какое мы испытали в § 175?

— Потому что праздник противопоставлен будням, он меняет местами всё, что в обыденной жизни противопоставляется, или же сближает противоположности на время праздника.

— Но ведь говорят, что нет вообще жесткого противопоставления, что универсальное двоичное деление мира — это наше грубое приближение к тому, что на самом деле подвижно и размыто, и что между крайними членами противопоставлений существует множество переходных состояний, лишь слегка отличающихся одно от другого.

— Мне это напоминает довод, что Ахилл никогда не догонит черепаху, потому что ему придется всякий раз преодолевать расстояние, пусть ничтожное, которое черепаха проделывает за время, пока Ахилл покрывает пройденное ею до того расстояние, и так без конца. На самом деле — и это знают все — Ахилл легко догоняет и перегоняет черепаху: эти двое не просто разные, они резко противопоставлены как самый быстрый и самая медленная. Так и праздник резко отличается от будней, и не в

голове умствующего за письменным столом писателя, а для каждого участника праздника, делателя и филурга. Лишь «дурак божьих дней не разбирает», то есть не отличает будней от праздника.

— Значит, есть случаи, когда без жесткого противопоставления не обойтись?

— Да, и праздник один из них. Другой случай — противоположность мужчин и женщин. Конечно, есть множество переходных состояний — в анатомии, психологии, моде, сексуальной ориентации, занятиях, социальной роли и т. п., но любое общество осознаёт это противопоставление и специально обыгрывает его во время праздника — меняет местами или сближает полюса противопоставления.

— Значит, важно не то, насколько удалены полюса противоположного пола, а то, что с ними делается во время праздника?

— Мужчины и женщины противопоставляются — и сближаются — гораздо более сложным образом, чем это думают иные люди, ищущие абсолютную власть женщин в призрачном вчерашнем матриархате и унылом сегодняшнем феминизме. Но посмотри, как умело и весело справляют любые праздники с элементами карнавального переворачивания сан-францисские гэи. Ты прав, это им удается потому, что они сами «перевернуты» по своей природе.

177. — Значит, праздничный мир это перевернутый будничный мир?

— Переворачивание — наиболее простой и радикальный способ создания иной, отличной от будничной реальности. Праздник легко находит явные или скрытые противопоставления и переворачивает их. В этом смысле он закоренелый структуралист и не следует модным течениям. Если твое общество — средневековое европейское, он переставит иерархические верх и низ, опустит царя до положения шута, а шута сделает на время царем. А если ты австралийский абориген, то праздник переста-

вит дуальные половины, которые регулируют твою трудную обыденную жизнь. Конечно, всё происходит не так просто, хаос праздничной жизни гораздо сложнее простой инверсии. Но и она может привести к непростым последствиям.

178. — Мы говорили о том, что простой и распространенный способ организации праздника это переворачивание противопоставлений будничной жизни. Так что праздничный мир это перевернутый будничный мир. Но перевернут, зеркален также мир иной, потусторонний. Поэтому праздник притягивает его инвертированных обитателей, «стариков» — духов предков и разную нежить вплоть до дьявола.

— Будничная жизнь человека, да и сам человек в целом держатся на противопоставлении культуры и природы. Значит, мы должны быть готовы встретить и природу на празднике — в качестве его «участника»?

— Да, она тоже здесь, например люди в масках зверей или сами звери, вспомни хотя бы медведей, частых участников русских праздников и непременных — «медвежьих праздников» народов Приамурья. Впрочем, природа — лес, поле — это тот же иной, потусторонний мир. Поэтому медведь приходит на праздник не просто из соседнего леса, а из мира предков, а тотемные предки австралийцев, главные гости их праздников, имеют звериную, почти звериную или полузвериную природу.

— Эти три качества тотемных предков австралийцев соответствуют трем «приемам» праздника: он переворачивает основные противопоставления, сближает их и, о чем мы еще не говорили, размывает границу между ними. Нежить, звери и предки притягиваются праздником, можно сказать, благодаря второму приему. Это всё незваные гости праздника, они прибывают с того света чисто механически. Так праздник посредством простой инверсии осуществляет прорыв в потусторонний мир; можно сказать, что в пространстве и времени праздника образуются разрывы, причем всё это побочный результат инверсии, самого простого способа противопоставления.

— Но в других случаях гостей с того света и из других времен специально вызывают. Например, аборигены Австралии вызывают Великого Змея на важные церемонии, вращая гуделки, которые издают его голос. Причем мифические герои-духи могут являться из священных локусов, расположенных не так далеко от места, куда их вызывают, например из священного озера, в глубине которого обитает Великий Змей, или из тайников, где хранятся чуринги, с которыми тесно связаны духи предков; но они могут являться также непосредственно из начала времен.

— Твой пример тоже инверсия — меняются местами противопоставленные «там и тогда» и «здесь и теперь». Вернее, праздник реализует над этим противопоставлением три своих приема. Благодаря разрывам в пространстве и времени он осуществляет связь с началом времен, с мифологическим пространством-временем, в котором жили и творили великие первопредки, будь то блаженное время и священная страна первопредков аборигенов Австралии или «священное национальное прошлое» и «исконная национальная территория» современных политических праздников. Три приема праздника создают ту не раз отмеченную исследователями странную ситуацию, когда первопредки или мифические существа — герои первособытий, свершившихся в начале времен, то ли «сами прибывают» из далекого прошлого в место, отведенное для праздника, подобно тому как «незваные» духи предков появляются на карнавальной площади, то ли прообразующие события прошлого воссоздаются в настоящем праздника. Собственно, эти два варианта, две возможности разграничены нестрого, что и понятно, если учитывать, что праздник не только переворачивает противопоставления, но и сближает их и размывает границу между ними. Недаром священное мифическое начало времен австралийских аборигенов, называемое по-разному у разных племен, обычно переводится как «Время сновидений». Впрочем, герои Времени сновидений находятся «вне времени», они «вечны» и реальны, насколько для спящего реально всё, что он видит во сне, как мы отмечали в § 37;

поэтому священное время предков это фактически Вечный период сновидений. Как бы то ни было, каждый австралиец, воссоздающий какой-либо эпизод из этого начального, но вечного времени, намного больше представляет мифического предка на церемониальной площадке, чем самый искусный современный актер, «перевоплощающийся» в своего героя на сцене театра, потому что австралиец и есть первопредок, которого он «играет».

— Но в таком случае Вечный период сновидений выходит за пределы праздника и мы некоторым образом приходим к подвижным и размытым состояниям, то есть к тому, чему противопоставили в § 176 жесткое разделение праздника и будней.

— Здесь разговор не об этом. Я не хотел бы также возрождать старый спор об архаичном человеке, у кого «вечный праздник» в голове. Современный человек действительно теряет или уже потерял связь с прошлым по сравнению с человеком архаичным, живущим по законам традиционного общества. Причем он делает это осознанно, следуя современным модным учениям, или неосознанно, с целью скрыть свое неумение, ведь проследить идущие вглубь корни труднее, чем изучать стелющиеся по поверхности. Правда, иногда и современный человек погружается вдруг в мифологическое начало времен, и происходит это благодаря празднику. Но мы поговорим об этом в другой раз. Что же касается подвижности и размытости, я хотел лишь показать, как действуют три приема праздника. Они действуют и вне его, но не с такой очевидностью и настойчивостью. Или же действуют в таких «мифологических» и «праздничных» ситуациях как сновидение. Обычно размытость противопоставлений описывается как данность, потому и не видят противопоставлений как таковых; мы же пытаемся увидеть «праздничную» историю такой размытости.

179. — Среди трех праздничных приемов один переворачивает, а два других сближают полярные качества. Зачем празднику переворачивать их, менять местами, если потом нужно их

сблизить почти до слияния? Разве недостаточно лишь сближать противопоставляемые вещи?

— Может быть, это разные способы получения праздничного хаоса? И потому рядом с перевертышами мы встречаем на празднике кентавров?

— Видимо, ты прав. Добавлю, что это больше характерно для хаоса первобытного праздника. Вертикальная иерархия средневекового европейского общества поставляет на карнавальную площадь больше перевертышей. Но, я думаю, дело не только в хаотическом разнообразии. Почему-то иногда во время праздника противопоставленные персонажи действительно сперва меняются местами, «переворачиваются» и только потом сближаются, порой в буквальном смысле слова. Ты можешь увидеть это, например, на празднестве *навен*, которое устраивают мужчины новогвинейского племени иатмул в честь первых достижений детей своих сестер. Во время *навена* по поводу первого убийства врага, успешно совершенного племянником, его дядя с материнской стороны надевает женскую юбку и вкладывает в свой задний проход оранжевый плод *мбуанди*, который призван изображать клитор. Поменявший пол дядя карабкается по высокой лестнице в дом, собравшиеся внизу люди могут видеть выглядывающую из-под его юбки эту новую деталь карнавально преображенного тела. На верху лестницы его поджидает жена, переодетая в мужчину, и эта поменявшаяся местами пара имитирует на виду у всех половой акт. Как видишь, прежде чем сблизиться, соединиться, слиться — обрати внимание на эротический смысл всех этих слов, — они должны «перевернуться».

— А зачем ему анальный клитор? Чтобы в добавление к трансвестивно смененной одежде перевернуть еще и свои перед и зад?

— Да. Вспомни тех же гэев, надевающих на свое «перевернутое» тело одежду противоположного пола. Вообще у меня есть подозрение, что переодевание в одежду противоположного пола

неминуемо меняет, пусть самым незначительным образом, и пол трансвестита.

— Ты хочешь сказать, что внешнее переворачивание тянет за собой внутреннее?

— Да. Но оно неполное и гротескное, манерное. Этим и отличается праздничное переодевание — своей карнавальностью. Иначе перевернувшийся праздничный мир ничем не будет отличаться от будничного: мы даже не заметим такого переворачивания. Вот почему на празднике трансвестит не просто, а подчеркнуто меняет одежду и ведет себя столь же манерно, как гэй-трансвестит — drag queen, в «царском» имени которого уже присутствует карнавальность. Кстати, дядья в празднествах *навен* тоже необычайно гротескны: они надевают невообразимо ветхие и грязные вдовьи одеяния и столь же гротескно подражают женщинам. Но при этом норовят показать свою принадлежность мужскому полу. Например, дядья, переодевшиеся в безобразные женские одежды во время *навена* в честь племянницы, впервые поймавшей рыбу на крючок, подтыкают юбки таким образом, чтобы выставить напоказ свои гениталии.

— Ты прав. Таковы, видимо, вообще все трансвеститы, которые устраивают себе регулярные личные праздники в будничной жизни. Когда же у трансвестита нет потребности в карнавальности и он полностью подражает противоположному полу в одежде и манерах, он потерян для праздника. Карнавал не терпит шпионов, ему нужны клоуны. Такие люди при возможности меняют свой пол и анатомически. Интересно, что нередко такие транссексуалы, бывшие мужчины получаются красивее обычных женщин. Вместо временного пограничного карнавального двуполого уродства трансвестита они приобретают постоянную полярную повседневную однополую красоту.

180. — Почему во время празднования *навен* мужчины одеваются в самую безобразную женскую одежду, а женщины — в самую красивую мужскую одежду и головные уборы?

— На самом деле по красоте одежды, в которую переодеваются ритуальные трансвеститы, противопоставляются не просто мужчины и женщины, а родственники со стороны матери — ее брат и жена брата, и родственники со стороны отца — его сестра, дочь, жена старшего сына. Материнским родственникам полагается носить самую безобразную одежду. Во время некоторых *навенов*, когда в праздновании участвуют только женщины, например в честь первой выработки саго виновниками торжества, жена брата матери не переодевается мужчиной, как при карнавальном совокуплении, о котором мы говорили в § 179, а надевает столь же гротескно безобразную женскую одежду, что и ее муж во всех остальных случаях *навенов*. Отцовские же родственницы одалживают у своих мужей, братьев или отцов самую красивую одежду, которую носят самые достойные люди среди иатмул — убийцы многих врагов. Но в целом ты прав. Ведь противопоставляются стороны матери и отца, как бы обобщенные мать и отец. Трансвеститы возвращаются к природному состоянию, когда невзрачным самкам противостояли нарядные самцы.

181. — Мы говорили о том, что праздник сперва перевертывает мужчин и женщин, чтобы потом сблизить их. Вечером того дня, когда совершается *навен* в честь детей, впервые обработавших саго, о чем мы говорили в предыдущем параграфе, женщины устраивают для себя небольшой праздник. По наступлении темноты они снимают с себя юбки из шкурок летяги, которые они одолжили у своих мужей и братьев, и танцуют с непокрытыми чреслами, но всё еще в роскошных мужских украшениях и головных уборах из перьев. Посмотри: чтобы обнажить лоно, они должны заранее трансвестивно поменять свой пол, знаки которого продолжают носить на голове.

— Значит ли это, что они демонстрируют таким образом свою андрогинность? С верхней мужской частью и нижней женской?

— Не думаю. В это же самое время мужчины тоже снимают прикрывающие пах юбки. В этом *навене* они не участвуют, по-

этому не одеты, как в других случаях, в одежду противоположного пола. То есть они просто обнажаются, без каких-либо намеков на андрогинность. Значит, и женщины просто обнажаются — обнажают свое лоно, «забыв» снять головные уборы. В § 8 мы говорили о том, что всякое частичное обнажение это обнажение лона. Здесь же начинают с обнажения лона, не теряя времени на частичное обнажение.

— Тем не менее им почему-то нужно было до того поменять свой пол. И еще ты, наверно, заметил, что мужчины вроде бы не проявляют смущения по поводу того, что их женщины выставляют напоказ свои сокровенные части. Тогда как старики, наоборот, выглядят шокированными, но не потому что женщины так беззастенчиво обнажаются, а скорее потому что мужчины не выказывают при этом никакого смущения. Старики здесь зрители церемонии, а не участники, и по их реакции на происходящее можно судить о том, что́ необычного в том, что происходит. Получается, необычно то, что мужчины, непосредственные участники этого маленького праздника, не реагируют нужным образом на наготу женщин; не забывай, что среди женщин есть те, чью наготу им видеть не полагается.

— Ты думаешь, что старики шокированы падением нравов среди молодежи? В свое время они сами, видимо, приходили в смущение, когда их женщины развязывали свои юбки перед вечерним танцем. Ведь ты сам видел, как во время *навена* с анальным клитором и карнавальным совокуплением мальчик, героически совершивший недавно свое первое убийство, готов провалиться сквозь землю от стыда из-за фарса, что разыгрывают его дядя с тетей. В другом эпизоде ему приходится на пути перешагивать через распростершихся перед ним женщин, нащупывая землю ногой и не смея от стыда опустить глаза, чтобы не увидеть их обнаженного лона.

— Но это касается только виновника *навена*. Ему полагается смущаться, вот он и смущается. Остальные только радуются подобно детям, которые с веселыми криками следуют всюду за

карнавальными трансвеститами. Может быть, старики вспоминают себя в юности, свой первый *навен*, свою гордость за первое убийство и свое смущение? Или, может быть, этот бесстыдный танец после основных ритуалов *навен* — нововведение молодых? И старики прежде не видели его?

— Это всё не так важно для нас. Пусть об этом судят историки ритуалов *навен* и психоаналитики. Вообще говоря — и ты сам был тому свидетелем, — в других эпизодах празднования *навена* женщины совершают еще более непристойные вещи, так что старики навидались за свою жизнь достаточно, чтобы не реагировать так остро на невозмутимость мужчин. Может быть, дело здесь в другом: обнажение не смущает, когда оно имеет место во время ритуалов, тогда как обнажение после ритуалов — а мы, видимо, имеем здесь дело со вторым случаем — приближает, почти возвращает людей к обыденной ситуации и, следовательно, к обыденным реакциям на вызывающее поведение женщин. Ты обсуждаешь, как воспринимают обнажение женщин мужчины и старики, забыв о женщинах, а они тоже способны испытывать смущение при этом. Здесь важно не только то, как реагируют на обнажение женщин мужчины, но и то, как сами женщины совершают этот шаг к обнажению, как они преодолевают свое послеритуальное смущение. Может быть, недавняя и, больше того, остаточная мужественность женщин-трансвеститов делает их ближе к мужчинам, и как мужчины, так и женщины уже не смущаются взаимной обнаженности.

182. — В глубине каждого из нас, утверждают психологи, скрыта личность противоположного пола. Не значит ли это, что, переодевшись в одежду противоположного пола, трансвестит не преображается, а выявляет невидимых в нем в обычное время женщину или мужчину? Так переодевшись в животное, ты делаешь видимой свою архетипическую Тень — о ней, собственно, мы говорили в § 168 в связи с образом трикстера, — которая восходит к дочеловеческому, животному состоянию.

— Не исключено, что мы носим в себе нечто оставшееся в нас еще с дочеловеческих времен, что вырывается наружу во время праздника. До сих пор мы говорили о ритуальном и мифологическом возвращении к началу времен, когда «люди еще были зверьми». Ты хочешь сказать, что мы возвращаемся не только к мифологическому началу, но и к началу историческому? К эволюционистскому «мифу о начале»? Не забывай только, что нас интересует Homo feriens — человек празднующий, постоянные люди-звери больше интересны криминалистам и психопатологам, а абсолютные транссексуалы, как мы уже говорили в § 179, навсегда потеряны для праздника.

И еще следует помнить, что человек празднующий возвращается к временам, когда не только «люди еще были зверьми», но и «звери еще были людьми». В те времена мужские тайные ритуалы принадлежали женщинам, как считают австралийцы, а такое женское тайное качество, как менструация, по мнению айнов, было уделом мужчин и снова перейдет к ним в будущем. Поэтому недолгие праздничные перевоплощения оказываются более легким делом, чем постоянное тревожное ношение в себе эволюционистского «начала».

183. — Праздничное переодевание становится чем-то вроде маски. Ты всегда можешь ее снять. И недаром праздники любят маски.

— Но не забывай, что маски, используемые во время архаичного праздника, имеют священную силу. Поэтому их используют как эффективное средство для временны́х перемещений и перевоплощений. Есть особый закон маски, который действует во время праздника, но который закрепляется за маской и после праздника. Кстати, на этом построены приключения героя фильма «Маска». Маска уже без закона маски это атрибут маскарада, костюмированного бала, сохранившего от карнавала лишь отдельные элементы. Да и переодевания здесь становятся чем-то вроде показа мод. Хотя сегодня показ мод иногда тяготеет к

настоящему карнавалу, закон маски уводит его порой от маскарада к архаичному празднику. После маскарада маска больше не нужна, ее просто выбрасывают или в лучшем случае хранят на память.

И еще следует помнить, что под маской, не подчиняющейся закону маски, можно скрываться. Маска дает такую возможность и ею пользуются любители костюмированных балов, маскарадов и вооруженных ограблений, скрывающие свое «я» под маской. Именно это маскарадное свойство маски имеют в виду психологи, выявляя в каждом из нас архетип Маски.

184. — В § 178 мы говорили о том, что праздник не только создает временных перевертышей, но и притягивает постоянных, навсегда инвертированных. Таковы гости из иного мира на европейских карнавалах. Меланезийский праздник *навен*, мы видели в § 180, меняет на время праздника пол участников, а индийская свадьба притягивает *хиджр*, которые не только всегда одеваются как женщины, но и нередко лишены мужского естества. *Хиджры* являются на свадьбу без приглашения, мешают всем своим навязчивым и шумным присутствием, пока им не заплатят, чтобы они ушли. Перевернутые персонажи *навена* вызывают смех, а *хиджры* — страх, участники праздника потому и одаривают их, что боятся их половой неестественности, вернее сверхъестественности, — чтобы те не навлекли на них беду.

— А почему *хиджры* страшные, а не смешные? Разве недостаточно быть перевернутым, чтобы стать смешным?

— Этого еще недостаточно. Перевернутые гости карнавала из иного мира — тоже страшные по своей природе. Их наделяют смешными чертами, чтобы мы преодолели свой страх перед ними, ведь смех побеждает страх. Я как-то видел *хиджр*, но они не вызвали у меня смеха. Сами они не видят в себе ничего смешного, поэтому ты боишься их. Точно так же ты боишься шаманов с измененным полом, хотя тот же персонаж на карнавальной площади вызвал бы взрыв смеха.

— Значит, все карнавальные перевернутые герои и образы в принципе не смешные, а страшные?

— Я бы сказал, что они сперва страшные, потом смешные. Нам всегда сперва страшно, потом смешно, если, конечно, страшное пожелает стать смешным или мы сами того пожелаем. Наше первое чувство при встрече с непривычным, необычным это страх. Homo ridens, человек смеющийся вряд ли выжил бы после бесконечной череды встреч с подстерегающими его «смешными» опасностями, тогда как Homo timens, человек боящийся выживает, изживая свой изначальный страх смехом, хотя это ему редко удается.

— Не так ли мы смеемся первый раз в жизни? Когда в раннем детстве нас пугает мать — у наших матерей есть такая странная привычка, — мы сперва вздрагиваем от неожиданности, и лишь увидев, что она смеется, смеемся в ответ. Если же мать пугает нас, не смеясь при этом, мы начинаем плакать, а не смеяться.

— Да. Всё зависит от контекста ситуации, где нас настиг страх, где мы пережили шок от встречи с неизвестным. Другими словами, веселого шока как такового не существует. Всякий шок вызван страхом, лишь контекст последующей ситуации снимает этот начальный страх, заставляя смеяться над ним, или наоборот, усиливает его.

185. — Когда у нас хотят вызвать смех, нас повергают в шок. В § 184 мы говорили о том, что человек смеется чтобы преодолеть страх. Оставим пока историкам и психологам выяснять предысторию смеха, искать его следы в дочеловеческом обществе. Что касается страха, его знают как человек, так и его животные предки. Страшный шок исторически предшествует веселому, но и страх и смех связаны с ш о к о м, восходят к некой эмоциональной встряске. Недаром говорят о ч у в с т в е юмора.

— В таком случае переворачивание — удобное средство вызвать подобное эмоциональное переживание. Мы говорили,

что недостаточно «перевернуться», чтобы стать смешным, но перевернутое с ног на голову неожиданно, и если не страшно, то смешно. Вообще страшно и смешно всё то, что не соответствует заведенному порядку, обычному ходу вещей. Причем в одних ситуациях необычное, нарушающее порядок вещей страшно, а в других то же самое смешно. Например, озорной младенец Кришна, желая продемонстрировать приемной матери свою космическую сущность, шаловливо взял в рот горсточку земли, а когда мать велела ему открыть рот, чтобы она могла вынуть землю, и он послушался, она увидела в его открытом рту всю Вселенную. Это шоковое прозрение вызвало у приемной матери Кришны отнюдь не смех, а ужас, Кришне пришлось даже стереть увиденное из ее памяти. Однако современный карикатурист, возможно не зная об этой детской шалости Кришны, делает рисунок на сходную тему, рассчитанный лишь на веселый шок: человек, проснувшись, зевает и в его широко раскрытом рту видны космические просторы.

— Близость страха и смеха видна также в сюрреализме с его страшными образами, которые порой могут стать смешными несмотря на серьезность их создателей или по причине их карнавальности. Это, думаю, не в последнюю очередь происходит благодаря переворачивающему (переставляющему) принципу коллажа, который может разделить неделимое и соединить принципиально разделенное. Не случайно одно из современных направлений юмористического рисунка, его называют иногда проблемной графикой, обязано своим рождением именно сюрреализму. Художник-карикатурист уже нарочно создает перевернутую ситуацию, чтобы вызвать небольшой смеховой шок у зрителя. Шок должен быть не очень сильным, иначе зрителю будет не до смеха. Вспомни еще «идеального юмориста» из § 118, который разражался смехом, стоило показать ему палец.

— Манипулирование шоковыми ситуациями сближает карикатуриста с мастером дзен, который тоже нередко прибегает к

шоку, чтобы помочь ученику по-новому увидеть мир. Конечно, не каждый карикатурист может веселым шоком ввергнуть своего зрителя в переживание иного рода. Но теперь мы можем понять, почему мастер дзен нередко шокирует ученика как клоун. Кришна тоже, мы видели, прибег к шутовскому шоковому трюку, чтобы показать свою божественную природу.

186. — Мы видели, что страх и смех часто, если не всегда, находятся рядом, даже когда человек героически изжил свой страх или же по глупости бесстрашен. Независимо от старшинства страх или смех оказываются соседями в современном ритуале. Так во время праздника *пундж* аборигены племени муринбата чередуют стрессовые ситуации, искусственно создаваемые ими для группы мальчиков, проходящих инициацию, с обрядами *тьирмумук* карнавального типа, во время которых участники могут вытворять немыслимые в обычное время поступки, позволяют себе самую дерзкую шутку, например хватают друг друга за гениталии. Во время этих веселых «перерывов» мальчики-иницианты, доведенные до смертельного страха — страх так велик, что у них часто не срабатывают мышцы сфинктера, — получают возможность расслабиться, рассмеяться по поводу карнавальной сумятицы перед следующим «сеансом страха».

— Получается, что все вокруг смеются и веселятся, а в состоянии страха пребывает лишь небольшая группа мальчиков — некое ядро в хаосе праздника?

— Ты верно заметил. В хаосе веселья остается лишь кристаллик страха. Но мы поговорим об этом подробнее в другое время. А сейчас отметим, что страх и смех сменяют друг друга, не позволяя одному из них захватить целиком власть над нами.

187. — Страшные порождения карнавала и гости из иного мира появляются благодаря переворачивающей энергии карнавала. Преодолеть страх перед ними можно, мы знаем, только смехом. Но этот смех должен быть коллективным.

— А разве есть другой смех? Ведь смех коллективен по природе. Смех наедине с собой неестествен. Если человек смеется один, он либо вспоминает смешную ситуацию, в которой скорее всего был не один, либо смеется своим мыслям. А думать значит говорить себе, мышление, как мы видели в § 31 и 120, восходит к разговору с самим собой, со своим «другим я», то есть к разговору между «двумя». Значит, даже если человек смеется в одиночку, на самом деле он не один.

— Ты хочешь сказать, что правы те, кто считает смех явлением социальным по происхождению?

— Скорее всего они близки к истине, недаром ребенок впервые смеется вместе с матерью. Смех к тому же заразителен: то, над чем лишь улыбнешься, будучи один, вместе со смешливым человеком может вызвать истерический смех. Не забудь и об эротической стороне смеха: «хахаль»-любовник не смеется в одиночку.

— В таком случае «атом смеха» это смех вдвоем.

188. — А каков «атом страха»? Ведь в § 184 мы предположили, что смех восходит к страху.

— В основе страха тоже двое, вернее второй, об этом мы говорили в § 172. Страх, сомнение, неуверенность исходят от второго, другого. Поэтому страх первочеловека Пуруши прошел, когда он понял, что боязнь приходит от второго. Изначально мы боимся другого, чужого, а так как внутри нас всегда глубоко спрятан такой другой, мы боимся и когда остаемся одни. Страх проходит, когда мы со своими, когда нас хотя бы двое. И чем нас больше, тем меньше страха. Вспомни, как в § 122 черт является одинокому путнику и избегает больших групп.

— Получается, что хотя страх восходит к двум, на деле «атом страха» это одинокий страх?

— Именно так. Чтобы нас не одолел страх, нас должно быть по меньшей мере двое. И потом только вдвоем мы имеем

шанс рассмеяться. Отсюда еще одна формула праздника: «Вместе не страшно, вместе смешно».

189. — Мы уже не раз говорили о праздничном переворачивании. Это действительно самый простой способ создания праздничного хаоса. Но сто́ит нам сделать это, и к празднику стягиваются разные перевертыши, которых мы не звали. Другими словами, какие-то реалии праздника оказываются его побочными продуктами.

— Тогда и смех может оказаться таким продуктом. Ведь чтобы не бояться непрошеных страшных гостей праздника — побочных продуктов переворачивания, мы смеемся.

— Мы смеемся не только поэтому. Мы уже говорили, как само переворачивание вызывает смех своей неожиданной или традиционно ожидаемой необычностью.

— Но ведь смех — необходимый и непременный участник всякого праздника. Он нужен хотя бы для того чтобы участники получили эмоциональную разрядку, освободились от накопившегося напряжения повседневной жизни. Получается, что эта важная особенность праздника, одна из его движущих сил, всего лишь побочный продукт?

— Когда праздник приходит в действие, уже не важно, что старше — переворачивание или смех. Например, в § 186 страх и смех следуют в искусственно созданной последовательности стресса и разрядки. Хотя нам здесь не важно, что раньше — курица или яйцо, всё же можно думать, что праздничный смех — более позднее, сугубо человеческое явление. Тем не менее праздничный смех не просто побочный продукт, он тут же становится движущей силой праздника, порождающей, в частности, другие побочные продукты. И не забывай, что нередко именно побочные продукты, «сорняки» культуры становятся ее главной составляющей.

190. — В § 185 мы говорили, что один и тот же шок, сходное эмоциональное потрясение может привести к страху либо

к смеху в зависимости от контекста. То же самое можно сказать о торжественном и веселом, несмешном и смешном. Например, переворачивание в одних случаях смешно, а в других нет. Так как мы много говорили о женско-мужской травестии, приведу пример из той же области.

В зангезурском селе Хндзореск в конце XIX века на празднике Барекендан, соответствующем масленице и европейскому карнавалу, 20—30 женщин переодевались в мужскую одежду, впрягались в плуг и, подгоняемые веселыми выкриками и смехом зрителей, вспахивали деревенское ущелье. Таким способом, ты знаешь, вызывают дождь во время засухи. По-видимому, подобно гостям из иного мира, этот обряд был «притянут» карнавалом в силу своей перевернутости. Но ты знаешь и что это достаточно «серьезный» обряд. В том же Зангезуре в начале XX века он проходил, судя по описанию, с еще более «комическими» деталями, но ничто не указывает на то, что он сопровождался смехом. Шесть женщин впрягались вместо волов в плуг, еще одна женщина погоняла их прутом как скотину, а пожилая женщина в мужской папахе и с половником, подвешенным спереди наподобие фалла, управляла задом наперед установленным плугом, покрикивая и сквернословя в адрес «волов», при помощи которых проводила три борозды по руслу обмелевшей речки или ручья.

— Значит, попав на карнавал, «серьезный» обряд тут же стал смешным, торжественное стало веселым. Нам здесь даже не понадобилось наделять «пришельца» смешными чертами. Они в нем уже есть, надо только посмотреть на него по-карнавальному.

191. — В обряде вызывания дождя, в котором женщины «серьезно» исполняют карнавальное действо, кроме травестии присутствует еще один карнавальный элемент — сквернословие, но и оно не празднично раскрепощенное, а вполне серьезное, ритуально предписанное, как полагается эсхрологии — ритуальному сквернословию. Кстати, ритуальное сквернословие считают соответствием смеху, по той причине, что оба используются в ритуалах, обеспечивающих плодородие.

— Подобный ритуальный смех скорее можно назвать «серьезным». Таков же, наверно, сардонический смех — смех при убийстве стариков; вряд ли он был слишком веселым. Кстати, разница между «серьезным» и «веселым» смехом мало занимает исследователей смеха. Впрочем, граница между этими двумя видами смеха, видимо, достаточно размыта; недаром во время праздника смеха, организуемого в настоящее время в Нидерландах из-за того что люди стали угрожающе меньше смеяться, нужно, как утверждают, только начать искусственно смеяться. Тогда ты рассмеешься по-настоящему. «Серьезный» смех легко переходит в «веселый». Видимо, на этом и построены обряды, при исполнении которых надо смеяться в несмешных ситуациях; того же хочет добиться закадровый смех, безуспешно пытающийся рассмешить зрителей при демонстрации несмешных эпизодов. Однако оставим искусственный смех ритуальным лидерам и режиссерам. Здесь нас скорее интересует веселый смех во время праздника, который так же относится к «серьезному» ритуальному смеху, как карнавальное веселое сквернословие к серьезной эсхрологии.

192. — Мы говорили о торжественном ритуале, веселом празднике, «серьезном» и веселом смехе и еще о страхе, проглядывающем во всём этом. Всюду, где появляется один из этих элементов, ты можешь заметить другой из ряда или почти весь набор. Вспомним известную историю о гибели Мауи, маорийского полубога, которая помогла когда-то Владимиру Проппу разгадать загадку русской Несмеяны. Мы попытаемся лишь проследить, как сочетаются в этой истории интересующие нас элементы.

Желая добиться бессмертия, Мауи решает проникнуть в лоно Хине-Нуи-Те-По, Великой-Богини-Ночи, хтонической прародительницы, когда та спит, чтобы выйти через ее рот. Он отправляется на подвиг в сопровождении маленьких птичек. «При виде Великой Хины ...отряд и с п у г а л с я. Но Мауи сказал птицам, что б о я т ь с я не надо, что скоро они увидят кое-что

смешное. Однако, предостерег он птиц, надо будет сдержать себя и не смеяться, чтобы не разбудить Хину. ...Примолкшие птицы следили за тем, как Мауи крадется между бедер Великой Хины. Вот он исчез в ее теле, только ноги остались снаружи. Это было очень смешное зрелище! Маленькая трясогузка пыталась удержаться от смеха, но не смогла, и один ясно различимый смешок вырвался у нее. Богиня тотчас проснулась, сжала ноги и раздавила Мауи.» По другой версии, Мауи пытается проникнуть в тело Хине через ее разинутую пасть. Перед этим он говорит птицам: «У меня, наверное, будет смешной вид, когда я полезу к ней в рот, но никто из вас не должен смеяться. Я вылезу, и тогда вы будете смеяться и петь...»

— Получается, что смешному предшествует страшное: птицы испугались при виде ужасной богини.

— Да. Во второй версии тоже присутствует страх: «Воцарилась мертвая тишина. Мауи прыгнул, и его голова исчезла в разинутом рту Хины. Ее зубы нависли над ним как остроконечные скалы, испуганные птицы затаили дыхание».

— Похоже ли это на то, как испуг ребенка сменяется смехом?

— Здесь смех — не преодоление страха. Маленькая трясогузка не удержалась от смеха, потому что была от природы смешливой, такой она и описывается, например, во второй версии: «Смешливая маленькая трясогузка ...не выдержала и засмеялась». Тем более что ситуация была заведомо смешной. Это обстоятельство специально подчеркивается в мифе, сам Мауи тоже предупреждает об этом.

— Получается, что опасный трюк Мауи страшен и смешон одновременно. Страшен, потому что опасен; смешон же хотя бы потому, что Мауи смешон и несуразен и вне контекста ритуала, сам по себе. Можем ли мы сказать, что героическое, но смешное деяние Мауи отличается от армянского травестийного обряда вызывания дождя из § 190? Вне контекста карнавала обряд этот не смешон, тогда как трюк Мауи смешон сам по себе.

— А почему ты думаешь, что женщины-трансвеститы армянского обряда изначально не смешны? Обряд вызывания дождя слишком торжествен, чтобы позволить тебе рассмеяться над изначально смешными исполнителями. А в неудачной попытке Мауи приобрести бессмертие для себя и всего человечества (именно с этой целью, ты знаешь, он предпринял свой последний роковой трюк) можно увидеть, как торжественность совершаемого способна преодолеть смешные свойства исполнителя. Так Луомала, пересказывая со слов сказителя первую версию, замечает: «Когда низкорослый, маленький Мауи со своей деформированной головой готовился совершить этот подвиг, ...он казался красивым». Тем не менее трикстерная природа Мауи, видимо, не позволяет этому преображению длиться до конца торжественной части ритуала. Смешной аспект берет верх, и ритуал не приходит к своей цели. Объявись смешливая трясогузка на ритуале вспахивания высохшего русла реки, армяне Зангезура так и не дождались бы дождей. Предвидя комичность своего подвига, Мауи позаботился о том, чтобы правильно распределить серьезность и веселость в структуре единого действа. Переход же из одного состояния в другое делается по сигналу, как это должно было случиться, но не случилось у Мауи.

193. — В § 189 мы говорили, что некоторые праздничные реалии это лишь побочные продукты карнавального переворачивания. Такими побочными продуктами оказались праздничная травестия и даже смех. Можно думать, что побочным продуктом является и такая фундаментальная черта средневекового карнавала как его социальная изнаночность, перевернутость. Этой знаменитой особенностью карнавал обязан тому, что во время карнавального переворачивания прежде всего меняются местами иерархические верх и низ — главная особенность средневекового общества. В результате получается изнаночная, карикатурная картина. Если продолжить сравнение с карикатурой, можно сказать, что карнавал ближе всего к сатирическому рисунку общества.

— Ты хочешь сказать, что весь сатирический, разоблачительный дух карнавала — всего лишь его побочный продукт, а не революционный пафос народа, нашедший выход в карнавале?

— Я всё больше убеждаюсь в этом. Правда, «структурное напряжение» общества разряжается во время карнавала действиями, близкими к революции или скорее к народному бунту, но карнавал устраивают всё же не революционеры, а обычные люди. Тем не менее подобно тому как карнавал притягивает всяких перевертышей, он притягивает также революционеров: вспомни революционера-циркача, устраивающего карнавальную революцию в «Трех толстяках» Юрия Олеши. Впрочем, подобно тому как карнавал порождает революционеров, так и всякая революция благодаря своей переворачивающей сути неминуемо приобретает карнавальные черты.

Конечно, я имею в виду иерархические, а не архаичные эгалитарные общества. Трудно представить себе «революционера», скажем, в дуально организованном обществе, борющегося за то, чтобы его сородичи поменяли одну фратрию на другую, или за искоренение дуальной организации вообще.

194. — Хороший пример карнавальной «революции», о которой мы говорили в § 193, — масленичное представление Хан-Паша, которое когда-то разыгрывали в Армении. Главный персонаж в нем — властитель: хан, судья или деревенский староста и их прислужники. Тот, кто в обыденной жизни стоит надо всеми и одет во все дорогое и престижное, во время карнавального представления одет в рванье, вывалянное в саже или навозе, на голове у него вместо короны или тюрбана тыква или старый котелок или сковорода. Вместо царской чаши ему подают собачью миску, вместо чернильницы — ночной горшок, вместо коня — осла, да и то задом наперед. Этот карнавальный владыка вершит неправый суд, требует непомерную подать, угрожает сжечь деревню, увести в плен всех женщин, ограбить церкви. Все эти угрозы его слуги фарсово осуществляют. Кульминация представле-

ния — восстание народа. Над карнавальными представителями верховной власти издеваются, от слов переходят к делу — побоям; иной раз им сильно достается. Срывают, сжигают или бросают в воду знаки высшей власти, поддельную бороду, маску. После всех этих бурных событий устраивают общий пир, к которому присоединяется недавний паша, освободившийся от карнавальной одежды.

— А разве здесь нет масленичных чучел — символов зимы, которые уничтожают, сжигают в конце праздника?

— Армяне вместо масленичных чучел «уничтожают» поработителей, главным образом иноземных. Недобрая память о них так велика, что они успешно заменили собой деструктивные силы Природы. Об этом говорит само название игры — Хан-Паша и главных персонажей — Араб, Турок, Курд, Татарин.

— Наверно, не сто́ит и спрашивать, какое место занимает в этом представлении смех?

— Естественно. Те, кто застал этот праздник, уверяют, что в самые забавные моменты зрители чуть не умирали со смеху. Но я хочу обратить твое внимание на другое. В кульминации представления, можно думать, им уже не до смеха. Эмоции так сильны, что зрители от ругательств и смеха переходят к деструктивному делу, которое уничтожает саму карнавальную модель армянской истории.

— Поскольку функция карнавальных шуток и смеха — уменьшить напряжение и агрессивность в обществе, можно думать, что агрессивная концовка представления прямо способствует этой функции.

— Совершенно верно. Выход агрессивности вообще существенная особенность праздника. Это может происходить в прямой форме «агрессии ради агрессии» или в виде агрессивного «фасада» неагрессивной шутки или же наоборот, в виде неагрессивного прикрытия агрессивных намерений, наконец в виде побочного продукта карнавальных действ. Например, в Хан-Паше

карнавальная перевернутость порождает сатирический смех, шуточную агрессивность, которая переходит в чистую агрессивность. Агрессия может быть направлена вовне, на других, или вовнутрь, на своих; на объект переворачивания, как в Хан-Паше, или же на символический объект вроде масленичного чучела, который требуется уничтожить по логике обряда.

— Заметь, в последнем случае агрессия специально фокусируется, причем в чистом виде. Может быть, мы подходим даже к одному из истоков ритуального жертвоприношения? Но здесь речь не об этом. Я просто хочу отметить, что всякий изучающий праздничный аспект смеха рано или поздно сталкивается и с проблемой агрессивности. И не забудь: карнавальные чучела, которые агрессивно уничтожаются — их жгут, топят, исступленно раздирают, — не только смешные, но и страшные. А страх — одна из причин агрессивного поведения. Другими словами, страх лежит в основе как праздничного смеха, так и праздничной агрессии.

195. — А как отличить карнавальную агрессивность от настоящей? Что останавливает разъяренных зрителей, когда в финале Хан-Паши они от слов переходят к делу? Похоже ли это на то, как животные отличают игровую агрессию от истинной?

— В отличие от животных дети в своих играх часто не различают игровую и истинную агрессию. Начинают ли они различать, когда подрастут? Люди строго отличают праздники карнавального типа от обыденной жизни, мы говорили об этом в § 176. Особенно если они живут в архаичном обществе — пребывают в состоянии «детства». Но отличают ли они на этих праздниках игровую агрессию от настоящей? На примере финального избиения в Хан-Паше можно сказать, что граница между этими двумя видами агрессии достаточно зыбкая. Кстати, известны случаи, когда дозволенное в рамках карнавала наказание несправедливого правителя перерастало во вполне реальное наказание его прообраза из сельской действительности. Карна-

вальная агрессия и в других случаях может выплеснуться за пределы карнавала, как это происходит во время лондонских нотинг-хиллских карнавалов. Карнавальная революция может в принципе выйти за пределы площади, на которой разыгрывается праздник.

— Всё же должны быть какие-то ограничители праздничной агрессивности. Пусть люди не умеют достаточно хорошо регулировать свою агрессию по отношению к себе подобным, как это умеют животные, но что-то должно же их останавливать. Иначе каждый следующий карнавал может стать последним.

— Ты прав. Видимо, какие-то механизмы ограничения агрессивности всё же существуют, вроде правила «до первой крови», хотя в описаниях Хан-Паши о них не сообщается. В других, далеко не праздничных ситуациях такие ограничения есть. Вспомни, как в аборигенной Австралии регулируются открытые военные столкновения типа *барбоби*. Бой здесь идет пока не окажется двое-трое убитых; тогда старухи, наблюдающие за сражением, вмешиваются в бой и не дают распаленным воинам добить поверженного противника, прикрывают его своими палками-копалками.

— Но обрати внимание: когда участники праздника изливают агрессию не на временно преображенных, как в Хан-Паше, «своих» людей, а на специально предназначенных для этого «чужих» (они могут быть и особыми «своими») или на особые предметы, такой границы вовсе не требуется. Наоборот, эти люди и предметы существуют именно для того чтобы сполна принять на себя всплеск агрессии. Этот всплеск и есть, как правило, кульминация праздника. После него, например после ритуального убийства жертвы или уничтожения карнавального чучела, праздник идет на спад или этим и завершается. Это понятно, если главная функция праздника, как мы говорили в § 189, — эмоциональная разрядка. Теперь мы можем добавить к ней разрядку агрессивности.

— С агрессией вроде бы понятно: она не может длиться вечно. А что ты скажешь насчет праздничного смеха? Как долго он может длиться? Другими словами, сколько нужно смеяться, чтобы насмеяться?

— В любом случае смеяться вечно невозможно, хотя бы потому, что после чрезмерной эмоциональной разрядки неминуемо эмоциональное истощение, как во время смертельных эпидемий «смеющейся смерти» умирают в том числе и от смеха, вернее от судорог эпилептического характера, сопровождаемых неудержимым смехом. Так что регламентация эмоциональной кульминации праздника скорее всего осуществляется сама собой по подсказке человеческого организма.

— В таком случае праздник в целом регламентируется организмом социальным.

196. — Последние дни мы вели разговор о празднике и, думаю, пришли к странным заключениям. Смех, движущая сила праздника, оказался в то же время его побочным продуктом. Неисправимый нарушитель порядка, он сообщает и без него хаотическому празднику еще больше хаотических черт. Больше того: будучи связан в своих корнях с агрессией, смех сам порождает агрессию — еще один побочный продукт, которому тоже праздник обязан своим происхождением. Наконец, вырвавшаяся на волю агрессивность возвращает празднику дикие, «животные» черты.

— Да, во всём этом есть парадоксальность, мы попадаем в порочный круг. Но не надо его бояться. Мы не раз говорили с тобой о том, как носим в себе частицу природы и порой с готовностью или с неохотой отдаем ей предпочтение, пытаемся запереться от нее в культуре или же полностью отдаемся природе. Не следует также забывать, что круг не совсем порочный: мы, например, часто своей неживотной, человеческой агрессивности приписываем животные, дочеловеческие черты. Так что на празднике мы вызываем не дочеловеческое, историческое свое состоя-

ние, а псевдодочеловеческое и псевдоисторическое. Мы знаем, что́ мы делаем во время праздника, и понимаем, что это противоположно нашему «культурному» поведению, а из этого делаем вывод, не всегда верный, что оно «природное», и другой вывод, почти всегда неверный, что оно «историческое».

— Значит, праздничный хаос это не отражение хаоса, царившего, как думают, в дочеловеческом обществе?

— Да, это хаос «культурный». Так что «исторические» реконструкции типа «когда люди были еще зверьми» того же рода, что и мифологические рассказы про времена, «когда звери были еще людьми».

— Получается, что смех сообщает празднику, культурному воплощению Хаоса, еще больше хаотических черт, а вырвавшаяся на волю агрессия вконец разрушает «культурный хаос» праздника.

— Именно так. Но я бы добавил, что при этом «культурному» хаосу на миг возвращаются природные черты. Ты хочешь сказать, что это уже настоящий порочный круг? Филург, как мы не раз видели в наших беседах, имеет дело с магическим кругом. Он не должен бояться и порочных кругов. В § 178 мы увидели, как на праздник врываются гости из давних времен и из других миров, но и сам праздник (он сам, а не то, что на нем делается) — гость из более давних, возможно дочеловеческих, времен.

— Значит, мифы о начале времен рассказывают нам о древнем празднике, а не о нашем древнейшем прошлом. Ты прав: по-видимому, память о праздничном сильнее памяти о повседневном. Как говорит пословица, «праздники памятны, а будни забывчивы».

197. Февраль—ноябрь 1988 г.

198. — Как ты можешь изучать праздники у разных народов, если они разыгрываются в разные времена, отстоят друг от друга на столетия или даже тысячелетия? В § 175 ты осторожно

пересекаешь пространственные границы, но как быть с временны́ми границами?

— Праздник создает тайные проходы во времени, они позволяют древнему празднику вырваться из далекого прошлого и разыграться на сегодняшней площади, подобно тому как в § 178 тотемные предки приходят на австралийский праздник, а среди гостей карнавала мы неожиданно обнаруживаем гостей из иного мира.

— Но как ты узна́ешь древний праздник?

— Праздник создает проходы во времени не только для участников, но и для тех, кто его изучает. Так ты можешь при надлежащем усердии попасть в начало времен или в менее отдаленные времена. Потом, вернувшись, ты уже можешь узнать праздник, прорвавшийся на твою площадь. Тогда происходящее на церемониальной площадке в австралийском буше станет перекликаться с событиями на Театральной площади, а древняя тотемная церемония отразится в современном политическом «празднике». Так в § 197 я неожиданно очутился на первопразднике, который когда-то пытался реконструировать.

— А что тебе дает узнавание гостей из прошлого?

— Так ты можешь узнать о возможном будущем. Как мы говорили в § 177, праздник — упрямый структуралист. Он сразу же выявляет главные и второстепенные противопоставления в твоем обществе и начинает манипулировать ими: переворачивает их, сближает или вовсе ликвидирует. Но всё это лишь на время праздника. Затем противопоставления возвращаются — для тех, кто не утратил способности видеть их, — и ты сможешь увидеть, возвращаются ли они в неизменном виде или какое-либо праздничное изменение проникло с праздничной площади в нашу будничную жизнь. И потом, зная законы праздника, ты отличишь действительные явления от праздничных фантомов, которые исчезают с окончанием праздника, предугадаешь, как поведут себя праздничные герои в будни. Тебе, возможно, откроется

еще много самых неожиданных вещей, но знай, что путь праздника тебя не подведет.

Доверься праздничному чувству, слейся с радостной толпой, и это ощущение единства с народом избавит тебя от страха и ненависти.

199. — В предыдущем параграфе мы говорили, что, зная, какими были противопоставления до праздника и как они поведут себя во время и после праздника, мы можем узнать, каким выйдет общество из праздника. Конечно, это важное знание, особенно если наш праздник — политический. Ради такого знания антрополог и совершает свои путешествия в далекие времена и в отдаленные края. Но всё же ты получаешь ответы или догадки лишь к части вопросов, которые ставит перед нами праздник. Ведь иногда из хаоса праздника рождается неожиданный космос, мало общего имеющий с допраздничным, и праздник-«структуралист» ничего с этим вроде бы не может поделать, как и его исследователь-структуралист. Можем ли мы предугадать, каким будет этот новый космос?

— Сделать это гораздо сложнее, чем в случаях, когда общество по инерции возвращается к допраздничному состоянию, восстановив прежний скелет противопоставлений.

— А почему оно возвращается к прежнему космосу? Что тянет его назад? Разве хаос праздника не подобен хаосу, который мы наблюдаем в микромире? В гуще этого хаоса из случайного зародыша может образоваться новый космос, то есть не старая структура тянет праздник к предпраздничному состоянию, а в хаосе праздника образуется новая структура.

— Порой так и случается. Но гораздо чаще так могло бы случиться, если бы мы более внимательно и с большей ответственностью относились к хаосу праздника: я имею в виду неожиданный и непредсказуемый, казалось бы, политический «праздник», а не ожидаемый и предсказуемый традиционный праздник. Ведь в зависимости от того, какие внешние условия

мы обеспечим для образующихся в гуще хаоса кристалликов возможного будущего космоса, таким он и образуется. Например, в § 197 мы имели дело словно с клубком спутавшихся ниток, из которого праздник вытягивал ту или иную нить — короткую или длинную, тройную цвета национального триколора или красную советскую, веселую или траурную; ты мог бы найти там нитку национализма, нетерпимости, насилия и войны, но также терпимости и гражданского общества и еще много других ниток, крепких, но второпях оборванных, и гнилых, но бережно вытянутых.

Так ты можешь получить снова изношенный старый космос, но только потому что не смог уберечь хрупкую структуру возможного нового.

200. — В предыдущем параграфе мы говорили о том, как из множества возможностей хаос праздника выдает нам то будущее, которое зарождалось в лучших условиях (возможно, не самое лучшее), и что мы сами могли бы выбрать себе более подходящий будущий космос, если бы сумели обеспечить его сохранность в самом хрупком, зародышевом состоянии. А есть ли другие способы побудить хаос выдать из своей гущи нужный нам космос или хотя бы «подтолкнуть» хаос праздника в желаемом направлении?

— Есть один способ, к которому прибегают повсеместно, хотя и не всегда осознают это. Иные считают, что это всего лишь структуралистский предрассудок; тем не менее, говорят, способ часто, если не всегда, оказывается действенным. Чтобы воспользоваться им, ты должен верить, что праздник это некий хаос, в который ввергнут космос обыденной жизни, чтобы потом возродиться. Собственно, мы в наших беседах молчаливо следовали этой схеме. И это не такое уж трудное условие, особенно если учитывать, что именно так представляют себе схему действия праздника его участники в разных концах земного шара и в разные времена.

Мы уже говорили, что праздник — закоренелый структуралист. Замечал ли ты, как космос повседневной жизни, предчувствуя приближающийся хаос праздника, старается как можно четче продемонстрировать свое строение? Обычно мы его не замечаем, хотя каждый из нас так или иначе подчинен ему и посильно вовлечен в процессы, обеспечивающие его стабильность. Однако непосредственно перед праздничным распадом космоса мы уже не можем не заметить, как он судорожно напрягает всё основное, на чем держится его сложный организм. Если обычно мы можем при желании выявить его структуру, то в эти моменты невооруженным глазом видим его сверхструктуру. Правда, часто мы принимаем ее за причудливую часть праздника.

— Что же это за сверхструктура, которую мы видим, но не придаем ей значения?

— Это, например, праздничная демонстрация.

— Ты имеешь в виду парад?

— Да. Слово *парад* возводят к испанским словам *parada* «остановка» и *parar* «задерживать». Парад в контексте нашей беседы обновляет этот смысл: общество-космос «останавливается» перед своим праздничным разрушением и демонстрирует в сжатом виде, в виде модели, свою структуру.

Мы условно назовем это состояние сверхструктурой, хотя в принципе это та же структура: поскольку мы до того ее «не замечали», она будто старается предстать перед нами во всех своих главных чертах, нередко к тому же гипертрофированных, с бо́льшим акцентом на показ, пышность — в целом на то, что стало передаваться словом «парадность». Ты, конечно, понимаешь, что структуре нет до нас дела, это мы ее представляем.

Вспомни праздничные демонстрации советского времени. Разве они не представляли в сильно сжатом виде советское общество с его делением на армию, трудящихся, в свою очередь разбитых на рабочих, колхозников, работников умственного тру-

да? Каждая колонна, проходившая перед трибуной, старалась наиболее емко и помпезно продемонстрировать место и основные достижения отрасли, которую она представляла, причем, как ты помнишь, наверно, разные части праздничной демонстрации были структурированы в разной степени: более жесткую организацию имели военный парад и колонны физкультурников, более свободную — колонны трудящихся, проходивших мимо трибуны вольным шагом. Впрочем, здесь структура тоже была достаточно жесткой, так как каждая колонна имела свой сверхструктурированный центр — символическую конструкцию, нередко увенчанную застывшей живой картинкой, копировавшей, как правило, тот или иной памятник, ставший символом советского строя. Даже «вольный» танец работников культуры перед трибуной, на мгновение вроде бы разрушавший строгую процессию, на деле воссоздавал структуру многонационального государства через национальные танцы титульных народов Советского Союза.

— Кому всё же парад демонстрирует себя? Кто здесь зрители, кто смотрит? Ведь «парад войск» значит также «смотр войск». Ты имеешь в виду тех временщиков, которые принимают парад с трибуны?

— Как бы ты к ним ни относился, «смотрящие» с трибуны это Первый человек и его окружение. На самом деле даже не они принимали парад, они лишь представляли «всевидящего» бога-творца советского общества, который в виде вечно живого мертвеца обитал в своем мавзолее на московской площади или в виде статуи возвышался над трибуной на ереванской площади.

— Значит, это Бог смотрит последний раз перед праздничным распадом на модель созданного им когда-то общества, чтобы лучше «запомнить» ее и воссоздать после хаоса праздника?

— Все наши демонстрации и важнейшие ритуалы предполагают всевидящее око наверху. Но всевидящее око и так всё видит. На самом деле, думаю, на демонстрацию нашей сверхструктуры никто и не смотрит. Когда клетка готовится к деле-

нию — своей смерти, ее обычно невидимая структура становится видимой вовсе не в расчете на глаз наблюдателя в окуляре микроскопа.

201. — В § 200 космос повседневной жизни перед погружением в хаос праздника воспроизводит себя в упрощенно-гипертрофированном виде, чтобы после праздничной «смерти» легче было восстановить допраздничное состояние. В структуралистской терминологии весь процесс можно описать как структура → сверхструктура → антиструктура → структура. В случае праздника, как мы уже говорили, подобный интерес к строению вполне оправдан. Обрати внимание: слово «антиструктура» теперь наполняется новым смыслом. Ведь когда мы видим, что структура всеми силами пытается сохранить себя, способ ее саморазрушения может подсказать нам разные подробности того, что происходит.

— Разве праздник не просто разрушает привычное здание будничного наиболее доступными способами? Бьет по слабым местам, чтобы поскорее разрушить?

— Я тоже так думал, пока как нам не открылась сверхструктура. Слабо скрепленные части здания, несомненно, страдают в первую очередь, хотя праздник стремится разрушить главным образом несущие части. Праздничный хаос представлялся мне предельно хаотичным, а слово «антиструктура» — указанием на то, что праздничный хаос противопоставлен предшествовавшей ему структуре. Но это слово можно понимать и как указание на то, что у хаоса своя структура, противоположная той, которую праздник разрушает. Вспомни, как праздничное переворачивание, о котором мы не раз уже говорили, создает карнавальный мир с обратным знаком. Но этот мир при всей внешней несхожести очень похож на наш. Сто́ит его еще раз перевернуть, и всё снова станет на свои места.

— Ты хочешь сказать, что праздник создает свой хитрый хаос? В котором уже таится послепраздничный космос?

— Зародыш будущего космоса уже есть, и новым зародышам, которые могут вдруг зародиться в хаосе праздника, будет трудно с ним конкурировать. Так опытный и умный будничный космос побеждает глуповатый праздничный хаос.

— Значит, в таких случаях сверхструктура не нужна?

— Она нужна не всегда. Хотя не мешает подстраховаться от неожиданностей праздника. Я думаю, она появляется всегда, просто мы ее не всегда замечаем. Приведу один пример — снова, как в § 194, из масленичной обрядности, но на этот раз мы станем свидетелями русской масленицы. Сверхструктуру здесь все знают под именем Масленицы — чучела, олицетворяющего прошедший год. Заметь: Масленица это символ не всего плохого, что было в прошлом году, как можно было бы судить по обращению с этим ритуальным чучелом, а всего пережитого, изношенного и постаревшего как сам старый год. Так, масленичное чучело делают из соломы — остатков бывших злаков, а костер, на котором его сжигают или который замещает Масленицу, сооружают, кроме соломы, из старых вещей, взятых из каждого дома. Получается, что Масленица служит сжатым образом мира, его моделью. Но этот аспект Масленицы для участников обряда, видимо, заслоняется другими гротескными карнавальными фигурами, которые олицетворяют Зло, прежде всего Зиму, так как одну из главных тем Масленицы, как ты знаешь, составляет победа над зимней стужей, олицетворения которой свирепо и радостно уничтожаются. Поэтому Масленица, эта сверхструктура космоса, которую тоже сжигают, раздирают на части или топят в воде, может быть ошибочно принята за некий образ хаоса. В результате в празднике масленицы мы больше обращаем внимание на кульминационный конец карнавала — проводы, уничтожение сверхструктуры космоса, чем на начало праздника, когда эта сверхструктура сооружается или когда акцентируется ее встреча; вспомни особые обряды встречи Масленицы. Получается, что в целом хаотический, «бес-

структурный» карнавал тоже в известном смысле начинается со сверхструктуры.

202. — В § 200 мы говорили о том, как праздничный парад демонстрирует в сжатом виде советский космос перед его праздничным разрушением. В чем же выражался советский праздничный хаос? Я любил в детстве, когда родители брали меня на праздничную демонстрацию, мы весело играли, пока не приходила очередь нашей колонны двинуться к площади и торжественно пройти перед трибунами.

— До финального, кульминационного и наиболее структурированного марша перед трибуной народ мог позволить себе некоторую праздничную разрядку, о которой ты только что вспомнил, но не выходя за слегка размытые границы своей колонны. Праздничным хаосом назвать это, конечно, никак нельзя. Праздничная антиструктура советского общества появлялась после официальной части праздника, после того как праздничную атрибутику — знамена, флажки, транспаранты, портреты вождей и бутафорные макеты-символы разбирали и развозили по своим учреждениям. Вместе с атрибутикой уходила и напряженность торжественного шествия. Строго организованные колонны тут же распадались на мелкие группы и на отдельных людей, в целом образовывавших хаотическую массу; это состояние власти осторожно именовали «народным гуляньем». Именно оно представляло собой антиструктурную неофициальную часть советского праздника. Как видишь, советский праздник тоже подчинялся общему правилу перехода космоса в хаос, структуры в антиструктуру. Просто чересчур раздутая парадная сверхструктура заслоняла неафишируемую антиструктуру.

— А почему советской сверхструктуре придавалось так много значения?

— Дело в том, что если в традиционном обществе после праздничной антиструктуры восстанавливается прежняя структура, больше того — старый космос сменяется после празднич-

ного хаоса таким же, но обновленным космосом, то в советском обществе с его искусственной структурой, державшейся на страхе, не было гарантии, что после праздничного хаоса, который, мы знаем, помогает участникам преодолеть свой страх, вернется советский космос. Видимо, поэтому всеми силами пытались избежать опасной праздничной антиструктуры, противопоставляя ей еще более выраженную и мощную, чем в обычное время, структуру общества, которую мы по этой причине и назвали сверхструктурой. Страх перед неуправляемой антиструктурой был так велик, что власти делали всё, чтобы праздники длились не больше трех дней, когда календарь создавал такую возможность, перенося выходные дни на другие дни недели. Борьба с неофициальным праздником исходила и из того, что его антиструктура подкреплялась массовым пьянством, которое нередко сопровождало народные гулянья. Вот эту опасную антиструктуру власти и стремились контролировать, чтобы не дать ей вылиться в деструктивный хаос, из которого нет больше возврата в искусственный советский космос. Ведь мы знаем из § 199, что в гуще хаоса могут образоваться зачатки нового и неожиданного космоса. Кстати, именно этим пользуются революционеры, стараясь полностью разрушить старый космос, чтобы на его месте построить новый. Они считают, что этот новый космос должен быть построен после максимально бесструктурного хаоса; мы можем теперь сказать, что он строится из революционного хаоса. Вспомни, как в § 198 праздничные структурные изменения переходят в послепраздничный космос.

Вот почему в случаях революционного хаоса мы никогда не находим сверхструктуры — магического гаранта возрождения предыдущего космоса.

— Получается, что подобно тому как в советском празднике слишком сильно выраженная сверхструктура не позволяла разглядеть антиструктуру, во многих традиционных праздниках, наоборот, столь же сильно выраженная, но неопасная для общества

антиструктура не позволяет различить сверхструктуру, как в случае с Масленицей.

203. — Праздничный парад, который выявил перед нами в § 200 сверхструктуру советского общества, был особенно характерен для главного советского праздника — 7 ноября, отмечавшего начало советского космоса. Неудивительно, что в 1988 в Армении одной из кульминаций борьбы против советского космоса стало разрушение антиструктурным политическим «праздником» именно этой сверхструктуры — последнего официального парада 7 ноября. Это событие составило один из примечательных эпизодов § 197. Когда очередная колонна готовилась промаршировать мимо трибуны и возвышавшегося позади нее Ленина, с площади послышались звуки трубы — знакомая в те дни каждому ереванцу мелодия; с этого сигнала начинался каждый праздник в течение девятимесячного праздничного цикла. В § 192 мы говорили о том, как по сигналу торжественность переходит в веселость. Так и здесь: торжественная процессия весело повернула на полпути и двинулась вслед за трубачом прочь от трибуны (она была расположена на внешней окружности площади) — в сторону другой площади, где в те дни разыгрывался политический «праздник». Так в очередной раз Театральная площадь (позже переименованная в Площадь Свободы) одержала победу над площадью Ленина (позже переименованной в Площадь Республики).

— А как же трибуна и смотрящие с нее?

— Им ничего не оставалось сделать, как покинуть трибуну. Вскоре удалили и того, кому в первую очередь демонстрировали сверхструктуру созданного им космоса. Статую Ленина демонтировали хотя и «цивилизованно», но с элементами варварской жестокости: ей, например, сперва пришлось по техническим соображениям отделить голову. Главного наблюдателя праздничной сверхструктуры уничтожили, как и саму сверхструктуру. Кстати, начавшись с торжественного обряда экзекуции, демон-

таж памятника вылился в карнавальное веселье. Когда статую помещали на лафет, несколько агрессивно настроенных людей из прилежащего сквера стали кидать в нее камешки, когда же памятник двинулся в свой последний путь по площади, их примеру решили последовать другие, но поскольку на асфальтированной площади нет камешков, они стали кидать вместо гулких агрессивных камней звонкие веселые медяки из своих карманов. Соответственно гримасы злобы сменились на улыбки. Так удаляли памятник Ленина с площади, носившей его имя. Вспомни, как чучелу Масленице пришел конец на празднике масленицы.

Зрители на трибуне больше не нужны: как на любом истинном карнавале, зрители и исполнители — одни и те же люди. Причем трибуна нужна, чтобы принимать парад сверхструктуры, когда же сверхструктура раз и навсегда, как верили тогда, разрушена, трибуна тоже больше не нужна. Поэтому вскоре столь же деструктивно и с варварской беспощадностью взорвали и разобрали саму трибуну. Но я перешел к темам борьбы с памятью и памятниками, об этом мы поговорим в другой раз.

А теперь я хотел лишь показать, как 7 ноября 1988 года праздничная антиструктура разрушила советскую сверхструктуру. Кстати, когда праздничная демонстрация на ереванской площади символически, а не с вандальским рвением разрушила трибуну с принимающими парад, не пожелав себя демонстрировать, в то самое время в городе Гюмри, носившем тогда имя Ленина, праздничная демонстрация повернулась спиной к трибуне, таким образом «разрушив» ее, сделав «невидимой». Гюмри тоже имел свой памятник Ленину, правда на другой площади. Он устоял во время землетрясения, ровно через месяц разрушившего почти весь город, так что пришлось снимать его своими силами.

204. — Карнавальный хаос смешной. Но хаос, абстрагированный от хаотического праздника, уже не несет в себе смешных черт карнавала. Он становится хаосом разрушительным и страшным, грозит космосу нашей повседневной жизни антиструктурой

без какой-либо гарантии восстановления прежней структуры. Такой хаос вызывает у нас тревожные чувства и эсхатологические ожидания.

— Можем ли мы противостоять этому страшному хаосу?

— Можем, поскольку наши тревожные чувства — результат накопившегося напряжения, требующего эмоциональной разрядки. Здесь нам на помощь приходит праздник — об этом мы говорили в § 189, — точнее, его хаотическая антиструктурная часть.

— Выходит, что мы побеждаем страшный хаос, вырвавшийся из контекста праздника, вводя его обратно в рамки праздника?

— Да, хаос праздника уже не страшен, а смешон. Вспомни, как в § 184 мы обезвреживали страшных непрошеных гостей карнавала, делая их смешными.

— Но гости прибывают из изначально страшного чужого мира, а хаос вышел из «нашего», праздничного мира. Впрочем, гости, например покойники, тоже когда-то принадлежали нашему миру. Они стали страшными, когда покинули этот мир. Но ты прав: они стали страшными, потому что стали частью иного мира, подчинились его законам; в нашем мире они были обычными людьми. Хаос же всегда страшен, но праздник его «приручает», не дает нам испугаться. Ведь это ты сам творишь праздничный хаос, а не наблюдаешь, как он к тебе подбирается в образе беспощадного чудища. Получается, что праздник и есть это чудище?

— Праздник порождает это чудище. В § 196 мы говорили о том, что хаос праздника порождает представления о социальном хаосе в начале времен. Теперь мы можем сказать, что всякий образ Хаоса происходит из «культурного» хаоса праздника. И чтобы избавиться от накопившегося напряжения и страха, мы погружаемся в праздничное действо. Или же совершаем ритуалы.

— Но они же тесно связаны. Назови мне праздник без ритуалов.

— Конечно, ни один праздник не обходится без ритуалов. Хотя бы потому, что и праздник и ритуал, по-видимому, разные

проявления переадресованной активности. Тем не менее они во многом противоположны, поскольку ритуал тяготеет к сверхструктуре, а праздник — к антиструктуре. Случается, что праздник утрачивает свою антиструктурную хаотическую часть, но не утрачивает ритуала, который становится еще торжественнее. Так случилось, например, с армянским Новым годом: когда он был передвинут с весны на зиму, он лишился карнавальной антиструктуры, зато в нем стало больше акцентироваться внимание на ритуале: ритуал уже направлен на то, чтобы предотвратить грозящий миру хаос, а не на то, чтобы как-то воздействовать на неминуемый хаос праздника, породивший этот грозящий миру хаос.

— Что же это за грозящий миру хаос, от которого нужно спасаться ритуалом?

— С одним символическим воплощением хаоса и ритуальной борьбой с ним мы уже имели дело в § 159. Это Артавазд, типичная персонификация хаоса; ведь его освобождение из оков должно привести к гибели мира. Ритуальную борьбу с ним осуществляют кузнецы: они бьют по наковальне, чтобы укрепить постоянно истончающиеся цепи, в которые закован царевич-вишап Артавазд.

205. — Мы говорили о том, что в веселой антиструктуре праздника торжественный ритуал сам по себе выступает как некая сверхструктура.

— Это не совсем так, хотя торжественность ритуала предполагает мысль, а не бездумное дело праздника. В ритуале мы чувствуем отсылку к некоей структуре, которая на фоне хаоса выглядит как сверхструктура. Но когда мы имеем дело со сверхструктурой нашего космоса, ты всегда можешь узнать об этом по соответствующему торжественному ритуалу.

Вчера мы говорили о том, как кузнецы борются с персонификацией хаоса, когда в пограничной ситуации — в конце недели или в канун Нового года — он грозит нашему миру. В канун

Нового года женщины тоже откликаются на неопределенность пограничной ситуации: они гадают, каким будет наступающий год, создавая модель, сжатый образ нашего космоса. Если с персонификацией хаоса борются кузнецы — профессиональные драконоборцы, сами стоящие на границе культуры и природы, нашего и иного мира, то сверхструктуру космоса создает хозяйка каждого дома в своем очаге. Модель мира она лепит из теста: лепит фигурки, изображающие или символизирующие домочадцев, скотину, хозяйство, — весь окружающий мир вплоть до небесного свода и светил. Если печенья поднимались и румянились, их прообразам это сулило удачный год, если же они получались не совсем удачными или, не дай Бог, съеживались либо подгорали, будущий год мог стать роковым: не поднявшееся печенье в виде кошелька, символа торговца, было знаком скорого обеднения, испорченная «звезда» означала плохую судьбу, а обгоревший «небосвод» сулил войну. Хотя этот ритуал по своему прямому назначению был гадальным, он, как видишь, воссоздавал модель космоса со всеми его элементами. На стыке Старого и Нового года, как известно, миру грозит хаос, наша же выпеченная модель космоса вскоре будет «разрушена» (съедена) за новогодним столом.

Вот еще пример из кулинарной сверхструктуры — круглое новогоднее печенье *tari-hac'* (дословно «год-хлеб»), вариант армянской мандалы. Обычно это большое печенье с обрамляющим его налепленным ободом, оно разделено крестообразно на четыре части, в каждой из которых налеплены или выдавлены небесные символы, подобные разрозненным элементам мира, о которых мы только что говорили. В «год-хлеб» клали фасолину, чтобы узнать, кто будет особо отмечен судьбой в наступающем году. А делили пирог так, чтобы не только всем домочадцам, но и всему миру досталась своя доля. Хотя выпечка и раздел «года-хлеба» тоже воспринимались как обряд гадания о наступающем годе, форма печенья, символически моделирующая Вселенную, и

ее разрушение говорят о том, что и здесь мы имеем дело скорее с созданием сверхструктуры космоса перед хаосом поедания. «Год-хлеб» иногда имеет не четырехчастное, а двенадцатичастное строение, что подчеркивает временной аспект космоса, недаром в его названии присутствует слово «год». Заметь, это год прошедший, а не будущий.

— О выпеченных элементах космоса можно думать, что они представляют модель проходящего года: хозяйка-демиург лепит их такими, каковы они теперь, огонь же очага сделает их такими, какими они станут потом — раздует живот невестки, опустошит кошелек хозяина и т. п. Но в случае с «годом-хлебом» не совсем ясно, что это модель прошедшего года. Мы находим счастливую фасолину сейчас, но, может быть, в модели будущего года?

— Что мы имеем дело с прошедшим годом, говорит логика построения других сверхструктур, в том числе предновогодних. Вспомни, как первый человек страны перед самым наступлением Нового года (мифологически — в самый опасный и ответственный момент) в своем поздравительном выступлении больше места уделяет итогам прошедшего года, строит его сверхсжатую модель. В такой же сверхсжатой форме может моделироваться не отдельный год страны, а жизнь отдельного человека в порубежной ситуации: вспомни, как мы «строим» именинный торт с зажженными по количеству отмечаемых лет свечами, еще один пример из кулинарной области. Эта модель жизни именинника задувается и «раздирается» на части в кульминации пира. Вспомни уничтожение Масленицы, вобравшей в себя всё п р о ш л о е.

206. — Послушай еще об одном случае сверхструктуры, выстраиваемой перед лицом будущих катаклизмов. В § 197, когда народ на площади строил свое праздничное гражданское общество, один мой друг, архитектор по специальности, рассказал мне о своих мистических предвидениях. Он давно обратил внимание, что единение и сплочение армянского народа почему-то совпадает с возведением храма, имеющего в плане круг, а

конец солидарности и рассеяние народа по миру — с разрушением такого здания. В VII веке армяне стали строить круглый храм Звартноц накануне арабских нашествий, а в X веке, после разрушения храма, большой массив армян покинул родные места. По той же закономерности строительство реплики Звартноца — церкви Св. Григория (Гагкашен) в Ани в начале XI века, стало знаком сплочения и процветания народа, а после разрушения этого круглого храма и гибели Ани в XIII—XIV веках народ снова рассеялся по свету. Когда обнаруживший эту таинственную закономерность узнал, что обломки Звартноца выложили вокруг круглого основания храма с целью дальнейшего восстановления, он еще до бурных событий § 197 понял, что вскоре армянский народ снова должен сплотиться.

— Значит, он видел и последующий упадок?

— Об этом он мне не говорил. Но его схема, питающаяся также архетипом Вавилонской башни (армяне должны были еще и «понимать друг друга»), удивительным образом заработала при драматических событиях в аэропорту Звартноц: заметь название круглого в плане аэропорта, блокирование его пикетчиками, «разрушение» и избиение живой стены вокруг аэропорта спустившимися с неба военными силами, которые в отличие от охранявших храм Звартноц бдящих сил — *Звартноц* (*Zvart'noc'*) значит «[Обитель] бдящих [сил]» — были способны лишь карать и разрушать.

— Но упадок наступил гораздо позже, а не сразу после «разрушения» аэропорта Звартноц. Народ же еще больше сплотился на площади после «разрушения» Звартноца.

— Это был знак будущего упадка, а не сигнал к его осуществлению. И не забывай, что народ собирался на круглой площади у круглого в основании здания Оперы и балета. Считают, что Александр Таманян держал в уме храм Звартноц, когда строил свой «храм» культуры. Хотя вначале тот был задуман как Народный дом, через который должны были проходить

колонны праздничной демонстрации, в здании был различим древний храмовый дух; недаром архитектора в сталинское время раскритиковали за «церковность» его творения.

— Значит, Таманян разрушил Гефсиманскую церковь XII—XIII веков, чтобы на ее месте построить другую?

— Он был убежден, что возвел здание Оперы на том самом месте, где в далеком прошлом стоял языческий храм «песни и любви». Не случайно народ выбрал именно эту площадь для своего «политического праздника», на котором песня и любовь занимали далеко не последнее место. Не будем забывать и магию круга, притягивавшую народ именно к круглой площади, больше располагающей к хаотическому празднику. Когда митинги проходили в прямоугольном пространстве, у Матенадарана и на прилегающей улице, они в значительной степени потеряли свою непосредственность и веселость, стали более организованными и торжественными. Как видишь, магическая сила круга проявляется не только в естественных явлениях — их так много, что не сто́ит и перечислять, — но и в созданных культурой: по кругу движется человек во время древнего ритуала и «левого» блуждания, как в § 145; ты обводишь кру́гом себя, чтобы охраниться, как в § 98 и 145, или другого, чтобы стать его властелином, как это делают фокусник или каббалист; по кругу поставлены первобытные кромлехи и построен средневековый Звартноц, ему следуют и здание Оперы с круглой площадью и народ, справляющий здесь свой праздник.

— Получается, что образ храма Звартноц одновременно и символ единения народа, сигнализирующий подъем его духа, и сверхструктура армянского космоса, сигнализирующая о его грядущем крушении? Как может быть такое? Не успеет народ пожать плоды своего единства, как тут же приходит хаос разрушения и все снова разбредаются кто куда.

— Не сто́ит переживать из-за этого. Между строительством и разрушением всё же проходят века. А символический

образ Звартноца во время праздника похож на Масленицу, которую в § 201 встречают в начале праздника и уничтожают в конце. Кстати, образ Звартноца появился в те дни и в небе над городом: мне об этом рассказывали очевидцы, видевшие его составленным из облаков.

— Масленицу разрушают участники праздника сами, изнутри праздника, а символ Звартноца разрушили чужие, извне. И еще в судьбе Звартноца и подобных ему круглых зданий «национального единения» всегда решающее слово говорило землетрясение. Последний символ Звартноца тоже, наверно, не случайно был разрушен декабрьским землетрясением 1988 года. Поэтому я всё же доволен, что новый кафедральный собор в Ереване построили не по образу Звартноца, как ты того хотел.

— До сих пор мы говорили о культурном хаосе праздника. Мы строим модель нашего космоса, чтобы после хаоса разрушения он мог быть воссоздан. Мы делаем это и тогда, когда нас подстерегает хаос естественный. Потому армяне обращаются к идеальной модели своего космоса, трехъярусному круглому в основании храму Звартноц, чтобы суметь создать его вновь после катаклизмов, ставших для них обычными.

207. — До сих пор мы говорили о рукотворном хаосе. Но, оказывается — мы видели это в предыдущем параграфе, — модель космоса нужна и тогда, когда нас подстерегает хаос естественный.

— Мы тут ни при чем. В конце § 200 мы уже замечали в связи с парадами советского времени, что на демонстрацию нашей сверхструктуры собственно никто не смотрит: модель нашего общества нужна была самому обществу, чтобы воскреснуть после разрушения, но это ему, к счастью, не удалось. Еще мы заметили, что когда клетка готовится к своей смерти — делению, ее обычно невидимая структура становится видимой не в расчете на наш глаз в окуляре микроскопа. Сходным образом в периоды смут и гражданских войн, то есть во время политичес-

кого хаоса, как правило, четко обрисовывается обычно невидимая структура общества. Так в неспокойное для постсоветской Грузии время вдруг проявилась ее сложная этническая структура.

Ты можешь найти сходную закономерность в самых неожиданных примерах. Кризис, часто переживаемый больными перед выздоровлением, можно было бы назвать сверхструктурой болезни перед ее исходом. Говорят, что перед глазами человека на грани смерти проносится в сжатом виде вся его жизнь. В индийском представлении о кругах жизни подобная «выжимка» прожитой жизни становится программирующей моделью, определяющей каждую последующую жизнь человека.

Мы часто используем евангельские слова: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода», не обращая внимания на то, что речь идет об умирании з е р н а — модели, в которой запрограммирована жизнь, готовая к возрождению.

И последнее — история Ноева ковчега, пожалуй, самый яркий пример схемы, о которой мы говорили в последних параграфах. Перед всемирным потопом, водным образом хаоса, Ной строит ковчег как модель космоса, в которой мир «запрограммирован» по принципу «от всякой плоти по паре». Лишь подобное «семя» бывшего космоса способно выжить в волнах хаоса, чтобы развернуться в будущий космос.

— Ковчег не похож на узконациональную модель, принцип «каждой твари по паре» делает его универсальной космической моделью. Есть и другие универсальные признаки. На рельефах церкви Сент-Шапель в центре ковчега изображена трехъярусная вертикальная конструкция, приближающая ковчег к мировому древу. Но эта конструкция удивительным образом напоминает храм Звартноц. Есть даже мнение, что художник, создавший рельефы парижской церкви, имел перед глазами изображение Звартноца или его более поздней реплики Гагкашена, вывезен-

ное армянами в Европу или запечатленное европейскими путешественниками, — настолько поражают сходство и совпадение деталей.

— Тогда получается, что универсальная космическая модель оформляется по образцу армянской модели мира? Или правы те, кто думает, что сходство лишь случайное?

— Дело тут не в случае. Любой храм, будучи моделью мира, явно или неявно несет в себе структурные характеристики космоса. Но в храме Звартноц трехчастность передается самим его обликом, ее не нужно выявлять.

— Значит, модель Звартноца, которую в § 206 мы воссоздавали перед катастрофой, — идеальная общечеловеческая модель, нужная для того чтобы наш космос мог возродиться после любого, даже самого страшного хаоса.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение. Различение двух триад и название «филургия» для области моих интересов предложил В. Айрапетян.

4. О птицах и гусеницах см. *Шеппард*. Естественный отбор и наследственность, с. 165.

5. О Фарли Моуэте и волках см. *Моуэт*. Не кричи: «Волки!», с. 48—49.

6. О бесплодной женщине, ищущей исцеления, см. *Ст. Лисициан*. Армяне Зангезура, с. 199—200, 272.

7. О женщине и кустике из микронезийской легенды см. Сказки и мифы Океании, № 133.

О злосчастном Аристомене см. *Апулей*. Метаморфозы, 1.13.

«Если баба перешагнет через хомут или оглоблю...» — *Даль*. Пословицы, с. 937.

8. «От мора и болезней хозяин опахивает двор сохою на жене...» — *Даль*. Пословицы, с. 928.

11. «Если у одного из сидящих нет тени...» — *Даль*. Пословицы, с. 928.

«Не будешь ли ты так добр подумать над вопросом...» — так говорил Воланд Левию Матвею в «Мастере и Маргарите» М. Булгакова (гл. 29).

12. «Незабываемое утро 1911 г.» нарисовано в начале 1970-х. В 1911 мой десятилетний отец жил в Ереване с родителями в соседнем с изображенным доме, старая дверь которого не сохранилась. На изображении двери я заменил инициалы на свои — армянские буквы «Л» и «Дж» («Левон Джугаеци»: по отцу я происхожу из города

Джуги, разрушенного шахом Аббасом в 1605). На рисунке отражено некое событие из семейной хроники. Изображенная дверь ныне ведет в ночной бар, она отремонтирована, а сверху появилась соответствующая неоновая реклама.

15. «Ребенку не показывать зеркала...» — *Даль*. Пословицы, с. 93.

О *к'аджк'ах* см. *Ст. Лисициан*. Армяне Зангезура, с. 299.

«Прежде чем появилась земля...» — *Мансикка*. Финские варианты к дуалистической легенде, с. 171.

О том, как «раб божий» превращается в «пар божий», см. *Лотман*, *Успенский*. О семиотическом механизме культуры, с. 155.

«Правая ягодица чешется...» — *Даль*. Пословицы, с. 323.

19. О волшебном зеркале см. *Ван Ду*. Древнее зеркало.

25. О первом лице в абхазском и абазинском языках см. *Шакрыл*. Очерки по абхазско-адыгским языкам, с. 169.

29. О том, как жених и невеста смотрят в одно зеркало, см. Чердынская свадьба, с. 176.

«Если кто-либо увидит себя отраженным в воде...» — Брихадараньяка упанишада, 6.4.6 (перевод А. Я. Сыркина).

30. Толкование поведения ребенка во время коллективного монолога делается на основании experimentum crucis Выготского — см. *Выготский*. Мышление и речь, с. 286—291.

31. Ср. о Сократе Платона: «Но что такое платоновский Сократ? Это идеал радикально недиалогического человека, который не может быть внутренне окликнут, задет и сдвинут с места словом собеседника, который в пылу спора остается всецело непроницаемым, неуязвимым, недостижимым для всякого иного "я", а потому в состоянии манипулировать партнерами в беседе, двигать ими, как вещами, сам никем не движимый.» — *Аверинцев*. Греческая «литература» и ближневосточная «словесность», с. 215.

Ср. предположение об истоках логического заключения с идеей П. Лоренцена о состязании, споре в математической логике.

32. К тому, что наша внутренняя речь состоит из одних сказуемых, см.: «...мы ...должны предположить чистую и абсолютную предикативность как основную синтаксическую форму внутренней речи.» —

Выготский. Мышление и речь, с. 293. (Ср. толкование этого явления Выготским как опускание в речи известного подлежащего.)

34. «Тень — подчеркивает тела и их формы...» — *Леонардо да Винчи*. Анатомия, с. 68.

36. О девушке Цянь-нян и ее душе см. *Чэнь Сюань-ю*. Душа, которая рассталась с телом.

43. Легенду о белом какаду см. *Малиновский*. Сексуальная жизнь дикарей, с. 743.

51. О влюбленном самце бабочки-бархатницы см. *Тинберген*. Поведение животных, с. 56.

55. Это как бы «непротяженная точка, острие иглы...» — *L. Wittgenstein*. Philosophische Untersuchungen, § 620.

56. «Люди за дело, а мы за безделье» — *Даль*. Пословицы, с. 256.

60. О проволочной матери макака см. *Тинберген*. Поведение животных, с. 133—135 (опыты Г. Харлоу).

62. «...И как тот рог ни гнется, ни ломится...» — цит. по *Топоров*. К реконструкции индоевропейского ритуала, с. 39.

О древних законах, которым подчиняется ругаемый, см. *Бахтин*. Творчество Франсуа Рабле, с. 33—34.

63. Об истоках поэтического образа рога изобилия см. *Топоров*. К происхождению некоторых поэтических символов, с. 84—85.

О гульфике маленького Гаргантюа см. *Франсуа Рабле*. Гаргантюа и Пантагрюэль, 1.8 (перевод Н. Любимова).

64. О чудесном рождении Крокмуша см. *Рабле*. Гаргантюа и Пантагрюэль, 1.6.

Об острове Энназин см. там же, 4.9.

66. О рыбе, перенявшей нечистые свойства тробрианских инцестуозных брата и сестры, см. *Малиновский*. Сексуальная жизнь дикарей, с. 835, 843.

67. «Истинно, истинно говорю вам...» — Евангелие от Иоанна, 12.24.

О связи обряда обре́зания с подрезанием молодых побегов ср. *Trier*. Holz, с. 15.

69. «Баня парит, баня правит» — *Даль*. Толковый словарь, под *банить*.

О древнем смысле, который когда-то вкладывался в «иди в п....», см. *Бахтин*. Творчество Франсуа Рабле, с. 33—34.

70. «Заря орина (зарина), заря скорина...» — *Даль*. Пословицы, с. 404.

«Баня мать родная» — *Даль*. Толковый словарь, под *банить*. Младенца банят, т. е. повивают — см. Словарь русских народных говоров. Вып. 2, под *банить*, 2.

«От крику детей окачивать на родимом месте» — *Даль*. Толковый словарь, под *банить*.

71. *В баню* (*сходить*). «Секрет» [?] *В баню сходила*. — Словарь русских народных говоров. Вып. 2, под *баня*.

О свадебном банном обряде см. там же, под *банник*, 2.1; *баня*, 2; о злом духе баннике — под *банник*, 1.4. См также *Даль*. Толковый словарь, под *банить*.

Так банную дуру истолковал В. Айрапетян.

72. «Было бы болото, а черти будут» — *Даль*. Пословицы, с. 295.

«Ты у меня и места не найдешь» — там же, с. 222.

«Живой не без места, мертвый не без могилы» — там же, с. 55.

74. Ср.: «Сюжет всегда представляет собой путь — траекторию перемещения некоторой точки в пространстве модели культуры.» — *Лотман*. О метаязыке типологических описаний культуры, с. 476.

76. «Кто действует, не в состоянии овладеть Поднебесной» — Дао-Дэ цзин, 48 (перевод Ян Хин-шуна). «Кто следует Дао-Пути...» — та же глава в переводе Е. А. Торчинова.

78. «Нет такой вещи, чтобы не пригодилась к месту» — *Даль*. Пословицы, с. 466.

«Всё на свете годится...» — там же, с. 466.

79. «...колесо страсти пришло в движение» — Кама-сутра, 8.32 (перевод А. Я. Сыркина).

80. О том, как Панург учил самоновейшему способу строить стены вокруг Парижа, см. *Рабле*. Гаргантюа и Пантагрюэль, 2.15.

По Бахтину ведущий мотив здесь — «плодородие, как самая могучая и крепкая сила». — Творчество Франсуа Рабле, с. 339.

81. «На каждую дыру выросло по затычке» — *Даль*. Пословицы, с. 151.

О кольце Ганса Карвеля см. *Рабле*. Гаргантюа и Пантагрюэль, 3.28.

82. Об истоках поэтического образа рога изобилия см. *Топоров*. К происхождению некоторых поэтических символов, с. 84—85.

84. О *пурушайите* см. Кока-шастра, 9.

О том, что женщина, готовая к зачатью, должна избегать *пурушайиты*, см. там же.

Сомнения зародыша толкуются по Яшодхаре.

«Говорят, что для того, кто добился заслуг в прошлых рождениях...» — Васанта Виласа, 3.14.6.

86. О Пуруше, разделившем себя на две части, см. Брихадараньяка упанишада, 1.4 (перевод А. Я. Сыркина).

О том, как невесте плетут две косы из одной, см. Чердынская свадьба, с. 162, 176.

«Промеж мужа и жены нитки не продернешь» — *Даль*. Пословицы, с. 372.

90. О том, что женщина может пережить ночной оргазм без эротических элементов, см. *Имелинский*. Психогигиена половой жизни, с. 35.

О том, как шимпанзе ждет предъявления задачи, см. *Шовен*. Поведение животных, с. 311.

92. «Когда свет зародился...» — Загадки, № 2700.

«Ниже самых низких трав...» — там же, № 2711.

93. «Как ни хорони концов, а выйдут наружу» — *Даль*. Пословицы, с. 198.

«Где не было начала, не будет и конца» — там же, с. 495.

«За своим отъезжим следа не запахивай (*т. е. не мети, не мой полов в тот же день*)» — там же, с. 277.

О лунной дороге Пилата см. *Булгаков*. Мастер и Маргарита, гл. 32.

95. «Тень, тень, по всему свету плетень» — Загадки, № 2702.

«Выгляну в окошко...» — там же, № 2701.

«Одна мать, к каждому дому ребенок» — там же, № 2752.

«Чтобы тараканы пропали...» — *Даль*. Пословицы, с. 938.

«Башмак бросают через ворота...» — там же, с. 770.

«Всякая встреча из дому на пороге...» — там же, с. 79.

«Где дорога, там и путь...» — там же, с. 275.

«Каково начало, таков и конец...» — там же, с. 499.

96. О девичьих гаданиях с мостом под подушкой см. *Даль*. Пословицы, с. 771.

«На перекрестке черти яйца катают...» — там же, с. 932.

97. «Пожары обходят (с) иконами или становятся по углам с иконами» — *Даль*. Пословицы, с. 929.

«Если вкруг пожара стать добрым людям...» — там же.

«На крещенье девки выносят сор...» — там же, с. 770.

О том, что нельзя выносить сор из избы, см. там же, с. 414.

98. «У кольца нет конца» — *Даль*. Пословицы, с. 500.

«Воры сонного рукою мертвеца (мертвою рукою) обводят...» — там же, с. 937.

«При муках роженицы обводят ее трижды вокруг стола...» — там же, с. 378.

Другие примеры использования магического круга в обрядовых действиях см. *Белова*. Круг.

99. «Катится катушечка, | ни зверь, ни птушечка, | ни камень, ни вода, не отгадаешь никогда, | а как встанет — небо достанет» — Загадки, № 2703.

«Дорога, по которой ходили тысячу лет, превращается в реку» — Пословицы и поговорки народов Востока, с. 287.

О том, как герои Рабле высадились на острове Годос, где дороги ходят, см. *Рабле*. Гаргантюа и Пантагрюэль, 5.26.

100. «По-видимому, место служит мерой (*μέτρον*) положения тела, также как время является числом, измеряющим движение тела.» — *Simplicius*. In Phys. 1.4, Corollarium de loco, с. 627 Diels (цит. по *Кузнецов*. Принцип относительности, с. 19—20).

101. «Встреча бабы с пустыми ведрами — к неудаче...» — *Даль*. Пословицы, с. 78.

«Покойника встретить — к счастью» — там же, с. 79.

«Порчу отхаживают назад пятками (*идучи задом*)» — там же, с. 930.

«Чтоб леший не обошел (*не сбиться с дороги*), вывернуть на себе рубаху наизнанку» — там же, с. 933.

«Двух смертей не видать (не бывает), а одной не миновать» — там же, с. 269.

«Приходи вчера (*заговор от лихорадки*; *также мысленный ответ домовому, коли почудится, что кто-то зовет по имени*)» — там же, с. 930.

102. «Не стоя́т (*не живут*) дети, так выбивать косяки (*выбив косяки с дверью, заставляют хозяйку рожать в сенях: бабка подает младенца задом в избу и задом его принимают. Нижегор.*)» — *Даль*. Пословицы, с. 380.

103. «Тельный крест из могилы носят на шее (*от лихорадки*)» — *Даль*. Пословицы, с. 404.

104. «При язвах (*чуме, море*) пересекать мертвецу путь (*перед шествием рубят косарем поперек дороги*)» — *Даль*. Пословицы, с. 928.

«При смертности от повальных и заразительных болезней покойника выносят вперед головою (*Ниж. Лук. уез.*)» — там же, с. 928.

105. «Коса в пороге охраняет от злых людей (*вологод. обычай вделывать в порог старую косу*)» — *Даль*. Пословицы, с. 930.

«Передний угол или матица трещит — к худу (*несдобровать хозяину*)» — там же, с. 925.

«Заставливая (*закладывая*) избу, кладут под угол деньги...» — там же, с. 939.

О том, как тробрианцы зарывают пищу там, где дорога подступает к деревне, см. *Малиновский*. Сексуальная жизнь дикарей, с. 702.

106. «Горница хороша, да окна кривы» — *Даль*. Пословицы, с. 465.

«Палата бела, да дверьми утла (*худая слава, слухи*)» — там же.

107. О том, как следует хоронить младенцев, см. *Frazer*. Adonis, Attis, Osiris, с. 77—78.

108. О том, как у буи невеста садится в седло на пороге дома жениха, см. Народы Восточной Азии, с. 453.

109. «Через порог не здороваться, не беседовать» — *Даль*. Пословицы, с. 932.

О том, как в некоторых местностях Аквилы невеста перепрыгивает через порог, см. Народы зарубежной Европы, с. 570.

112. § 111 — картина, в которой, наряду с нарисованными, присутствуют также настоящие зеркала.

По-видимому, в сферическом зеркале на дальней стене отражаются свидетели бракосочетания — см. *Егорова*. Ян ван Эйк, с. 115, — а не сам художник, ср. *Топоров*. К происхождению некоторых поэтических символов, с. 97.

Я задумал § 113 как трехмерную, отчасти псевдотрехмерную композицию, видимую лишь через замочную скважину. Поскольку по замыслу она во многом оказалась близкой работе Марселя Дюшана *Etant donnés*, которой я в то время не знал, я не стал доделывать композицию и отказался от этого параграфа.

116. «Лодка — изогнутая бровь» и «Звезда-купальщица» — картины Гаяне Хачатурян.

117. К тому, как важно верить в неявную связь, ср. *Аверинцев*. К уяснению смысла надписи над конхой, с. 27.

119. «Знаю, висел я | в ветвях на ветру...» — Старшая Эдда. Речи Высокого, 138 (перевод А. И. Корсуна).

О добровольном висении Óдина на мировом дереве с целью обрести тайное знание см. *Топоров*. О структуре некоторых архаических текстов, соотносимых с концепцией «мирового дерева», с. 17.

120. «Не все то делается (творится), что говорится» — *Даль*. Пословицы, с. 410.

«Из баньки да в ямку (*приговор злых людей к смерти новорожденного*)» — там же, с. 380.

К тому, что истинных праведников не посещают бесы, ср.: «Когда человек боится, сердце его не на месте, раз сердце не на месте, то и мысли в смятении, а когда мысли в смятении, тут-то злой дух и завладевает человеком. А если человек не боится, сердце его спокойно, раз сердце спокойно, то и воля тверда, а раз воля тверда, то ника-

кой злой дух не осмелится и подступиться.» — *Цзи Юнь*. Заметки из хижины «Великое в малом», № 22 (перевод О. Л. Фишман).

О том, что, думая, ты говоришь себе, см. *Айрапетян*. Толкуя слово, по указателю под «думать». Это толкование восходит к 1971.

121. «Не называть, лаская, котят мышатами...» — *Даль*. Пословицы, с. 926.

О том, что на смену испуганному обманщику приходит настоящий демон, см., например, *Цзи Юнь*. Заметки из хижины «Великое в малом», № 266.

О том, что из двух совершенно похожих жен одна лиса, см. там же, № 783.

122. О том, почему молчать тут значит говорить себе, см. *Айрапетян*. Толкуя слово, г7.

К тому, что черт является одинокому путнику и избегает больших групп, ср. поверье туземцев Антильских островов о явлении умерших путникам — *Тэйлор*. Первобытная культура, с. 275.

123. Рассказ об ученом и монахе: *Цзи Юнь*. Заметки из хижины «Великое в малом», № 38.

О том, как женщины исполняют военные танцы, когда их мужья сражаются с врагами, см. *Тэйлор*. Первобытная культура, с. 168.

124. «— Теперь, — сказал Сократ, — попытайся ответить насчет любви. Есть ли Эрот любовь к кому-нибудь или нет?

— Да, конечно.

— Так вот, запомни это покрепче и не забывай, а пока ответь, вожделеет ли Эрот к тому, кто является предметом любви, или нет?

— Конечно, вожделеет, — отвечал Агафон. — Когда же он любит и вожделеет: когда обладает предметом любви или не обладает?

— По всей вероятности, когда не обладает, — сказал Агафон.

— А может быть, — спросил Сократ, — это не просто вероятность, но необходимость, что вожделение вызывает то, чего недостает, а не то, в чем нет недостатка?» — *Платон*. Пир. 200ab (перевод С. К. Апта).

Число бандх приведено по Кока-шастре.

О языке аранда см. Народы Австралии и Океании, с. 89.

О двух взглядах на кинематографическую модель нашего восприятия мира см. *Иванов*. Категория времени, с. 66.

125. О том, что однояйцевые близнецы более дружны между собой, чем разнояйцевые, см. *Левит*. Человек как генетический объект, с. 284.

Идентичные братья-близнецы, полюбившие идентичных сестер-близнецов, запечатлены на фотографии, помещенной в кн. *Scheinfeld*. Your Heredity and Environment.

О том, что все однояйцевые близнецы-гомосексуалисты отрицают связь со своим братом, см. *Kallmann*. Heredity in Health and Mental Disorder, с. 118.

О том, с какими самками предпочитают спариваться черные голуби, см. *Шовен*. Поведение животных, с. 177 (эксперимент Уорнера, Лемнона и Томаса, 1963).

О символике вещих инцестуозных снов см. *Аверинцев*. К истолкованию символики мифа об Эдипе, с. 93.

127. «Не стерпела душа — на простор пошла» — *Даль*. Пословицы, с. 268.

128. Историю с дядей Цзи Юня см. *Цзи Юнь*. Заметки из хижины «Великое в малом», № 58 (перевод О. Л. Фишман).

О *ханян* см. *Анисимов*. Представления эвенков о душе, с. 110.

О том, что некоторые гренландцы считают, что у человека две души, см. *Тэйлор*. Первобытная культура, с. 267.

О том, что фиджийцы различают темную и светлую души человека, см. там же, с. 268.

«Душа душу знает, а сердце сердцу весть подает» — *Даль*. Пословицы, с. 304.

«Люди и твари принадлежат к разным породам...» — *Цзи Юнь*. Заметки из хижины «Великое в малом», № 525.

Историю о прекрасной Жэнь см. *Шэнь Цзи-цзи*. Жизнеописание Жэнь.

«Ведь вообще человеческий образ меняется...» — *Цзи Юнь*. Заметки из хижины «Великое в малом», № 825.

129. «У нежити своего обличия нет, она ходит в личинах» — *Даль*. Пословицы, с. 933.

130. «Без дела жить — только небо коптить» — *Даль*. Пословицы, с. 500.

О том, как отвратить от себя женщину, см. *Малиновский*. Сексуальная жизнь дикарей, с. 7—726: что надо делать, если передумаешь.

О том, как тробрианцы варят кокосовое масло для любовной магии, см. *Malinowski*. The Sexual Life of Savages, с. 472—473 (перевод заговора с подстрочника мой).

«Добрый пес на ветер не лает» — *Даль*. Пословицы, с. 456.

Об обряде *ювисила сайкеуло* см. *Малиновский*. Сексуальная жизнь дикарей, с. 616, рис. 43 и 47.

131. «Ибо, опираясь на речь, поет жизненное дыхание.» — Брихадараньяка упанишада, 1.33.27.

«Речь следует почитать как молочную корову...» — там же, 5.8.1.

«Я — жизненное дыхание, ты — речь...» — там же, 6.4.20.

«Младенцам не давать целоваться...» — *Даль*. Пословицы, с. 939.

«Отрыжка — душа с богом беседует» — там же, с. 323.

О том, что сиу умерщвляют неплачущего новорожденного, см. *Taylor*. Introduction to Cultural Anthropology, с. 472.

«Всякая нежить бессловесна (*домовой, леший, водяной и пр.*)» — *Даль*. Пословицы, с. 933.

132. О том, как австралийцы завораживают женщину, см. Народы Австралии и Океании, с. 229.

О нацеливании костью см. *Элькин*. Коренное население Австралии, с. 209.

133. «Вспомни такой случай...» — *L. Wittgenstein*. Philosophische Untersuchungen, § 591.

Об игре в *чедугуду* см. *Рао*. Заметки о семейном быте и некоторых обычаях народа андхра, с. 95.

О том, как относятся тонганцы к чиханию, см. *Тэйлор*. Первобытная культура, с. 58.

«Вся семья вместе, так и душа на месте» — *Даль*. Пословицы, с. 388.

О связи дуть и думать см. Этимологический словарь славянских языков. Вып. 5, под **dumati*; *Айрапетян*. Толкуя слово, в6.

«Решение созревает у человека в сердце...» — Шатапатха-брахмана, 3.4.2.

135. «Не с ветру говорится то и то» — *Даль*. Пословицы, с. 196.

«Дуть в уши» — см. *Даль*. Толковый словарь, под *ухо*.

136. О маорийских «певцах на флейте» см. Народы Австралии и Океании, с. 702—703.

О том, как юноша мео играет на флейте-*кхене* своей избраннице, см. Народы Юго-Восточной Азии, с. 144.

137. О *сулумвойя*, самом сильном средстве в тробрианской любовной магии, см. *Малиновский*. Сексуальная жизнь дикарей, с. 715, 717—718.

О том, что в споре жизненных сил выше всех всегда оказывается жизненное дыхание, см. Брихадараньяка упанишада, 6.1; Чхандогья упанишада, 5.1.

«...сердце имеет пять божественных отверстий.» — Чхандогья упанишада, 3.13.

«Поистине, дыхание — поглотитель...» — там же, 4.3.3.

«И если он желает женщину...» — Брихадараньяка упанишада, 6.4.10—11.

О том, как Эрлик вдувал душу в людей, см. *Золотарев*. Родовой строй и первобытная мифология, с. 265.

О женщинах с удивительным дыханием см. *Имелинский*. Психогигиена половой жизни, с. 234.

О классификации живых существ по количеству отверстий см. Чжуан-цзы, гл. 22.

О тробрианской магии с помощью заговоренного хребта рыбы *умлайбаси* см. *Малиновский*. Сексуальная жизнь дикарей, с. 718.

«Класть гребень в головы (*для гадания*)» — *Даль*. Пословицы, с. 930.

138. О том, как в раю тробрианцев духам (душам усопших) преподносят ароматическую *бубваяйту*, см. *Малиновский*. Сексуальная жизнь дикарей, с. 758.

О голосе душ см. *Тэйлор*. Первобытная культура, с. 277.

«Всякая нежить бессловесна» — *Даль*. Пословицы, с. 933.

139. О том, как отец трижды произносит: «Речь речь!», см. Брихадараньяка упанишада, 6.4.25.

«Не глаза видят, а человек; не ухо слышит, а душа» — *Даль*. Пословицы, с. 317.

О том, что уховерткам нет никакого дела до наших ушей, см. Жизнь животных Брэма. Т. 3, с. 739.

«У девки уши золотом завешены» — *Даль*. Толковый словарь, под *ухо*.

140. О том, как при зевании в тебя может забраться *хыпли́к*, см. *Ср. Лисициан*. Старинные пляски. Т. 2, с. 31.

«Когда б не зубы, так бы и душа вон» — *Даль*. Пословицы, с. 313.

«Лег, зевнул (вздохнул), да и ножки протянул» — там же, с. 286.

О чудесных превращениях тролля см. *Тэйлор*. Первобытная культура, с. 60.

«Зевок пополам — быть в родне (*с тем, с кем зевнулось*)» — *Даль*. Пословицы, с. 390.

141. «Новорожденного принять в отцовскую рубаху...» — *Даль*. Пословицы, с. 381.

Об исцелении больного у ицзу см. Народы Восточной Азии, с. 547.

О том, что в Кении мальчиков инициируют в одежде матери, см. *Hocart*. Kingship, с. 150.

«Если рубашку, в которой крещено первое дитя, надевать по очереди на всех последующих, то все полюбят друг друга (*белор.*)» — *Даль*. Пословицы, с. 381.

142. «Он в нем души не слышит...» — *Даль*. Пословицы, с. 304.

О том, как, обменявшись тельными крестами, становятся побратимами, крестовыми братьями, см. там же, с. 395.

«Муж да жена — одна душа» — там же, с. 372.

«Живут рука в руку, душа в душу» — там же, с. 371. Ср. мнение Хокарта об этом обряде: «Я могу проследить лишь идею победы в обычае обмена крестами в армянском ритуале.» — *Hocart*. Kingship, с. 111.

О том, как издревле жених и невеста едят из одной миски, отпивают из одной кружки, см. у Хокарта там же.

О том, как тробрианцы объявляют о женитьбе, см. *Малиновский*. Сексуальная жизнь дикарей, с. 530.

«От хозяина чтоб пахло ветром, от хозяйки дымом» — *Даль*. Пословицы, с. 371.

143. «Горько вино, не пьется (*или*: кисло, *и молодые должны подсластить, поцеловаться*)» — *Даль*. Пословицы, с. 769.

144. О всех этих жестоких обрядах см. *Spencer, Gillen*. The Northern Tribes of Central Australia, с. 455—464.

О трех ранах во второй части обряда мне любезно подсказал отец Александр Бельтюков.

145. О том, почему у змея-искусителя лицо Евы, см. также *Leach*. Genesis As Myth, с. 7—23.

146. «Счастливый сынок в матушку» — Пословицы, поговорки, загадки, с. 137.

«Материн сын — отцов пасынок» — там же, с. 95.

«Счастливая дочь — в отца...» — *Даль*. Пословицы, с. 384, ср. на с. 939.

«У тетки баловень племянник...» — Народные пословицы и поговорки, с. 277.

О системе родства у мундугуморов Новой Гвинеи см. *Mead*. Sex and Temperament in Three Primitive Societies, с. 176.

О том, как близнецы посягают на жизнь своих родителей, см. *Иванов*. Близнечный культ, с. 218.

О передаче магических знаний у армян см. *Лалаян*. Провинция Нор-Баязет, кн. 17, с. 114.

О способе лечения ушных болей см. *он же*. Васпуракан, кн. 25, с. 179; *он же*. Провинция Нор-Баязет, кн. 16, с. 42.

О том, как герою отрубают правую руку и левую ногу, см. *Афанасьев*. Сказки, № 173, 215.

О богине-покровительнице города Мадуры см. Повесть о браслете, с. 138—139 (перевод Ю. Я. Глазова).

«Кто похож на мать — того будут люди знать...» — Пословицы, поговорки, загадки, с. 180.

Об Х-наследственном сцеплении см. *Харрисон, Уайнер, Тэннер, Барникот, Рейнолдс*. Биология человека, с. 150.

147. О взаимной зависти мужчин и женщин см. *Bettelheim*. Symbolic Wounds.

О том, как мочатся гориллы, см. *Schaller*. The Mountain Gorilla, с. 203.

148. О круге лица матери см. *Моррис*. Голая обезьяна, с. 133—134, 145.

149. О том, что в царстве мертвых все имеют одинаковый облик, см. *Пропп*. Исторические корни волшебной сказки, с. 323—324.

150. Об опасностях на пути к венцу см. *Лалаян*. Муш-Тарон, с. 169.

О том, что мать должна брать на руки ребенка, когда в комнату входит отец, см. *Бенсэ*. *Bulanэх*, с. 177.

О том, что мать при этом выносит, а затем вновь вносит ребенка, мне любезно сообщила Астхик Исраелян, кому я обязан и другими подобными сведениями в этом параграфе.

О том, как пытаются избежать взаимной порчи две живущие в одном доме женщины с детьми в сороковинах, см. *Лалаян*. Васпуракан, кн. 20, с. 177.

О ритуале перекрестного снятия *коха* см. *Мурадянц*. Амшенские армяне, кн. 5, с. 367.

151. На *кохел* в значении «красть» мое внимание обратил Арцруни Саакян. В Новом словаре армянского языка. Т. 1, с. 1109, у *кохел* первое значением «ставить ногу на землю», последнее «побеждать»; то же — *Ачарян*. Этимологический корневой словарь армянского языка. Т. 2, с. 615; *Малхасянц*. Толковый словарь армянского языка. Т. 2, с. 457 — первое значение «ставить ногу на землю или на что-либо», второе «попирать, раздавливать ногой»; Толковый словарь современного армянского языка. Т. 3, с. 163, с переставленными первым и вторым значениями.

Сцена Крещения — в васпураканском Евангелии XIII в. (рук. 6303, л. 66. Матенадаран. Ереван). К толкованию сцен Крещения с поверженным вишапом см. *Абрамян*. Христос как змееборец.

О слове *попирать* и родственных ему словах см. *Даль*. Толковый словарь, под *переть*, *попереть*, *распря*, *сперетъ*.

152. О том, что отец причиняет *кох* сыну с кровли дома, см. *Лалаян*. Васпуракан, кн. 20, с. 177.

О *кохе* пролетающей над человеком змеи см. *Мурадянц*. Амшенские армяне, кн. 6, с. 127, 151.

153. О предотвращении *коха* со стороны няни см. *Бенсэ*. *Bulan х*, с. 129.

154. О том, как молодожены оберегают свою цельность, см. *Лалаян*. Муш-Тарон, с. 169.

155. О двойном отцовстве см. *Абрамян*. Первобытный праздник, с. 157—158 (с литературой вопроса).

156. О нартских близнецах Ахсаре и Ахсартаге см. Сказание о нартах, с. 27—37.

О первых близнецах, прообразующих трехчастные зеркально-симметричные композиции, см. *Абрамян*, *Демирханян*. Мифологема близнецов, с. 66—84, здесь же иллюстрации. О самих композициях см. *Демирханян*. К проблеме символики трехчастных композиций, с. 154—164.

О восприятии всякой зеркальной пары как исконно близнечной (дуально-фратриальной) см. *Мнацаканян*. Армянское орнаментальное искусство, гл. 6, 9.

О других случаях лучшей «памяти» руки художника см. *Абрамян*. Христос как змееборец, с. 165—179.

157. О рождении Сета см. *Плутарх*. Об Исиде и Осирисе, 12 (перевод Н. Н. Трухиной).

Об ирокезских враждующих близнецах см. *Золотарев*. Родовой строй и первобытная мифология, с. 161.

О семи Семионах: *Афанасьев*. Сказки, № 145—147.

О близнечности (парности) образов армянского народного эпоса см. *Абрамян*. Парные образы «Сасна црер», с. 61—67.

О сказочном герое как ином см. *Айрапетян*. Толкуя слово, б13.

О сказочных Санасаре и Багдасаре см. *Газиян*. Арцах, № 1.

158. Противоборствующих наскальных близнецов по признаку агрессивности различил А. Демирханян; см. рис. 1—5 на с. 68 в статье *Абрамян*, *Демирханян*. Мифологема близнецов. Прорастающих «левых» близнецов см. там же, на рис. 4, 5, 6, 17.

159. О драконьем (змеином) коде мифологемы первых близнецов см. *Абрамян*. Христос как змееборец.

О царевиче-вишапе Артавазде см. *Мовсес Хоренаци*. История Армении, 2.61. Слово *дев* «дэв» Г. Саркисян переводит по-русски «дракон»: «Драконородные выкрали младенца Артавазда и заменили его демоном» (Ереван, 1990, с. 110). Хтоническая, драконья природа дэвов особенно хорошо видна в грузинском эпосе об Амирани, противником которого в разных вариантах одного сюжета

выступает то дэв, то дракон, а в одном случае из трех отрубленных голов дэва выползают три червя, превращающиеся в драконов; см. *Чиковани*. Народный грузинский эпос о прикованном Амирани, № 1.

О противопоставленных близнецах, один из которых несет в себе драконью природу, см. *Золотарев*. Родовой строй и первобытная мифология.

Об отождествлении жертвы и жертвователя в дионисийском культе см. *Вячеслав Иванов*. Дионис и прадионисийство, с. 18, 277.

160. Об основном (индоевропейском) мифе, реконструированном Вяч. Вс. Ивановым и В. Н. Топоровым, см. *Иванов*, *Топоров*. Исследования; там же о Громовержце, наказывающем младшего сына; о трансформациях Громовержца и его противника Змея — *они же*. Инвариант и трансформации, с. 44—76.

О большей архаичности мифологемы первых близнецов по сравнению с основным мифом см. *Абрамян*, *Демирханян*. Мифологема близнецов, с. 74.

Сказочный сюжет «Смерть Кащея в яйце»: Сравнительный указатель сюжетов, № 302_1.

О противоречивом образе Мгера Младшего, последнего героя эпоса о Сасунских безумцах, см. *Абегян*. Труды, с. 188—193; *Арутюнян*. Армянская мифология, с. 463—478; *Абрамян*. *Bavił*-лабиринт.

Об Амирани, его героических и негероических деяниях см. *Чиковани*. Народный грузинский эпос о прикованном Амирани; *Charachidzé*. Prométhée ou le Caucase.

Об изначально доброй природе и исключительности грузинского Амирани см. *Чиковани*. Народный грузинский эпос о прикованном Амирани, с. 65, 104—105.

О Святогоре, в реконструкции хтоническом существе, враждебном людям, см. *Иванов*, *Топоров*. Святогор, с. 421; *Топоров*. Русск. *Святогор*.

161. О том, как Амирани отказывается выйти из брюха чудовища через естественные отверстия тела, а выйдя теряет волосы, см. *Чиковани*. Народный грузинский эпос о прикованном Амирани, № 1, 5, 8, 14, 25, 26.

О Геракле, потерявшем волосы в пасти чудовища, см. *Зайцев*. Геракл, с. 279. О других облысевших героях и инициантах, чьи

волосы передают происходящие с ними перемены, см. *Абрамян*. Лысина Геракла, пятка Ахилла и ноги Эдипа. Я благодарен Грачье Варданяну, подавшему мне мысль (в 1982 г.) о принадлежности К'ачлука к классу теряющих волосы инициационных героев. См. о том же *А. Петросян*. «Т'ух манук», с. 29.

162. Об охотнике, привязанном к скале волосами Дали, см. *Вирсаладзе*. Грузинский охотничий миф и поэзия, с. 259—261.

164. О трагической судьбе купальских Ивана и Марьи см. *Иванов, Топоров*. Исследования, с. 224—226.

О тробрианских инцестуозных брате и сестре см. *Малиновский*. Сексуальная жизнь дикарей, с. 837—838, 840—843.

О связи батакских шаманских жезлов с инцестуозными разнополыми близнецами см. *Ревуненкова*. Миф о батакском жреческом жезле, с. 163.

Другие примеры порождения деревьев инцестуозными братьями и сестрами см. *Абрамян, Демирханян*. Мифологема близнецов, с. 74—78.

О связи мирового древа со сводом брачных предписаний см. *Топоров*. О брахмане, с. 61, прим. 126.

Апокрифическую историю креста Распятия см. *Schiller*. Iconography of Christian Art, с. 12—13; *Cook*. The Tree of Life, с. 122.

Изображение Распятия на древе жизни и смерти см. *Топоров*. Древо мировое, с. 405 (миниатюра Бертольда Фуртмейра, 1481).

165. О том, как Джараткару искал себе жену-тезку, повествуется в Махабхарате, 1.41—43.

О догонских близнецах Номмо см. *Griaule*. Dieu d'eau.

О том, как муж избавляет жену от змеиности, см. *Афанасьев*. Сказки, № 575. См. также *Айрапетян*. Разговор о круглых числах, с. 174: о перерождении жены-вредительницы в этой сказке в контексте неполного числа, носителем которого является вредительница.

О том, как герой возвращает своей жене-противнице змеиный облик, см. *Иванов, Топоров*. Исследования, с. 171—172; *Пропп*. Русский героический эпос, с. 276, ср. на с. 134. О змеиной природе жены героя: здесь же, с. 273; *Иванов, Топоров*. Исследования, с. 171, 179; *Абрамян*. Змей у источника, с. 25—26, с. 31 (прим. 11 и 13).

166. О разных аспектах мифологемы первых близнецов см. *Абрамян*, *Демирханян*. Мифологема близнецов.

О серамских братьях и их сестре см. *Членов*. Числовая символика и тайные союзы на Молуккских островах, с. 154.

Об апокрифических толкованиях первого библейского братоубийства см. *Папазян*. Каин и Авель, с. 608.

«Апокриф» Рабле о Каине и Авеле (кн. 2, гл. 1) приводится в переводе Н. Любимова. Его обсуждение: *Бахтин*. Творчество Франсуа Рабле, с. 354.

О близнецах с Солорских островов (Малые Зондские о-ва) см. *Золотарев*. Родовой строй и первобытная мифология, с. 219.

О том, как Сет преследовал Исиду, см. *Липинская*, *Марциняк*. Мифология Древнего Египта, с. 143. О его превращении в змея — там же, с. 110.

О растительном коде основного мифа см. прежде всего *Топоров*. Заметки о растительном коде основного мифа (*перец*, *петрушка* и т. п.), и другие его работы (о грибах, маке, льне), также статьи Т. В. Цивьян и Т. М. Судник — о конопле, маке.

К связи основного мифа с мифологемой первых близнецов в контексте змеиной темы см. *Иванов*, *Топоров*. Исследовния, с. 154: прототипом основного мифа мог быть дуально-космогонический вариант со змеем, игравшим положительную роль.

167. О возлюбленных с близнечными чертами см. Флуар и Бланшефлор, с. 36, 41, 72, 83—84.

Я хочу выразить свою благодарность Л., который поведал мне в Советашенской психиатрической лечебнице (г. Ереван) в апреле 1982 удивительную историю о том, как его нашла его жена-близнец, и пожелал мне тоже найти свою бестелесную половину-близнеца.

Платонов миф об андрогине см. в «Пире» (189е—192е).

Изречение 71 из Евангелия от Филиппа приводится в переводе М. К. Трофимовой — см. *Трофимова*. Историко-философские вопросы гностицизма, с. 179.

168. Об индоиранском **уата-* см. *Иванов*. Отражение индоевропейской терминологии близнечного мифа, с. 202; см. также с. 203: возникновение близнечной пары из расщепления, разъединения единого целого. Об обратном представлении — возникновение андро-

гинных образов в результате объединения разнополых близнецов — см. *Güntert*. Der arische Weltkönig und Heiland, с. 334—337 и др. О тесной связи близнечества и андрогинизма в Африке см. *Иванов*. Близнечный культ, с. 231—232.

О трикстере и его соотнесенности с архетипом Тени см. *Юнг*. О психологии образа Трикстера.

О мужских и женских инициациях в контексте андрогинизма и близнечества см. *Абрамян*. Мир мужчин и мир женщин.

Об австралийской субинцизии и сходных меланезийских операциях, а также их толкованиях (с литературой вопроса) см. *Абрамян*. Первобытный праздник, с. 75—82.

Ка́к австралийцы называют образующийся после операции разрез, см. *Róheim*. The Eternal Ones of the Dream, с. 164.

169. Бронзовые статуэтки фаллических воинов начала и первой половины I тыс. до н. э., найденные в Армении, см. *Есаян*. Скульптура древней Армении, табл. 56, 57; *Abrahamian*, *Sweezy* (eds.). Armenian Folk Arts, Culture, and Identity, с. 209, рис. 6.1.4.

О ритуально-мифологической связи охоты с отношениями между полами см. *Reichel-Dolmatoff*. Amazonian Cosmos; см. также *Березкин*. Методы сохранения природных ресурсов, с. 226—227: о соответствии массовых охот у инков с ежегодными оргиастическими праздниками. О погребальной «охоте» у древних майя см. *Бородатова*. Игры богов и людей, гл. 4.

О благом терзании и его связи с зооморфным кодом мифологемы братьев-близнецов см. *Абрамян*, *Демирханян*. Мифологема близнецов, с. 81.

Об «инцестуозном» эпизоде в борьбе Сета и Хора см. *Липинская*, *Марциняк*. Мифология Древнего Египта, с. 143.

О превращении позы подставления у обезьян в универсальный знак см. *Иванов*. Знаковая система бессознательного, с. 168.

170. О том, как австралийский мифологический питон помог армянскому сказочному вишапу, см. *Абрамян*. Змей у источника, с. 20—34.

Каким образом укрывался от бога грозы его противник, см. *Иванов*, *Топоров*. Исследования, с. 75—78.

О древнеиндийском инцестуозном сюжете о сотворении всего живого см. Брихадараньяка упанишада, 1.4.4 (перевод А. Я. Сыркина).

Гимн-диалог Ямы и Ями приводится в Ригведе, 10.10. О дальнейшей мифологической судьбе Ямы см. *Гринцер*. Яма.

О любви царь-девицы, спрятанной в яйце, см. *Афанасьев*. Сказки, № 232.

О стрелах — орудии расправы и стрелах любви см. *Иванов, Топоров*. Исследования, с. 90—93; *Топоров*. К происхождению некоторых поэтических символов, с. 85.

171. «Меня мать один раз родила, я говорю один раз и бью один раз» — слова Арега, героя сказки Ованеса Туманяна (букв. «Я от своей матери один [раз] родился, у меня одно слово и один удар»). В сказках я не встречал такого ответа, объединяющего все три качества героя, — они явно или неявно фигурируют попарно. Фольклорная интуиция Туманяна здесь (как и в других случаях) проницательно воссоздает некую идеальную триаду.

172. О том, как наши отрицательные эмоции передаются через слово «два», см. *Иванов*. Использование для этимологических исследований сочетаний однокоренных слов, с. 49—51 (с литературой вопроса). См. также *Бенвенист*. Семантические проблемы реконструкции, с. 336—337.

О том, как Пуруша вначале боялся, и о том, как прошел его страх: Брихадараньяка упанишада, 1.4.1—2 (перевод А. Я. Сыркина).

Мысли Дорна о дьявольской природе числа два приводятся по *Jung*. Psychology and Religion, с. 60.

Древнеиндийские молчаливые повторы приводятся в соответствии с предписаниями Тайттирия-брахманы (3.2.4.6) и Шатапатха-брахманы (1.2.4.20 и сл.) — см. *Gonda*. Triads in the Veda, с. 120—121. Молчание и мысль связал здесь между собой Гонда (ср. наш § 122).

173. О том, как бушмены не узнали себя на снимках, но узнали свои голоса, см. *Бутo*. Отверженные пустыни Калахари, с. 67—68. О том, что наш голос доходит до нас искаженным, см. *Кемпински*. Психопатология неврозов, с. 65—66.

Об эхолалии маленьких детей см. *Thass-Thienemann*. The Subconscious Language, с. 52.

174. Об австралийском способе вызывания духа предка см. *Куиличи*. Последние из арунта, с. 39.

176. Постструктуралистская критика бинаризма: *Делез*. Различие и повторение; см. также *Соколовский*. Стигматы архаизации.

«Дурак божьих дней не знает (не разбирает)» — *Даль*. Пословицы, с. 443.

177. О средневековом европейском празднике — карнавале, переворачивающем иерархические верх и низ, см. *Бахтин*. Творчество Франсуа Рабле. Об австралийском празднике, переворачивающем дуальные половины, см. *Абрамян*. Первобытный праздник.

178. О персонажах европейских карнавалов см. Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы, с. 55.

«Время сновидений» предлагают называть более точным термином «Вечный период сновидений» Рональд и Кэтрин Берндт, см. *Берндт*, *Берндт*. Мир первых австралийцев, с. 159—160.

Об архаичном человеке, наделенном дологическим мышлением, см. работы Л. Леви-Брюля.

179. О разных способах празднования *навена* см. *Bateson*. Naven. О праздновании первого убийства и об анальном клиторе — с. 20; о *навене* в честь девочки, впервые поймавшей рыбу на крючок, — с. 17.

180. О том, кто какую одежду надевает в зависимости от родства с тем, в чью честь празднуется *навен*, см. *Bateson*. Naven, с. 12, 14—15, 21—22.

181. О вечернем танце женщин и реакции стариков см. *Bateson*. Naven, с. 16—17.

182. О былом величии женщин и мифах о мужском «перевороте» см. *Абрамян*. Первобытный праздник, с. 82—86. О ротации у айнов женских и мужских физиологических свойств см. *Ohnuki-Tierney*. Concepts of Time among the Ainu, с. 489.

184. О *хиджрах* см. *Jaffrey*. The Invisibles, здесь же литература вопроса.

О «шоковых играх», в том числе щекотке, и о смехе см. *Козинцев*, *Бутовская*. О детях, богах и обезьянах, с. 112; *Козинцев*. Об истоках антиповедения, смеха и юмора, с. 5—43.

185. О разных аспектах смеха см. сборник: Смех: истоки и функции; здесь же статья автора «Смех как побочный продукт и движущая сила праздника», с. 62—74.

Современную версию трюка Кришны нарисовал Г. Басыров, см. Шутки в сторону!, с. 10.

О клоунских приемах мастера дзен см. *Hyers*. The Ancient Zen Master as Clown, с. 16—17.

186. О чередовании страха и веселья у инициантов муринбата см. *Stanner*. On Aboriginal Religion. I, с. 112, 114. Ср. также сходные ситуации: *Абрамян*. Первобытный праздник, с. 34, 66.

187. О том, что ребенок впервые смеется вместе с матерью, см., например, *Абрамян*. Первобытный праздник, с. 46.

Об эротическом коде смеха см. *Пропп*. Ритуальный смех в фольклоре.

189. О празднике как механизме разрядки накопившегося напряжения см. *Абрамян*. Первобытный праздник, указатель, под *разрядка эмоциональная*.

Мнение о смехе как сугубо человеческом, культурно приобретенном явлении отстаивает Юрий Акопян.

190. Об обрядах вызывания дождя, выполняемых на карнавале и при засухе, см. соответственно *Лалаян*. Зангезур, с. 107; *Ст. Лисициан*. Армяне Зангезура, с. 129.

191. Эсхрологию соотнес со смехом В. Я. Пропп, см. *Пропп*. Ритуальный смех в фольклоре, с. 194—195; о сардоническом смехе — с. 188—189.

192. О том, как Мауи пытается проникнуть в тело прародительницы через ее лоно, см. *Луомала*. Голос ветра, с. 126 (перевод Ю. К. Баранова); как он проникает через ее разинутую пасть, см. Сказки и легенды маори, с. 56 (перевод Ю. С. Родман). Последнюю версию использовал В. Я. Пропп в своем анализе сказки о Несмеяне. Разрядка в цитатах моя.

194. Описание Хан-Паши дается по книге: *Бдоян*. Армянские народные игры, с. 72—115.

О направленности агрессии во время современных политических «праздников» — массовых народных выступлений, см. *Abrahamiam*. Typology of Aggressiveness.

О роли агрессии и насилия в истории культуры (с литературой вопроса) см. Violent Origins.

О страхе как одной из причин агрессивного поведения см., например, *Lorenz*. On Aggression, с. 97.

195. Об игровой псевдоагрессии и ее отношении к смеху см. *Козинцев*. Об истоках антиповедения, смеха и юмора, с. 21—26.

О внекарнавальной агрессивности в рамках Хан-Паши см. *Бдоян*. Армянские народные игры, с. 72—73; ср. также *Э. Петросян*. Армянский вариант Сатурналий, с. 24.

О лондонских нотинг-хиллских карнавалах см. *Cohen*. Masquerade Politics.

Об управлении агрессией на столкновениях типа *барбоби* см. Народы Австралии и Океании, с. 192.

196. О том, что мифы о Начале отражают скорее хаотический праздник человека, чем «хаотический» образ жизни прачеловека, см. *Абрамян*. Первобытный праздник, с. 109; о возможных дочеловеческих корнях праздника там же, с. 7.

К большей стабильности памяти о праздничном по сравнению с памятью о повседневном ср. *Eliade*. The Sacred and the Profane, с. 96: о большей стабильности памяти о сакральном по сравнению с памятью о профанном.

«Праздники памятны, а будни забывчивы» — *Даль*. Пословицы, с. 511.

197. Имеются в виду массовые народные выступления в Ереване в течение девяти месяцев 1988 года. Я изучал эти события как этнограф в поле, но и принимал в них непосредственное участие. Их описание см., например, *Abrahamian*. The Karabagh Movement; *он же*. Chaos and Cosmos; *он же*. The Anthropologist As Shaman.

198. Об антропологе, совершающем подобно шаману путешествие во времени, см. *Abrahamian*. The Anthropologist As Shaman, с. 100—102.

Театральная площадь — место, где проходили бурные события § 197.

О первопразднике см. *Абрамян*. Первобытный праздник.

О том, как первобытный праздник разыгрался в наши дни, см., например, *Abrahamian*. Archaic Ritual and Theater; *он же*. Chaos and Cosmos.

Способ распознавания неменяющихся и меняющихся обществ я позаимствовал у Н. Росс Крамрайна, который применил этот метод при изучении праздников («главной ритуальной драмы») индейцев долины реки Майо в Соноре (Мексика); см. *Ross Crumrine*. Ritual Drama and Culture Change.

О некоторых праздничных фантомах, например гражданском обществе, построенном на праздничной площади, см. *Abrahamian*. Civil Society Born in the Square.

199. О хаосологических процессах, порождающих новую структуру, см. *Пригожин*, *Стенгерс*. Порядок из хаоса.

О синергетическом клубке на ереванской площади см. *Abrahamian*. Civic Society Born in the Square.

200. Этимологию слова *парад* см. *Фасмер*. Этимологический словарь русского языка. Т. 3, с. 203.

Примеры сверхструктур, часть которых приведена в этом и последующих параграфах, см. *Абрамян*, *Шагоян*. Динамика праздника. Здесь же обсуждение разных аспектов трех состояний общества.

О Ленине, принимающем парад на ереванской площади, я написал, пользуясь наблюдениями Гаяне Шагоян из ее рукописи «Праздничный парад».

201. О ритуальной антиструктуре, противопоставленной повседневной структуре, см. *Тэрнер*. Ритуальный процесс.

О масленичном чучеле и костре см. *Соколова*. Весенне-летние календарные обряды, с. 17—30. См. обсуждение масленицы и сходных пограничных обрядов в плане борьбы старого и нового: *Байбурин*. Ритуал: старое и новое.

Об обрядах встречи Масленицы см. *Соколова*. Весенне-летние календарные обряды, с. 13, 16.

203. О конкуренции двух площадей и других аспектах пространственного кода праздника см. *Abrahamian*. The Anthropologist As Shaman, с. 111—112.

О карнавальном удалении статуи Ленина и другие примеры борьбы с памятниками см. *Абрамян*. Борьба с памятниками и памятью.

О праздничной антиструктуре на площадях Еревана и Гюмри (бывший Ленинакан), разрушившей последний советский парад, см. *Шагоян*, *Абрамян*. Праздничный парад.

204. О переадресованной активности см., например, *Хайнд*. Поведение животных, с. 449—450.

О ритуале как способе выведения накопившегося в обществе напряжения см. *Давиденков*. Эволюционно-генетические проблемы в невропатологии, с. 138—143.

О былом весеннем празднике Нового года у армян см. *Одабашян*. Аманор, с. 22. По мнению автора, зимний праздник Аманор, летне-осенний Навасард и весенний Барекендан (масленица) произошли от единого весеннего праздника типа Барекендана.

О ритуале, направленном на предотвращение грозящего миру хаоса, см. *Топоров*. Предистория литературы у славян, с. 61.

Хотя согласно Мовсесу Хоренаци кузнецы совершали этот ритуал каждое воскресенье, историограф XII—XIII вв. Вардан сообщает, что аналогичный ритуал приходился на канун Нового года, см. История, составленная архимандритом Варданом, с. 51; этой ссылкой я обязан Г. Петросяну. Новый год в то время справлялся в рамках осеннего праздника Навасард, см. *Одабашян*. Аманор, с. 19, 20.

205. О драконоборческих качествах мифических и обычных кузнецов см. *Tadevosyan*, *Petrosyan*. The Blacksmith, с. 207—215.

О различных аспектах гаданья по печеньям см. *Pikichian*. Festival and Feast, с. 222—224.

206. Об убежденности Таманяна в существовании языческого храма на месте здания Оперы свидетельствуют Мартирос Сарьян (см. *Хачатрян*. Артавазд, с. 271, прим. 76) и легенда, сохранившаяся в семье архитектора. Точных свидетельств о более древнем, чем Гефсиманская церковь XII—XIII вв., прошлом этого места у нас нет, см. *Кафадарян*. Ереван, с. 45—46.

О других функциях круглой и прямоугольной площади в организации проходящих на них сборищ см. *Abrahamian*. Chaos and Cosmos, с. 82.

Существовал проект кафедрального собора в виде увеличенной копии Звартноца, в свое время одобренный католикосом Вазгеном I, но ему не суждено было осуществиться. Я выступал в защиту проекта (автор Т. Марутян) и описал связанные с ним вопросы культурологического порядка в гл. 6 моей готовящейся к изданию книги «Armenian Identity in a Changing World».

207. «Истинно, истинно говорю вам...» — Евангелие от Иоанна, 12.24.

«От всякой плоти по паре» — Бытие, 6.19.

О ковчеге как единственном осколке космоса в хаотических водах потопа, становящемся прототипом трехчастного космоса, см. *А. Марутян*. Звартноц в Ноевом ковчеге, с. 49; здесь же о храме, в частности трехъярусном Звартноце, подобно ковчегу спасающем верующих в хаосе безверия, и о том, что трехчастность храма Звартноц не нужно выявлять, поскольку она видна в самом его облике.

О ковчеге из Сент-Шапель как воспроизведении храма Звартноц см. *Т. Марутян*. Звартноц, с. 117—122. Это мнение восходит к 1959, оно оспаривалось и дополнялось — литературу вопроса см. *Донабедян*. К вопросу о барельефах парижской церкви Сент-Шапель (на с. 266 — о случайном сходстве двух строений); *Манучарян*. К вопросу о Звартноце (на с. 192 — о том, что Звартноц запечатлели европейские путешественники; ср. *Т. Марутян*. Звартноц, с. 117—118: изображение Звартноца попало в Европу в процессе образования там армянской диаспоры); *Халпахчьян*. Новые данные, с. 44: на барельефах изображен Гагкашен; см. также *А. Марутян*. Звартноц в Ноевом ковчеге, с. 50—51: о соотношении Звартноца с водой, в итоге приведшем к появлению его на барельефах парижской церкви.

ЛИТЕРАТУРА

Абегян М. Труды. Т. 8. Ереван, 1985 (на арм. яз.).

Абрамян Л. Bavił-лабиринт: миф об Артавазде в кавказско-переднеазиатском контексте // Народная культура армян, XII / Отв. ред. С. Б. Арутюнян, Д. С. Вардумян. Ереван, 2004. С. 13—18 (на арм. яз.).

Абрамян Л. Борьба с памятниками и памятью в постсоветском пространстве (на примере Армении) // Acta Slavica Iaponica. Tomus 20. 2003. С. 25—49.

Абрамян Л. А. Змей у источника (к символике универсального ритуально-мифологического образа) // Историко-этнографические исследования по фольклору: Сборник статей памяти С. А. Токарева / Сост. В. Я. Петрухин. М., 1994. С. 20—34.

Абрамян Л. Лысина Геракла, пятка Ахилла и ноги Эдипа в ритуально-мифологическом контексте (рукопись, 1982).

Абрамян Л. А. Мир мужчин и мир женщин: расхождение и встреча // Этнические стереотипы мужского и женского поведения / Отв. ред. А. К. Байбурин, И. С. Кон. СПб., 1991. С. 109—132.

Абрамян Л. Парные образы «Сасна ц̣рер»: близнецы, сводные братья, двойственные герои // The Armenian Epic «Daredevils of Sassoun» and the World Epic Heritage / Ed. by A. Petrosyan et al. Yerevan, 2004. С. 61—67.

Абрамян Л. А. Смех как побочный продукт и движущая сила праздника // Смех... С. 62—74.

Абрамян Л. Христос как змееборец: церковная традиция и память художника // Мифологические представления в народном творчестве / Ред.-сост. П. Р. Гамзатова, О. А. Пашина. М., 1993. С. 165—179.

Абрамян Л. А., Демирханян А. Р. Мифологема близнецов и мировое дерево // Историко-филологический журнал. 1985. № 4. С. 66—84.

Абрамян Л. А., Шагоян Г. А. Динамика праздника: структура, гиперструктура, антиструктура // Этнографическое обозрение. 2002. № 2. С. 37—46.

Аверинцев С. С. Греческая «литература» и ближневосточная «словесность» (Противостояние и встреча двух принципов) // Типология и взаимосвязи литератур древнего мира / Отв. ред. П. А. Гринцер. М., 1971. С. 206—266.

Аверинцев С. С. К истолкованию символики мифа об Эдипе // Античность и современность: К 80-летию Ф. А. Петровского / Ред. М. Е. Грабарь-Пассек и др. М., 1972. С. 90—102.

Аверинцев С. С. К уяснению смысла надписи над конхой центральной апсиды Софии Киевской // Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси / Ред. В. Н. Лазарев. М., 1972. С. 25—49.

Айрапетян В. Разговор о круглых числах // *Айрапетян В.* Герменевтические подступы к русскому слову. М., 1992. С. 133—184.

Айрапетян В. Толкуя слово: Опыт герменевтики по-русски. М., 2001.

Анисимов Л. Ф. Представления эвенков о душе и проблема происхождения анимизма // Родовое общество: Этнографические материалы и исследования (Тр. Ин-та этнографии, н.с., т. 14) / Ред. С. П. Толстов. М., 1951. С. 109—118.

Арутюнян С. Армянская мифология. [Бейрут, 2000] (на арм. яз.).

[*Афанасьев А. Н.*] Народные русские сказки А. Н. Афанасьева в трех томах. М., 1984—1985.

Ачарян Гр. Этимологический корневой словарь армянского языка. Т. 1—4. Ереван, 1971—1979 (на арм. яз.).

Байбурин А. К. Ритуал: старое и новое // Историко-этнографические исследования по фольклору: Сб. ст. памяти С. А. Токарева / Сост. В. Я. Петрухин. М., 1994. С. 35—48.

Бахтин М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965.

Бдоян В. Армянские народные игры. Т. 1. Ереван, 1963 (на арм. яз.).

Белова О. В. Круг // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Ред. Н. И. Толстой. Т. 3. М., 2004. С. 11—12.

Бенвенист Э. Семантические проблемы реконструкции // *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М., 1974. С. 331—349.

Бенсэ. Bulanəx, или область Hark // Этнографическое обозрение. Кн. 5. 1899. № 1. С. 9—184 (на арм. яз.).

Березкин Ю. Е. Методы сохранения природных ресурсов у южноамериканских индейцев // Роль географического фактора в истории докапиталистических обществ (по этнографическим данным) / Отв. ред. В. Н. Боряз, Л. П. Потапов. Л., 1984. С. 218—229.

Берндт Р. М., Берндт К. Х. Мир первых австралийцев. М., 1981.

Бородатова А. Игры богов и людей: Этносемиотический анализ иконографии майя (рукопись).

Буто Ж. Отверженные пустыни Калахари // Вокруг света. 1976. № 2. С. 67—68.

Ван Ду. Древнее зеркало // Танские новеллы / Пер. с кит. О. Фишман, А. Тишкова. М., 1960. С. 15—26.

Вирсаладзе Е. Б. Грузинский охотничий миф и поэзия. М., 1976.

Выготский Л. С. Мышление и речь. М.; Л., 1934.

Газиян А. Арцах (Армянская этнография и фольклор: Материалы и исследования. Вып. 15). Ереван, 1983 (на арм. яз.).

Гринцер П. А. Яма // Мифы народов мира. Т. 2. М., 1982. С. 682—683.

Давиденков С. Н. Эволюционно-генетические проблемы в невропатологии. Л., 1947.

[*Даль В.*] Пословицы русского народа: Сб. В. Даля. М., 1957.

[*Даль В.*] Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. 3-е изд. Т. 1—4. М., 1903—1909.

Делез Ж. Различие и повторение. СПб., 1998.

Демирханян А. Р. К проблеме символики трехчастных композиций древней Армении // Историко-филологический журнал. 1982. № 4. С. 154—164.

Донабедян П. З. К вопросу о барельефах парижской церкви Сент-Шапель // Историко-филологический журнал. 1977. № 1. С. 262—266 (на арм. яз.).

Егорова К. С. Ян ван Эйк. М., 1965.

Есаян С. А. Скульптура древней Армении. Ереван, 1980.

Загадки / Изд. подгот. В. В. Митрофанова. Л., 1968.

Зайцев А. И. Геракл // Мифы народов мира. Т. 1. М., 1980. С. 277—283.

Золотарев А. М. Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964.

Иванов, Вячеслав. Дионис и прадионисийство. Баку, 1923.

Иванов Вяч. Вс. Близнечный культ и двоичная символическая классификация в Африке // Africana: Африканский этнографический сборник. XI / Отв. ред. Д. А. Ольдерогге. Л., 1978. С. 214—246.

Иванов Вяч. Вс. Знаковая система бессознательного как семиотическая проблема // Бессознательное. Природа, функции, методы исследования. Т. 3 / Ред. А. С. Прангишвили и др. Тбилиси, 1978. С. 168—172.

Иванов Вяч. Вс. Использование для этимологических исследований сочетаний однокоренных слов в поэзии на древних индоевропейских языках // Этимология, 1967 / Отв. ред. О. Н. Трубачев. М., 1969. С. 40—56.

Иванов В. В. Категория времени в искусстве и культуре XX века // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве / Отв. ред. Б. Ф. Егоров. Л., 1974. С. 39—67.

Иванов Вяч. Вс. Отражение индоевропейской терминологии близнечного мифа в балтийских языках // Балто-славянский сборник / Отв. ред. В. Н. Топоров. М., 1972. С. 193—205.

Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974.

Иванов В. В., Топоров В. Н. Инвариант и трансформации в мифологических и фольклорных текстах // Типологические исследо-

вания по фольклору: Сб. ст. памяти В. Я. Проппа / Сост. Е. М. Мелетинский, С. Ю. Неклюдов. М., 1975. С. 44—76.

Иванов В. В., Топоров В. Н. Святогор // Мифы народов мира. Т. 2. М., 1982. С. 421.

Имелинский К. Психогигиена половой жизни. М., 1973.

История, составленная архимандритом Варданом. Венеция, 1862 (на древнеарм. яз.).

Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: Весенние праздники. Конец XIX — начало XX в. / Отв. ред. С. А. Токарев. М., 1977.

Кафадарян К. Ереван: Средневековые памятники и лапидарные надписи. Ереван, 1975 (на арм. яз.).

Кемпински А. Психопатология неврозов. Варшава, 1975.

Козинцев А. Г. Об истоках антиповедения, смеха и юмора (этюд о щекотке) // Смех... С. 5—43.

Козинцев А. Г., Бутовская М. Л. О детях, богах и обезьянах // Этнографическое обозрение. 1997. № 3. С. 111—115.

Кузнецов Б. Г. Принцип относительности в античной, классической и квантовой физике. М., 1959.

Куиличи Ф. Последние из арунта // Вокруг света. 1973. № 7. С. 39.

Лалаян Е. Васпуракан // Этнографическое обозрение. Кн. 20. 1910. № 2. С. 116—196; Кн. 25. 1913. № 2. С. 21—60 (на арм. яз.).

Лалаян Е. Зангезур // Этнографическое обозрение. Кн. 4. 1898. № 2. С. 7—116 (на арм. яз.).

Лалаян Е. Муш-Тарон // Этнографическое обозрение. Кн. 26. 1916. С. 149—194.

Лалаян Е. Провинция Nor-Bayazet', или Gełark' unik' // Этнографическое обозрение. Кн. 16. 1907. С. 9—65; Кн. 17. 1908. № 1. С. 86—125 (на арм. яз.).

Левит С. Г. Человек как генетический объект и изучение близнецов как метод антропогенетики // Медико-биологический журнал. 1930. № 4—5. С. 273—287.

Леонардо да Винчи. Анатомия: Записи и рисунки. М., 1965.

Липинская Я., Марциняк М. Мифология Древнего Египта. М., 1983.

Лисициан Ср. Старинные пляски и театральные представления армянского народа. Т. 2. Ереван, 1972.

Лисициан Ст. Армяне Зангезура. Ереван, 1969 (на арм. яз.).

Лотман Ю. О метаязыке типологических описаний культуры // Труды по знаковым системам IV. Тарту, 1969. С. 460—477.

Лотман Ю., Успенский Б. О семиотическом механизме культуры // Труды по знаковым системам V. Тарту, 1971. С. 144—166.

Луомала К. Голос ветра: Полинезийские мифы и песни / Пер. с англ. Ю. К. Баранова и М. С. Сергеева. М., 1976.

Малхасянц Ст. Толковый словарь армянского языка. Т. 1—4. Ереван, 1944—1945 (на арм. яз.).

Мансикка В. Финские варианты к дуалистической легенде о сотворении мира // Этнографическое обозрение. 1909. № 2—3. С. 170—172.

Манучарян А. А. К вопросу о Звартноце // Историко-филологический журнал. 1988. № 2. С. 187—200 (на арм. яз.).

Марутян А. Звартноц в Ноевом ковчеге // Вопросы изучения армянской народной культуры (Культура и язык): Тез. докл. / Ред. З. В. Харатян, Г. Л. Петросян. Ереван, 1988. С. 49—51.

Марутян Т. Звартноц и памятники типа Звартноц. Ереван, 1963 (на арм. яз.).

Мнацаканян А. Ш. Армянское орнаментальное искусство. Ереван, 1955 (на арм. яз.).

Моррис Д. Голая обезьяна. СПб., 2001.

Моуэт Ф. Не кричи: «Волки!» // *Ф. Моуэт.* Не кричи: «Волки!». *Дж. и Г. ван Лавик-Гудолл.* Невинные убийцы. *К. Лоренц.* Человек находит друга. М., 1981. С. 11—120.

Мурадянц А. Амшенские армяне // Этнографическое обозрение. Кн. 5. 1899. № 1. С. 361—406; Кн. 6. 1900. С. 109—158 (на арм. яз.).

Народные пословицы и поговорки / Сост. А. И. Соболев. М., 1961.

Народы Австралии и Океании / Ред. С. А. Токарев, С. П. Толстов. М., 1956.

Народы Восточной Азии / Ред. Н. Н. Чебоксаров и др. М.; Л., 1965.

Народы зарубежной Европы. Т. 2 / Ред. С. А. Токарев, Н. Н. Чебоксаров, 1965.

Народы Юго-Восточной Азии / Ред. А. А. Губер и др. М., 1966.

Новый словарь армянского языка. Т. 1—2. Венеция, 1836—1837 (на арм. яз.).

Одабашян А. А. Аманор в армянском народном праздничном календаре // Армянская этнография и фольклор. Вып. 9. Ереван, 1978. С. 5—72 (на арм. яз.).

Папазян А. А. Каин и Авель // Мифы народов мира. Т. 1. С. 607—609.

Петросян А. «Т ух манук»: древнейшие истоки // Т ux manuk [смуглый отрок] (материалы конференции). Ереван, 2001. С. 21—43 (на арм. яз.).

Петросян Э. Х. Армянский вариант Сатурналий («Шах») и его генетические истоки // Зрелищно-игровые формы народной культуры / Отв. ред. и сост. Л. М. Ивлева. СПб., 1990. С. 21—33.

Повесть о браслете. Шилаппадикарам / Пер. с тамильского Ю. Я. Глазова. М., 1966.

Пословицы и поговорки народов Востока / Сост. Ю. Э. Брегель. М., 1961.

Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII—XX веков / Изд. подготовили М. Я. Мельц и др. М.; Л., 1961.

Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М., 1986.

Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986.

Пропп В. Я. Ритуальный смех в фольклоре (По поводу сказки о Несмеяне) // *Пропп В. Я.* Фольклор и действительность: Избранные статьи. М., 1976. С. 174—204.

Пропп В. Я. Русский героический эпос. М., 1958.

Рао В. Л. Заметки о семейном быте и некоторых обычаях народа андхра (телугу) // Советская этнография. 1956. № 3. С. 92—96.

Ревуненкова Е. В. Миф о батакском жреческом жезле // Фольклор и этнография: Связи фольклора с древними представлениями и обрядами / Отв. ред. Б. Н. Путилов. Л., 1977. С. 27—37.

Ревуненкова Е. В. Народы Малайзии и Западной Индонезии (Некоторые аспекты духовной культуры). М., 1980.

Сказание о нартах: Осетинский эпос / Пер. с осет. Ю. Либединского. Цхинвали, 1981.

Сказки и легенды маори: Из собрания А. Рида / Сост. и пер. с англ. Ю. С. Родман. М., 1981.

Сказки и мифы Океании / Сост. Г. Л. Пермяков. М., 1970.

Словарь русских народных говоров. Вып. 2 / Гл. ред. Ф. П. Филин. М.; Л., 1966.

Смех: истоки и функции / Ред. А. Г. Козинцев. СПб., 2002.

Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. XIX — начало XX в. М., 1979.

Соколовский С. В. Стигматы архаизации: анализ праздника и анализ текста // Этнографическое обозрение. 2002. № 2. С. 47—57 (критический отзыв на статью: *Абрамян, Шагоян.* Динамика праздника).

Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг и др. Л., 1979.

Тинберген Н. Поведение животных. М., 1969.

Топоров В. Н. Древо мировое // Мифы народов мира. Т. 1. С. 398—406.

Топоров В. Н. Заметки о растительном коде основного мифа (*перец, петрушка* и т. п.) // Балканский лингвистический сборник / Отв. ред. Т. В. Цивьян. М., 1977. С. 196—207.

Топоров В. Н. К происхождению некоторых поэтических символов: Палеолитическая эпоха // Ранние формы искусства: Сб. ст. / Сост. С. Ю. Неклюдов. М., 1972. С. 76—103.

Топоров В. Н. К реконструкции индоевропейского ритуала и ритуально-поэтических формул (на материале заговоров) // Труды по знаковым системам IV. Тарту, 1969. С. 9—43.

Топоров В. Н. О брахмане: К истокам концепции // Проблемы истории языков и культуры народов Индии: Сб. ст. памяти В. С. Во-

робьева-Десятовского / Отв. ред. Г. А. Зограф, В. Н. Топоров. М., 1974. С. 20—74.

Топоров В. Н. О структуре некоторых архаических текстов, соотносимых с концепцией «мирового дерева» // Труды по знаковым системам V. Тарту, 1971. С. 9—62.

Топоров В. Н. Предистория литературы у славян. Опыт реконструкции. М., 1998.

Топоров В. Н. Русск. *Святогор*: свое и чужое (к проблеме культурно-языковых контактов) // Славянское и балканское языкознание: Проблемы языковых контактов / Отв. ред. Л. А. Гиндин. М., 1983. С. 89—126.

Трофимова М. К. Историко-философские вопросы гностицизма (Наг-Хаммади, II, Сочинения 2, 3, 6, 7). М., 1979.

Тэйлор Э. Первобытная культура. М., 1939.

Тэрнер В. Ритуальный процесс: Структура и антиструктура // *Тэрнер В.* Символ и ритуал. М., 1983. С. 104—264.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1—4. М., 1986—1987.

Флуар и Бланшефлор / Перевод со старофр. А. Наймана. М., 1985.

Хайнд Р. Поведение животных. М., 1975.

Халпахчьян О. Новые данные о культурных связях Армении и Франции // Декоративное искусство СССР. 1963. № 2. С. 44.

Харрисон Дж., Уайнер Дж., Тэннер Дж., Барникот Н., Рейнолдс В. Биология человека. М., 1979.

Хачатрян Г. Артавазд. Ереван, 1975 (на арм. яз).

Цзи Юнь. Заметки из хижины «Великое в малом» / Пер. с кит. О. Л. Фишман. М., 1974.

Чердынская свадьба / Записал и составил И. Зырянов. Пермь, 1969.

Чиковани М. Я. Народный грузинский эпос о прикованном Амирани. М., 1966.

Членов М. А. Числовая символика и тайные союзы на Молуккских островах // Мифология и верования народов Восточной и Южной Азии / Отв. ред. Г. Г. Стратанович. М., 1973. С. 132—166.

Чэнь Сюань-ю. Душа, которая рассталась с телом // Танские новеллы / Пер. с кит. О. Фишман, А. Тишкова. М., 1960. С. 27—29.

Шагоян Г. Праздничный парад (рукопись, 1996).

Шагоян Г., *Абрамян Л*. Праздничный парад (структура, сверхструктура, антиструктура) // Историко-культурное наследие Ширака. 3: Тез. докл. / Ред. С. Айрапетян. Гюмри, 1998. С. 49 (на арм. яз.).

Шакрыл К. С. Очерки по абхазско-адыгским языкам. Сухуми, 1971.

Шеппард Ф. М. Естественный отбор и наследственность. М., 1970.

Шовен Р. Поведение животных. М., 1972.

Шутки в сторону! или Время улыбнуться всерьез / Сост. В. И. Мохов, А. В. Рубцов. М., 1990.

Шэнь Цзи-цзи. Жизнеописание Жэнь // Танские новеллы / Пер. с кит. О. Фишман, А. Тишкова. М., 1960. С. 40—49.

Элькин А. Коренное население Австралии. М., 1952.

Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. Вып. 5 / Ред. О. Н. Трубачев. М., 1978.

Юнг К. Г. О психологии образа Трикстера // *Радин П*. Трикстер: Исследование мифов североамериканских индейцев с комментариями К. Г. Юнга и К. К. Кереньи. СПб., 1999. С. 265—286.

Abrahamian L. H. The Anthropologist As Shaman: Interpreting Recent Political Events in Armenia // Beyond Boundaries: Understanding, Translation and Anthropological Discourse / Ed. by G. Pálsson. Oxford / Providence, 1993. С. 100—116.

Abrahamian L. H. Archaic Ritual and Theater: From the Ceremonial Glade to Theater Square // Soviet Anthropology & Archeology. 1990. Vol. 29. № 2. С. 45—69.

Abrahamian L. H. Armenian Identity in a Changing World (в печати).

Abrahamian L. H. Chaos and Cosmos in the Structure of Mass Popular Demonstrations // Soviet Anthropology & Archeology. 1990. Vol. 29. № 2. С. 70—85.

Abrahamian L. H. Civil Society Born in the Square: The Karabagh Movement in Perspective // The Making of Nagorno-Karabagh: From Secession to Republic / Ed. by L. Chorbajian. Houndmills, Basingstoke, U. K., 2001. С. 116—134.

Abrahamian L. H. The Karabagh Movement As Viewed by an Anthropologist // The Armenian Review. 1990. Vol. 43. № 2—3. С. 67—80.

Abrahamian L. Typology of Aggressiveness and National Violence in the Former USSR // Divided Europeans: Understanding Ethnicities in Conflict / Ed. by T. Allen and J. Eade. The Hague, London, Boston, 1999. С. 59—75.

Abrahamian L., Sweezy N. (eds.). Armenian Folk Arts, Culture, and Identity. Bloomington and Indianapolis, 2001.

Bateson G. Naven. Stanford (Calif.), 1958.

Bettelheim B. Symbolic Wounds. Puberty Rites and the Envious Male. N. Y., 1971.

Charachidzé G. Prométhée ou le Caucase: Essai de mythologie contrastive. Paris, 1986.

Cohen, Abner. Masquerade Politics: Explorations in the Structure of Urban Cultural Movements. Oxford / Providence, 1993.

Cook R. The Tree of Life: Symbol of the Centre. London, 1974.

Crumrine N. Ross. Ritual Drama and Culture Change // Comparative Studies in Society and History. 1970. Vol. 12. № 4. С. 361—372.

Eliade M. The Sacred and the Profane. N. Y., 1959.

Frazer J. G. Adonis, Attis, Osiris. Studies in the History of Oriental Religion. Second ed., L., 1907.

Gonda J. Triads in the Veda. Amsterdam; London, 1976.

Griaule M. Dieu d'eau: entretiens avec Ogotommêli. Paris, 1948.

Güntert H. Der arische Weltkönig und Heiland. Bedeutungsgeschichtliche Untersuchungen zur indo-iranische Religionsgeschichte und Altertumskunde. Halle (Saale), 1923.

Hocart A. M. Kingship. L., 1927.

Hyers M. C. The Ancient Zen Master as Clown and Comic Midwife // Philosophy East and West (Honolulu). 1970. Vol. 20. № 1. С. 16—17.

Jaffrey Z. The Invisibles: A Tale of the Eunuchs of India. N. Y., 1998.

Jung C. G. Psychology and Religion // The Collected Works of K. G. Jung. Vol. 11 / Psychology and Religion: West and East. Second ed. London and Henley, 1981. С. 3—105.

Kallmann F. J. Heredity in Health and Mental Disorder. Principles of Psychiatric Genetics in the Light of Comparative Twin Studies. N. Y., 1953.

Leach E. Genesis As Myth and Other Essays. L., 1969.

Lorenz K. On Aggression. San Diego, N. Y., L., 1966.

Malinowski B. The Sexual Life of Savages in North-Western Melanesia. L., 1929.

Mead M. Sex and Temperament in Three Primitive Societies. L., 1935.

Ohnuki-Tierney E. Concepts of Time among the Ainu of the Northwest Coast of Sakhalin // American Anthropologist, n. s. Vol. 71. 1969. № 3. С. 488—492.

Pikichian H. Festival and Feast // *Abrahamian L., Sweezy N.* (eds.). Armenian Folk Arts... С. 222—224.

Reichel-Dolmatoff G. Amazonian Cosmos: The Sexual and Religious Symbolism of the Tukano Indians. Chicago and London, 1971.

Róheim G. The Eternal Ones of the Dream. A Psychoanalytic Interpretation of Australian Myth and Ritual. N. Y., 1971.

Schaller G. *B.* The Mountain Gorilla: Ecology and Behavior. Chicago, 1963.

Scheinfeld A. Your Heredity and Environment. L., 1973.

Schiller G. Iconography of Christian Art. Vol. 1. London, 1971.

Spencer B., Gillen F. The Northern Tribes of Central Australia. L., 1904.

Stanner W. E. On Aboriginal Religion. I // Oceania. Vol. 30. 1959. № 2. С. 108—127.

Tadevosyan A., Petrosyan H. The Blacksmith // *Abrahamian L., Sweezy N.* (eds.). Armenian Folk Arts... С. 207—215.

Taylor R. B. Introduction to Cultural Antropology. Boston, 1973.

Thass-Thienemann Th. The Subconscious Language. N. Y., 1967.

Trier J. Holz. Etymologien aus dem Niederwald. Köln, 1952.

Violent Origins. Walter Burkert, René Girard, and Jonathan Z. Smith on Ritual Killing and Cultural Formation / Ed. by R. G. Hamerton-Kelly. Stanford, Cal., 1987.

УКАЗАТЕЛЬ

В указателе даются отсылки к параграфам, введению (В) и примечаниям (п).

Авель 166, 166п

Австралия 168, 174, 195

австралийцы (аборигены) 124, 124п, 132, 132п, 144, 144п, 168, 168п, 170п, 174, 174п, 177, 177п, 178, 178п, 182, 182п, 195, 195п, 198; аранда 124, 124п; варрамунга 144, [144п]; кайтиш 144; муринбата 186, 186п

Агасфер 93

агрессия, агрессивность 151, 194п; агрессивная концовка праздника 194; агрессивное поведение и страх 194, 194п; «агрессия ради агрессии» 194; вовне и вовнутрь 194; ее ограничение 195; ее разрядка 195; ее регулирование животными 195; и праздник 196; и смех 194, 196; игровая и настоящая 195, 195п; как побочный продукт карнавала 194, 196; карнавальная и внекарнавальная агрессивность 195; неагрессивное прикрытие агрессивных намерений 194; правого близнеца 158, 158п; праздничная 194, 195; предназначенные для нее «чужие» (в празднике) 195; управление ею 195п; участников праздника 195, 203; человеческая и животная 196; шуточная 194

Агриппа Неттесгеймский 133

Адам 145, 167; и Ева 145, 164—167, 170, *см. также под* близнец(ы)

айны 182, 182п

Айрапетян, Вардан В, Вп, 71

Аквила 109, 109п
Акопян, Юрий 189п
активность переадресованная 204, 204п
алтайцы 137, 137п
Аманор 204п
Амирани 160—162; 159п—161п
ангел 168; ангел-хранитель и дьявол 15, 158; нарисованный на земле 110; перед зеркалом 18
андрогин, андрогинность 181; и близнецы 167, 168, 168п; инициационный 168, 168п; йони-лингам, «фалло-лоно» 82, 168; Платонов 167, 167п, 168
андхра (телугу) 133, 133п
Ани 206
Антильские о-ва 122п
антрополог, этнолог В, 198п
апсара 145, 175
Апулей 7
аранда, *см.* австралийцы
Арарат, *см.* Масис
Армения 158, 169п, 194, 203
армяне, армянское 6, 6п, 11, 12п, 15, 15п, 64, 121, 140, 140п, 142, 142п, 146, 146п, 149, 150, 150п, 151, 151п, 152, 152п, 153, 153п, 154, 154п, 157, 157п, 159—171, 159п—171п, 190—192, 190п, 194, 194п, 195, 195п, 197—200, 197п—200п, 203—207, 203п—207п
Артавазд 159, 159п, 160—162, 204
архетип: Вавилонской башни 206; круга 148; Маски 183; Тени 168п, 182
Атман 86, 172
Африка 146, 168, 168п
Ахилл 176
Ахсар и Ахсартаг 156, 156п, 157, 165
Ашвины 137

баба: на себе опахивает деревню 8; перешагивает через хомут или оглоблю 7, 7п; раздевается донага 8; с пустыми и полными ведрами 101, 101п, *см. также* женщина

бабка (повивальная): «бабка-мать» 70

бандха 53, 84, 84п, 85, 124, 124п, 142, 169; жена принимает 42 бандхи, *падмасана* 124; *пурушайита* 84, 84п, 124, 169

баня 69—71, 69п—71п, 72; баня-лоно 70, [71]; и могила 120, 120п

Барекендан 190, 204п

батаки 164, 164п

Бахтин, Михаил М. 80п

белорусы [141], 141п

Берндт, Рональд и Кэтрин 178п

бесплодие: вызванное мертвой золовкой 149; способы избавления 6, 6п

Библия, библейский 157, 161, 162, 164, 166, 166п, 170, 172

близнец(ы), близнечество 155 и 156 (двойня), 170; близнец-драконоборец 159; близнец-победитель 160, 163; близнечные черты возлюбленных 167, 167п; брат и сестра 66, 66п, 146, 146п, 164—168, 164п, 165п, 167п, 168п; братья-близнецы 15, 125, 157, 158, 160 (и пара отец-сын), 164—166, 170; в дуалистических космогонических мифах 15; гомосексуалисты 125, 125п; догонские Номмо 165, 165п; его драконьи / змеиные качества 159, 163—165; жена-близнец 165—167, 167п; «зеркальные» 158; и андрогинность 167, 168, 168п; и их возлюбленная 125; и их отцы 155, 156; идентичные 156, 155 и 158 (неотличимые); индоиранские 168, 168п; инцестуозные 164—168, 167п, 168п, 170 (инцест в утробе матери); ирокезские Иоскега и Тавискарон 157, 157п; их борьба за первенство 157; их гибель 163 («левого» близнеца), 164, 164п, 166; их имя 157, 165; их противоборство 159, 163, 164, 170; левый и правый 158, 158п, 163; младший и старший 157; нартские Ахсар и Ахсартаг 156, 156п, 157; наскальные 158п; однополые 164, 166; однояйцевые 125, 125п; Осирис и Исида 166; отношение к ним 29, 155, 156; «первоблизнецы» Адам и Ева 164—166, 170; первые 156п, 159п, 160, 160п, 169, их мифологема, *см. отдельно*; подражание брату 15; посягают на жизнь родителей 146, 146п; преобразуются

в героя и дракона 156; проросший 158, 158п; противоборствующие 156, 158, 170; разнополые 164, 166, 168 (противоположного пола в нас самих); разнояйцевые 125, 125п, 155 (не идентичные); с Солорских о-вов 166, 166п; Санасар и Багдасар (Сасунские) армянского эпоса 157, 157п; «сборный» старший 160; у дерева, на дереве 166; Яма и Ями 170

Бог 120, 126, 155, 172, 200

богатырь 171, 172

бог(и) 133, 145; «душа с богом беседует» (при отрыжке) 131; богтворец советского общества 200; богиня — покровительница Мадуры 146, 146п; Вишну 53; грозы 160, 160п, 170, 170п; Дали (грузинская хозяйка зверей); 162, 162п; домашнего очага 123; Зевс 155; и его отражение чёрт 15, 158; их умилостивление 130; Кришна 185, 185п; маорийская Великая-Богиня-Ночь (Хине-Нуи-Те-По) 192; маорийский полубог Мауи 192; растительности 67; смерти 169; хозяин леса ягуар 169; Шива 40, 86

бок 114, [121]; зеркально-симметричные звенья по бокам дерева 163; матери Сета 157; правый и левый (в приметах) 15, 120, 158, 172; чудовища, оттуда выходит Амирани 161, 161п

болезнь [79], 104, 104п, 151; бесплодие, *см. отдельно*; ее примета 15; ее сверхструктура 207; *кох*, *см. отдельно*; магические средства от нее 6, 6п, 8, 141п, 150, 150п; новорожденного, *см. кох*; от демонов, засевших в больном 141; *тпха* 150

борьба: братоубийственная 166; братьев-близнецов 164, 170; борьба-единоборство 151, 152 (*кох*); вечная Христа с вишапом 151; за место 151; змееборство 165; и соитие 169, 170; кузнецов с персонификацией хаоса 205; против советского космоса 203; ритуальная 204; с неофициальным праздником 202; с памятниками, памятью 203, 203п; спортивная 151

Босх, Иероним 81

брат, братья 151; Амирани 161; Ахсар и Ахсартаг 156, 156п, 157; близнецы 15, 157, 158, 164—166, 168, 170, *см. также* близнецы; брат-близнец в Христе 155; брат-дракон 160, 168; братоубийственная борьба 166; братоубийство первое библейское 166п; пить на брудершафт 142; единоутробный 21 (слепца), 157, 158; и сестра, *см. отдельно*; Иаков и Исав 157; Иосиф и его братья

157; Каин и Авель 166, 166п; крестовые 142, 142п; младший, *см.* младший брат; молочные 151, 152; Осирис и Сет 157; побратимы 142, 142п; разделенные 168; сводные противоборствующие 157, 158; собратья резиновые зверей 3; старший «сборный» (в сказках) 158

брат и сестра 166, [141] и 142 (сестры); близнецы 146, 146п, 164, 164п, 168, 168п; догонские близнецы Номмо 165, 165п; индоиранские близнецы 168, 168п; инцестуозные 66, 66п, 164, 164п, 166, 168, 168п; Каин и Авель и их сестра (сестры) (в апокрифах) 166, 166п; купальские 164, 164п; Осирис и Исида, близнецы-супруги 166; серамские 166, 166п; тоби-батакские 164, 164п; тробрианские 164, 164п

брахма́н и Бра́хман 122

Брихадараньяка упанишада 29п, 86п, 131п, 137п, 139п, 170п, 172п

Брем, Альфред Э. 139

будни, *см.* жизнь будничная

будущее: будущий год 205 (в гадании); будущий космос 199, 200; возможное 198; время в языке 26; два будущих 121, 172; его выбор 200

буи 108, 108п

Булгаков, Михаил А. [11], 11п, [93], 93п

Буриданов осел 151

бушмены 173, 173п

Ван, озеро 160

варрамунга, *см.* австралийцы

Васанта Виласа 84п

венера палеолитическая 148

веселье 176, 181, 186, 186п, 190, 192, 202, 203, 205, 206; веселое и торжественное 190, 192 (и серьезное), 203, 205, 206; «веселый» и «серьезный» смех 191, 192; веселый шок 118, 184, 185

ветер, ветерок 126: «вей-ветер» 130; душа здания 82; его свойство оживлять 1, 126; и дух 133; и заклинание 130; и лай собаки 130, 130п; и мелодичный инструмент 89, 90; и хозяин 142, 142п; лживый 135; сдувает годы 134; сдувает слова (заклинания)

130; северо-западный (в заклинании) 130; уничтожающий отражение в воде 22

вещь, вещи: без места 72; «внешние», наблюдаемые 27; воплощаться в них 39, 40; ее применение 78, 78п; занимающие одно место 33, 36; и ее тень 11; и их изображение в чистом зеркале 128; и их масштаб 43, 44; и их образы 34; и их сущности 44; и место, *см.* место и вещь; их души 45; их отождествление 59; отвлеченные (в математике) 34; отражаемые в волшебном зеркале 18; прошлые движения в них 32; рожденные магией и настоящие 121; фокусника 133

Вивасват 137

видеть, смотреть 4, 18, 24, 34, 62—65, 71, 77, 86, 89, 91, 92, 100, 104, 110 (в себя), 112, 114, 115п, 116, 123, 124, 128, 139, 139п, 140, 144, 155, 156 (видимое), 162, 172, 179, 184, 185, 190, 192, 200 (смотр), 206, 207, 207п; виде́ния 160; «всевидящий», всевидящее око 200; и слышать 173; не видеть, не смотреть 17 («Не всматривайтесь в старые зеркала»), 24, 77, 86, 155, 172, 181, 200, 207; невидимое 13, 97, 106, 110, 112, 114, 147, 156, 162, 167, 168, 182, 200, 203, 207; предвидеть 206; с закрытыми глазами 28; свое отражение 14, 15, 22, 27, 29, 29п; сон, сновидение 25, 37—40, 68, 121, 133, 135, 178, 178п

вишап 151п, 159, 170п; связанный в узел 151; царевич-вишап Артавазд 159, 159п, 162

Вишвакарман 40

Вишну 53

внутреннее 109; внутренний голос 30

возвращаться: на старые места 100; во сне 100

воздух 133; и душа 127; и мысли 135

возрождение, перерождение 67, 69; близнец-победитель перерождается в Громовержца 160; второе рождение 171; дракона после смерти 159; космоса 200; противника 160, 171

волосы: Геракл лысеет в пасти морского чудовища 161, 161п; Дали, ими привязан охотник к скале 162, 162п; завиток волос у близнецов 158; инициантов передают происходящие с ними перемены 161п; их сохраняет Иона 161; их теряет Амирани в брюхе

чудовища 161, 161п; их «теряет» сказочный герой К'ачлук («Плешивый») 161, 161п; косы невесты 86

вольт 16

Восток 155

время 100; времена дочеловеческие 182, 196; временной аспект космоса 205; временные границы 198; Время сновидений, Вечный период сновидений 178, 178п; год, *см. отдельно*; девятимесячный праздничный цикл 203; и движение 100, 100п; и пространство праздника 178; мифологическое «пространство-время» 178; начало времен 178, 182, 196, 196п, 198, 204; проходы в нем, создаваемые праздником 198; путешествие антрополога во времени 198п, 199; священное прошлое 178; советское 200, 207; стык Старого и Нового года 205

Вселенная, *см.* космос

Выготский, Лев С. 30п

вырастать: дерево из единой головы слившихся братьев и сестер 164; дерево из жертвы 159; дерево из тела погибшего близнеца 163; дерево на месте гибели близнецов 156; древо мировое в результате смертельной борьбы близнецов 164; кокосовая пальма из языка погибшего брата 166; растение *бедеткау* из семени Сета 166; растение *сулумвойя* из груди погибших тробрианских инцестуозных брата и сестры 137, 137п, 164, 164п; рост дерева 169; росток из тела погибшего близнеца разрастается в дерево 163; триединое дерево из-под языка Адама 164, 166

гадания 93, 137; девичьи, *см. под* девушка; с зеркалом 18; хозяек в канун Нового года 205, 205п

гандхарвы 175

Галилей 100

Гаргантюа 63, 63п, 64

гениталии 179, 186; генитальные операции 147, 168, *см. также* фалл *и* лоно

Геракл 161, 161п

герой, герои 50, 87, 157, 165, 171; бездумный 171; Времени сновидений 178; герои-духи 178; герой-драконоборец 158; его времен-

ная смерть 171; его почитание сказителем 50; заточенный в пещере или в скале, прикованный на вершине горы 162; 160; и актер 178; и антигерой 161, 171, их триады, *см. под* триада; и дракон 155; и злодей 50; как носитель драконьих черт 159; карнавальные 184; картины 13; «национальный» 161; первособытий 178; сказки 75, 146, 157п (как иной), 161, 161п, 165, 171; фильма 114, 183; эпоса 160п

глаз, глаза 84, 137; всевидящее око 200; дурной 120; и кошка из сна 40; и человек 139, 139п; их не могут опустить (от стыда) 181; наблюдателя 200; смотреть другими глазами (на жену) 124

говорить: в присутствии своего отражения 128; вслух 30; запрет говорения 123, 173; и делать 120, 120п, 121; и думать 120, 120п, 121, 187; и не говорить 133; молчать, *см. отдельно*; немота 131; неправду 121; рассказчик, *см. отдельно*; с другим 27, 30; с самим собой В, 27, 28, 30; себе 120, 120п, 122, 122п, 123, [133]; эхолалия 173

год: будущий 205; наступающий 205; Новый 204, 204п, 205 (канун); печенье «год-хлеб» 205; прошедший 201, 205; старый 201

Голгофа 162

голова 96, 156, 176, 178, 181, 192, 196; вишапа (на сцене Крещения) 151; головные уборы 180, 181; головой вперед (о покойнике) 104, 104п; головы змиев (в псалме) 151; деформированная Мауи 192; единая слившихся братьев и сестер 164; и мысль 139; класть гребень «в головы» 137; Маринки, ее отрубает Добрыня 165; обезглавливание Сета 166; отрубленная противника 159п, 171; переворачивать с ног на голову 185; совершает превращение 139; статуи Ленина 203

голос(а): бесплотный 136; бушменов в опыте Ж. Буто 173, 173п; Великого Змея, издаваемый гуделками 178; внутренний 30; душ умерших 138; собственный 173, 173п; совершающий превращение 136; терять его 136; узнавать по нему 173; чужой 136

гомосексуализм, гомосексуальность, мужеложство: близнецы-гомосексуалисты, отрицание связи между ними 125, 125п; в тюрьме 169; гомосексуальная активность 81; гэй 176, 179; к нему склоняет Сет Хора 169; скрытая 169; у обезьян 169

Гонда, Ян 172п

гости: званые и незваные 150, 178; из иного мира на празднике 178, 184, 187, 190, 196, 198, 204; из этого мира в потустороннем 87 (Данте, Одиссей), [158] (младший брат сказок в нижнем мире); праздник как гость из дочеловеческих времен 196; тень как гость из двумерного мира 33

греки 166

гренландцы 128, 128п

грех: Адам отвечает за него 164; изначальная греховность Евы 164; первый, первородный 164; смываемый баней 70; его взял на себя Христос 164; чувствительность к нему со стороны земли 161

Громовержец 170; в него перерождается близнец-победитель 160; его трансформации 160п; и его противник Змей 160п, 170; наказывает младшего сына 160, 160п

грудь (женская) 114; кормить перекрестно грудью (при симметричном снятии *коха*) 150; левая и правая (при лечении ушей) 146; Маринки, ее отсекает Добрыня 165; матери 148; матери кровника 150; палеолитических венер 148; regressus ad mammum 148; соски крольчихи-бандикут 144

грузины, грузинское 159п—162п, 160—162, 207

Грузия 207

губы 132, 136

гульфик 54, 63, 63п, 80

гурурумба, *см.* папуасы Новой Гвинеи

Гюмри 203, 203п

Давид из Сасуна 171

Данте 87

Дао-Дэ цзин 76п

Даттака 86

два, две: бинаризм 176п; бить дважды (в сказке и эпосе) 160, 171; будущих 121, 172; варианта одной мифологемы 166; вредоносность двойки 172; второе рождение 171; второй 171 (удар), 172 (день творения), *см. также* другой; дваждырожденные 121,

122; две вещи и одно место 150; две матери вместо одной 151; двое обмениваются рукопожатием 146; двоичное деление мира 176; двойка (оценка) 48; двойная власть 174; двойник, *см. отдельно*; двойное изображение тотемного предка 174; двойное отцовство 155п; двойное самоубийство нартских близнецов 157; двойня, *см.* близнец(ы); двоякий смысл 160; двуединое целое 168; двусоставное целое родителей 150; действия 174; дуальная организация [177], 193; дуалистические мифы 15, 166п; дуалистическое миропонимание 156; дьявольская природа числа два 172п; жены 121, 121п, 172; коллектива в перекрестно-кузенных браках 146; косы из одной 86; quadricornutus binarius 172; мамы (во сне) 121; половинки одного целого 160; потенциальных отца 151, 155; Пуруша разделил себя на две части 86; разговор между «двумя» 187; раздваиваться 96 (о пути), 125 (о возлюбленной близнецов), 142 (при брудершафте), 172; слово «два» 172, 172п; смерти 101, 102; смех вдвоем 187; соответствие двоих двоим 155; страх от второго 172, 188; хозяина тотемного предка 174; числа больше двух в сказках 157

дверь 12, 12п, 19, 38, 102, 102п, 106, 106п, 110, 123

двигаться, движение: движущееся как живое 3; его иллюзия в кино 124; и время 100, 100п; «колеса страсти» 79, 79п; мысленно вызванное 28; нежелание видеть его 32; неподвижность 75, 76; непонятным образом 27; потерять способность (в результате магии) 144; приводить / прийти в движение 76, 123, 132; прошлое 32; само по себе 27, 99, 107, 108; сходным образом 51, 52; шариков в игре-ящике [74], 75

двойник 16, 29, 101, 125; в зеркале 124; двойник-перевертень 15, 172; двойственное отношение к нему 29; его живучесть 16; его зеркальное поведение 15; его убийство 16; его хорошие качества 125; жениха и невесты в зеркале 29; мертвый бесплодной женщины 149; обезьяны 15; ребенка 15, 173 (сценический); слепца 21; эпический 157

девушка, девушки, девки 116; в нее превращается преследуемая охотником добыча 169; девичьи гадания 18, 96, 96п, 97; девушка-лиса 19; девы небесные, апсары 145; заклинание ее любви 130, 130п; их уши 139; освобождаются от клитора 168; царь-девица 170, 179п

делать, действовать 25, 27, 56п; автоматически 123; бездельничать 56, 56п; в будущем 26; Вишвакарман 40; во сне 27; глазами (о ребенке) 148; действующий 76; делатель 176, *см. также* филург; и говорить 120, 120п, 121; и думать 171; как мать 60; наоборот 15, 120, 121; не делать в ответ 3; нужным образом 78; Панург-Вседей 54; превращаться 53; сделанное как след 25; сообразно собственной природе 33; сообща 174; «я делаю» 25, 55, 55п

дело, дела, действие, действия 56, 56п, 120; акт любви 54; бездействие 40 (во сне), 56 и 56п (безделье), 76 (как недеяние) 76; богатырь как человек дела 171; в триаде «мысль, слово, дело», *см. под* триада; в языке 124; во внутренней речи 32; героические близнеца-победителя 160; героя 50; действо карнавальное, праздничное 191, 204; доброе 29 (в заклинании), 128; дурное 120; его ненужность 76; его описание 56; его оттенки 124; единения 142; жить без дела 130, 130п; и дутье 132; и этнолог В; и слово 121, 171, 173, 194, 195; карнавальные 194; контроль над делами 120; круговое 148; лживые 121; магическое 137; обрядовое 98п, 172, 174; общее 59; одинаковое 48, 123; память о нем 5, 78; плохое 121; попирания 151; праздника 205; предыдущее 78; при исполнении магического обряда 144; приписываемые демонам 121; приходить / вступать в действие 123, 151, 189; разрушительные Мгера Младшего 160; рожденное словом 121; синхронизированные (в ритуале) 174; Создателя 32; скрытое 4, 32, 52; схема действия праздника 200; теряется 132; чистое 54

дерево, древо В, 20, 28, 33, 34, 38, 92, 119, 120, 158—160, 170; во сне 25, 33; вырастает из единой головы слившихся братьев и сестер 164; вырастает из жертвы 159; вырастает на месте гибели близнецов 156, 163 (из тела погибшего близнеца), [164]; генеалогическое 164; дерево-древесина 164; его вершина 163; его зеркально-симметричные звенья 163; его корни 163; его рост 169; жизни 160п (противника), 164 (на нем распят Христос); жизни и смерти 164п (Распятие на нем); и дорога 92; Крест-древо 164; к нему прирастают инцестуозные брат и сестра 164, 164п; мировое, *см. отдельно*; познания добра и зла 164; против сглаза 120; райское 164; тень от него 11, 13; у дерева происходит противоборство близнецов 164

древо мировое В, 119п; его корни 119; его происхождение 164, 164п; его свернутые атрибуты 160; его связь со сводом брачных предписаний 164, 164п; и инцест 164; и Ноев ковчег 207; шаманские жезлы как его символы 164

Джараткару 165, 165п, 167

Джуга 12п

Дионис 159

дионисийские мистерии 159, 159п

добро, благо 11, 121, 145; благое терзание 169, 169п; благой повтор 172, 174; добрая воля 174; добродетель 123; и зло 11, 121, 151, 156; древо познания добра и зла 164

Добрыня 165

догоны 165, 165п

дом 55, 71, 93—95, 110, 122, 201; бог домашнего очага 123; возвращаться домой 100, 104 (о покойнике); входить, проникать в него 105, 106, 107, 109; его душа 42; его обитатели 95; его порог, *см. отдельно*; и путь, дорога 95, 95п, 101, 108, 123 (составлять целое с домашними в пути); его хозяева 6; его передний угол 97, 105; заброшенный 72; и порча 101; мочиться на его крыше 6; на детском рисунке 42, 95; оставаться в нем (о болезни) 104; подкова приносит ему счастье 108; покойник в нем 16; слабые места на его периметре 106; традиционный армянский [6], 150; уходить из него (о покойнике) 104; худая слава о нем 106

Дорн, Герард 172, 172п

дорога 93—95, 105, 105п, 114, 122; в гадании 93; выводить на нее 122; движется сама 107; дороги несовпадающие (в ритуале) 151; дорожные указатели 96; ее конец 92; ее обочина 107, 108; ее переворачивание 104; забыть ее 130; и дерево 92; и дом 95, 95п, 101; и покойник 101; и путь 95, 95п, 101; и река 99, 99п; и тень 95; как клубок 99, 99п; лунная в «Мастере и Маргарите» 93, 93п; на детском рисунке 95; острова Годос 99, 99п; пересекать ее, рубить поперек 95, 104, 104п; проторенная 108; сбиться с нее 101п; чистая 121; чихать перед дорогой 133; *см. также* путь

дочь: Зме́я 165; и отец 146, 146п; причиняемый ей *кох* 154; троянского царя 161

дракон 155, 159; брат-дракон 160, 168; драконий / змеиный код мифологемы первых близнецов 159п; драконоборство 159 (в него превращается противостояние близнецов), 205 и 205п (кузнецы как драконоборцы); драконоподобное существо 165; драконьи качества / природа близнеца 159, 159п, 164; драконья природа младшего брата (в сказках) 159; его возрождение после смерти 159; его стремление к освобождению 160; противник-дракон 159; три червя превращаются в драконов (в грузинском эпосе) 159п; царевич-дракон 161; *см. также* вишап

драма: в игре-ящике 74; главная ритуальная 198п; классицизма 75; прошлая 32

Дрона 145

другое я, другой я, другой в «я», иное «я» 31п, 187; его вредность 29; его нечеткость 22; его ответ 28; связь с зеркалом 29

другой, другие: в себе 30, 31; в человеке, в которого вселился дух 136; в языке 27; вредные качества, доставшиеся от зеркала, 31; другое я, *см. отдельно*; его молчание 30; его слово 26, 30; как чужой 31; любить себя в нем 125; не различают его 142; отражение Нарцисса 29; плохое в нем 120; страх от другого, второго 188; ты-другой 125

думать 120, 121; бездумный герой 171; и говорить 120, 120п, 121, 187; и действовать 171; и дуть 133, 133п; и сглаз 120, 123; как говорить себе 120, 120п, [133], 187; передумать 130п, 144; при заговаривании трубой 132; про себя 123

дурак 176, 176п; банная дура 71, 71п; его молчание 172; его связь с матерью 146; и богатырь 171; и сглаз 120; Иванушка-дурачок 73, 171

дуть [88]; вдувать душу (в алтайской легенде) 137; вдунуть дыхание жизни 126; выдувать слова песен через флейту 136, 136п; дуновение, оторванное от мысли и слова 135; «дуть в уши» 135; дутье как магическое действие 132; и думать 133, 133п; и звуки 132; и превращать (о фокуснике) 133; на пальцы (в черной магии) 144; надувать (обманывать) 135

дух(и): вселяется в человека 136; герои-духи 178; Дух Святой 155; духи в тробрианском раю 138п; добрый и злой 155; и ветер 133; и душа 142; злые 120, 150, 155, 172, 174; как отец одного из

близнецов 155; мужа 142; нежить как дух 131; одинаковые 174; предков 174, 178; сатирический карнавала 193; храмовый 206

душа 126, 128, 128п, 140—142; больная 141; встреча душ 45; вырывается на простор 127, 127п; девочки и дома 42; драгоценного камня 104; «душа в душу» 142, 142п; «душа на месте» 133, 133п; душа-дыхание и душа-отражение, душа-дыхание и душа-тень 128; душú 138; «души не слышать» 142, 142п; единение душ 142; ее обнажение 140; ее крестят 141; ее отсутствие у нежити, у неплачущего новорожденного 129, 131; жены 142; заговариваемой женщины 132; и бог 131; и дыхание 128, 131, 137, 140; и зубы 140, 140п; и лихорадка 103; и соитие 142; и слова 136, 138; и уши 139, 139п; картины 116; лисы 128; обмениваться душами 142; общая, одна 133, 140 (у зевающих), 141 (одна у первого ребенка и последующих детей); 142, 142п; отражение как душа 128; отца 41; разговор душ 128, 136, 140; расставшаяся с телом 36, 36п; ребенка 131; «светлая» — отражение 128; «темная» — тень 128; умерших 138, 138п, 169 и 169п (охота на них); ускользает при зевании 140, 140п; *ханян* 128, 128п

дым: дымовое отверстие *ердик* 150; и слова заговора 130, 132; и хозяйка 142, 142п

дыхание: вдох 126 (первый младенца), 133 (со своими), 135, 137 (и выдох при оплодотворении); вздох (выдох) последний (умирающего) 126, 138; вредоносное женщины 144; выдох и крик 131; его виды 137; его задержка 133; его отсутствие у нежити 131; единое 133; женщин после соития 137, 137п, 142; женщины-лисы 128, 129, 136, 144; жизненное [126], 131, 137, 137п; затаить дыхание 192; и душа 128, 131, 137, 140; и мысль 133; и поцелуй 131; и разум 137; и семя 137; и слова 130—133; и тень 128; как поглотитель 137, 137п; несущее магические слова 130; нечисти 128; перехватывает при потрясении 89; поднимается к небу 130; ребенка 137; слияние дыханий 136, 142

дышать: на зеркало 128; на свое отражение 128; над одеждой беременной 130; не дышать (во время игры) 133; «п.... дышит» 142; со своими 133

дьявол 120, 172, 178; дьявольская природа числа два 172п; и ангел-хранитель 15, 158; не имеет тени 11; *см. также* черт

Дюшан, Марсель 112п

Ева 145; ее изначальная греховность 164; ее змеиные черты 167; ее лицо у змея-искусителя 145, 145п, 164, 165; и Адам, *см. под* Адам

Евангелие: васпураканское XIII в. 151; от Иоанна 207, 207п; от Филиппа 167, 167п

Европа 207

Егвард 169

единение: душ, тел 142; его символ 206; народа, национальное 206

единство: с народом 175, 198; утраченное 154

Ереван 12п, 151п, 167п, 197п, 199п, 200п, 201, 203, 203п, 206

experimentum crucis Выготского 30п

жена: в *падмасане* 124; в *пурушайите* 84, 84п, 124, 169; в 42 бандхах 124; две жены 121, 121п, 172; ее измена 144, 144п, 155; ее имя, фамилия 165, 165п, 167; ее кровь после первой брачной ночи 165; ее наказание за неверность 144, 144п; жена-близнец 165, 167; жена-вредительница, ее змеиность 165, 165п; жена-лиса 121, 121п, 172; жена-мать 150; и муж, *см.* муж и жена; и сын (во сне) 40; как чужая 123, 125; китайского ученого 123; напоминающая мать 125, 167; напоминающая нас 167; опахивает на себе двор 8; *см. также* хозяйка

жених: его половая сила 154; и невеста, *см. отдельно*; ставит ногу на закланное не им животное 151

жених и невеста 86, 108, 108п; едят из одной миски, отпивают из одной кружки, обмениваются тельными крестами 142, 142п; их неразлучность 29; их поцелуй за свадебным столом 143, 143п; как одно целое 86; опасности на их пути к венцу 150, 150п; смотрятся в одно зеркало 29, 29п; *см. также* свадьба

женщина, женщины, женское: беременная 151, 130 и 130п (ее одежда), 154 и 155 (между двумя мужчинами); бесплодная 107, 149, *см. также* бесплодие; в *пурушайите* 84; в роли волов (рит.) 190; венера палеолитическая 148; героиня фильма 114; «главные женские приманки» 80; готовая к зачатию 84, 84п; Ева, *см. отдельно*; ее близость к природе 145, 147; ее грудь, *см. отдельно*; ее клитор и какаду 43; ее крик *сит* 84; ее

левизна 145; ее лоно, *см. отдельно*; ее оргазм во сне 90, 90п; ее «плоть и хоть» 62; ее указательный палец 81; ее чувства 86; женская магия (*амбуа*) 144; женские покои 123; женский бунт 147; женский праздник 181; женское начало 146; женское, созданное искусственно 147; женщина-лиса 128, 129, 136; женщины-трансвеститы (рит.) 181, 192; завораживание, заговаривание ее любви 130, 130п, 132, 137, 137п; заполняет это пространство 86; и дружба 145; и ее отражение-лиса 128; и искушение 145; и книга о любви 87; и мужчина, *см. отдельно*; изменившая мужу 144; их вызывающее поведение (рит.) 181; их былое величие 182п; их власть 176; их нагота 181; их танец 181, 181п; наполненная дыханием 142; овладевать ею 151; перешагивает через свою жертву 7; подруга 145; повергает в *кох* чужого сына 151; превращение в нее 86; с семенем и без семени 137, 137п; способ отвратить ее от себя 130, 130п; уподобляться ей 84; шлюха 64; *см. также* баба

женщина и мужчина, женщины и мужчины 25, 176, 180; Адам и Ева, *см. под* Адам; андрогин, *см. отдельно*; беременная между двумя мужчинами 154, 155; их взаимная зависть 147, 147п; женское и мужское 147; женщинам принадлежали мужские тайные ритуалы, у мужчин была раньше менструация 182, 182п 182; на изображении из Лоссель 63, 82; невзрачные самки и нарядные самцы (у животных) 145, 180; перевертываются / сближаются праздником 181; перекрестная связь между ними 146; переодеваются в одежду противоположного пола 147, 179—181, 190, 192; подражают друг другу 147, 179; соединенные в объятиях (такую форму принял Пуруша) 86

жертва 160; ее ритуальное убийство, жертвоприношение 159, 169, 164, 195; ее сожжение, ее запах 130; ею становится младший брат 158, 159; жертвенный буйвол 141; и жертвователь 159, 159п; и хищник на фасаде церкви Богородицы в Егварде 169; магии 144; на дереве (у дерева), проросшая 159; невинная, след вины за нею 159, 160; первожертва 159; себе 119; через нее перешагивает женщина 7

жест: Наполеона 52; обезьяны 125; ребенка 125

животные, звери 99; антилопа 40; бык 131, 131п, 151 (убитый Митрой, обряд «заклание быка»), 166 и 166п (Сет в виде

быка); буйвол жертвенный 141; волки 5, 5п (и Фарли Моуэт), 24 (человек, воспитанный волками); волы (женщины в их роли) 190; добыча, преследуемая охотником, превращается в девушку 169; животное, герой картины 110; животное состояние 182; животное-тотем 53; животные предки человека 185; «животные» черты праздника, животные черты, приписываемые человеческой агрессивности 196; заяц (в Кащеевой смерти) 160, 160п, 170; звери живые и резиновые 3; звери и люди в реконструкциях и мифах 182, 196; звери притягиваются праздником 178; звериная, почти звериная или полузвериная природа тотемных предков 178; змея, *см. отдельно*; зооморфный код мифологемы первых близнецов 169п; и дети 195; их игры 3, 195; конь 194 (осел вместо него), 137 (Саранью в образе кобылы); корова 131, 131п, 139 (волшебная), 170 и 170п (под нее укрывается / в нее превращается противник бога грозы); кошка 3 (котенок и клубок), 40 (из сна), 121 и 121п (котята превращаются в мышат); крокодилы 43; крольчиха-бандикут 144; летяга 181; лиса, *см. отдельно*; люди-звери 182; маски зверей 178; медведи 178; морж 62; на празднике 178; невзрачные самки и нарядные самцы 145, 180; обезьяна, *см. отдельно*; осел (вместо коня) 194; переодеваться в них 182; последовательность животных, в которых превращаются Пуруша и его женская половина 170, 170п; птицы, *см. отдельно*; регулируют свою агрессивность 195; собака, пес 130, 130п, 166 и 166п (Исида в ее облике), 128 и 128п (преследуют лису-оборотня), 159 (грызут цепи Артавазда); скотина (печенье в гадании) 205; «скотоложство» (слово) 115; слоны 43; тигр 40; триада корова, бык, теленок 131; хищник и его жертва, благое терзание 169, 169п; хозяйка зверей Дали 62; черепаха (и Ахилл) 176; ягуар, хозяин леса 169

жизнь В, 4, 120, 123, 125, 148—151, 172, 181, 184, 189, 205, 207; будничная (будни), повседневная, обыденная 176—179, 194—196, 196п, 198, 200, 201, 204; героев 114; древо жизни 160, 164, 164п; ее «выжимка» 207; ее модель 205; ее круги 207; жизненное дыхание [127], 131, 131п, 137, 137п; жизненные силы 137, 137п; и смерть, *см. отдельно*; новая 147; образ жизни прачеловека 196п; отца и матери, на нее посягают близнецы 146, 146п; праздничная 177; прошлая 138; путь жизни 107

жизнь и смерть: вечная смена жизней и смертей, древо жизни и смерти 164, 164п; пшеничного зерна 67, 207; смерть старого тела и рождение нового (в бане) 71; *см. также* возрождение *и под* триада

забвение: *бубваяйта* 138, 138п, [139]; вода из Леты, пение сирен 139

заговоры, заклинания 29, 123, 130, 139; в обряде убийства крольчихи-бандикут 144; в тробрианской любовной магии 130, 130п, 137, 137п; введенные во вредоносную кость 132, 144; для оплодотворения женщины 137, 137п; для укрепления мужской силы 62, 62п; на смерть новорожденного 120, 120п; против дневных и ночных криков младенца 70, 70п; теряют силу 146; формула 132, 172 (*яджус*); черный 15; чтобы женщина пропала в джунглях 130, 130п; *ювисила сайкеуло* (заклинание одежды беременной) 130, 130п

зад: анальный клитор 179, 179п, 181; задний проход 81 (у ругаемого, у грешников в Аду Босха), 137 (через него вдувают душу), 179 (плод *мбуанди* в нем); задом наперед установленный плуг (рит.) 190; задом подают младенца в избу 102, 102п; и перед, перевернутые в празднике 179; идти задом 101п; мышцы сфинктера не срабатывают у инициантов от страха 186; низ телесный 62, 81; «палец-задница» 81; пинок под зад 64

Зангезур 190, 192

Запад 155

запах 40, 130; заговоренный 130; и забвение 139; жертвы 130; хозяина и хозяйки 142, 142п; семени в дыхании (после соития) 137, 137п, 142; «слышать запах» 139, 142

зародыш, плод: будущего космоса 200, 201; его замешательство и сомнения 84, 84п, 155; случайный в гуще хаоса 199

Звартноц: в Ноевом ковчеге 207, 207п; как сверхструктура армянского космоса 206

звери, *см.* животные

звук, звуки: беззвучный ответ 30; заговоренной трубы 132; звуки-слова 132; звучание языка родителей 30; и дыхание 131; крики 84 (*сит* женщины), 70, 70п и 131 (младенца); не слышать их

84; отрыжка 131, 131п; проникают в душу 139; собственного голоса 173, 173п

Зевс 155

землетрясение 203, 206

земля: благословление на земле во время черной мессы 15; вспахивается женщинами (от болезни) 8; горсточка земли во рту младенца Кришны 185; ее чувствительность ко греху 161; не держит героя 160; погибший близнец спускается под землю 163; состояние до ее появления 15; хтоническая прародительница 192; хтоническое происхождение героев 160

земля (страна): чужая, «змеиная» 165

зеркало: в свадебных обрядах 29; волшебное 18, 19, 19п, 121, 128, [144]; гадания с ним 18; двойник в нем 124; его завешивание в доме с покойником 16; его обратная сторона 15, 19; зеркальная пара 156, 156п; зеркально-симметричные звенья дерева 163; зеркальное отражение, *см. под* отражение; зеркальность 146 (человек избегает ее), 158 (взаимная близнецов), 171 (героя и противника), 178 (иного мира), 156 и 156п (трехчастные зеркально-симметричные композиции); и другой 31; и дыхание нечисти 128; и душа 128; и обезьяна 15; и ребенок 15, 15п, 23; и убийца 15; изучение себя в нем 24; кривое 15; «Не всматривайтесь в старые зеркала» 17; отражаемое в нем 18, 112, 112п; отразившее лису 19, 19п, 128; пустота чистого зеркала 128; разбитое 16

зло 121, 145, 174, 201; древо познания добра и зла 164; жена-вредительница 165п; зима как Зло 201; злоба 135, 203; злобное целое старших братьев 157; злое начало близнеца 15, 159; злые духи 120, 150, 155, 172, 174 (их бессилие); злые люди 50, 105, 105п; злые слова 135; и добро 11, 121, 151, 156; мачеха 18; нечистая сила, *см. отдельно*

змей, змея, змеиность: австралийский мифологический питон 170п; Васуки 165; Великий Змей (австрал.) 178; вишап, *см. отдельно*; вычлененная из нас самих 167; его абсолютное знание 31; его дочь 165; змееборство 165; «змеиная» земля 165; змеиная природа Сета 166; змеиная тема 166; змеиность жены 165,

165п; змеиные черты в близнеце 163, 164 (сестра-близнец), 165; змеиные черты Евы 167; змеиный код мифологемы первых близнецов 159п, 166; змеиный *кох* 152, 152п; змей-искуситель [31], 145, 145п, 164 и 165 (у него лицо Евы); змии в водах 151; Кундалини 167; противник Громовержца 160п, 170; с драгоценным камнем во лбу 104; супруг-змей 165; Тифон 166

Золотой век 81

зритель, зрители 181, 185, 190, 194, 203; и исполнители 40, 203; и фокусник 133; перед картиной 13, 85, 112, [117]; праздничной демонстрации 200; разъяренные Хан-Паши 195; тревожное чувство у него 13; фильма 114, 191

зубы: и душа 140, 140п

И, стрелок из лука 120

Иаков и Исав 157

иатмул, *см.* папуасы Новой Гвинеи

Иван и Марья (купальские брат и сестра), иван-да-марья (цветок) 164, 164п

Иванов, Вячеслав Вс. 160п

Иванушка-дурачок 73

игра: в шашки с самим собой 28; детей 195; для определения вещи и места, *см. под* ящик; зверей с резиновыми собратьями, котенка с клубком 3; игровая агрессия 195, 195п; игрушка (заводная) 75; с ящиком, *см. под* ящик; *чедугуду* 133, 133п

изображение: двойное тотемного предка 174; и рассказ 164; незавершенность в нем 79; членов в соитии 79

Иисус Христос 151, 155, 159, 162

имя 179, 203; близкие имена у супругов 165; близнецов 157, 165; жены, совпадающее с именем мужа 165, 165п, 167; звать по имени 101; и его значение [64], [81], 157; именинник 205; называть-превращать 121, 121п; переименование 203; праздника и его главного атрибута 203; придумывать его для неописуемых состояний 89

инверсия, *см.* переворачивание

индийцы, индийское 29, 29п, 53, 79, 79п, 84, 84п, 86, 86п, 107, 122, 133, 133п, 137, 137п, 139, 139п, 145—147, 146п, 165, 165п, 167, 170, 170п, 172, 172п, 184, 184п, 185, 188, 207

инициация, посвящение 186; герои инициационного типа 161, 161п; иницианты 161п, 186, 186п; инициационный андрогин, инициация мужская и женская 168п; мальчиков в одежде матери 141, 141п; на дне моря 157

инки 169п

инцест, кровосмешение 165, 170, 170п; Адама и Евы 164; близнецов в утробе матери 170; его предотвращение, и мировое древо 164; инцестуозные брат и сестра 66, 66п, 164, 164п, 166, 168, 168п; «инцестуозный» эпизод в поединке Сета с Хором 169, 169п; неудавшийся между Сетом и Исидой 166, 166п; тяга к нему 170

Иона 161

Иосиф 157

ирокезы 157, 157п

Исида 166, 166п, 169

ицзу 141, 141п

йогин 167

каббалист 98, 206

Кавказ 142

Каин 166, 166п

кайтиш, *см.* австралийцы

Калахари 169

карнавал, карнавальное 177п, 179, 183, 184, 190, 190п, 193, 201, 204; владыка 194; действо 191, 194; его герои и персонажи 178п, 184; его переворачивающая энергия, переворачивание 176, 187, 193; и клоуны 179; и сатира 193; карнавальная и внекарнавальная агрессивность 195; карнавальность 179; модель армянской истории 194; нотинг-хиллский 195, 195п; одежда 194; переворачивание 176, 193; площадь 178, 179; порождает / притягивает революционеров, перевертышей 193; революция 195; совокупление 179—181; трансвеститы 181

картина, рисунок, композиция и т. п. В, 116, 117, 134; Ад музыкантов Босха 81; ангел, нарисованный на земле 110; детский рисунок 42, 95, 108; *Etant donnés* Марселя Дюшана 112п; изображение из Лоссель 63, 82; картина с зеркалом 112п; картины Гаяне Хачатурян 116, 116п; коллаж 185; мандала [97], 205; «Незабываемое утро 1911 г.» 12, 12п; петроглифы 158; портрет Дориана Грея 128; рельефы церкви Сент-Шапель 207, 207п; Распятие в интерпретации Лилит Амирджанян 162; Распятие на миниатюре Бертольда Фуртмейра 164п; сцена Крещения на васпураканской миниатюре 151, 151п; сцена терзания на фасаде церкви Богородицы в Егварде 169; сюрреализм 185; трехчастные зеркально-симметричные композиции 156, 156п, 158; Чета Арнольфини Яна ван Эйка 112, 112п; юмористический рисунок 185, 185п; *см. также* изображение

Кауравы 50

Кения 141, 141п

кентавр и подобные существа 45

китайцы, китайское 19, 19п, 36, 36п, 76, 76п, 120, 120п, 121, 121п, 123, 123п, 128, 128п, 137, 137п, 147

классицизм 75

клитор: анальный 179, 179п, 181; и какаду 43, 43п; от него освобождаются девушки (в Африке) 168

клоун: и карнавал 179; мастер дзен как клоун 185, 185п; передразнивает нас, отражение в кривом зеркале 15; *см. также* шут

клубок 3; дорога как клубок 99, 99п; синергетический на ереванской площади 199, 199п

Кока-шастра 84п

колдун: его превращения 53

кольцо 146; не имеет конца 98, 98п; чудесное Ганса Карвеля 81, 81п

конец 93, 93п; дороги, пути 92, 93, 101; его нет у кольца 98, 98п; и начало, *см. под* начало; читать с конца (службу во время черной мессы) 15

конкуренция: двух площадей 203п; мужчин и женщин 147 и 147п (их взаимная зависть); одинаковых духов 174

корни (дерева) 113, 119 (мирового древа); идущие вглубь, стелющиеся по поверхности 178

космос, Вселенная: армянский 206; будущий 199—201; во рту младенца Кришны и на карикатуре 185; допраздничный, послепраздничный 199, 201, 202; его возрождение 200; его модель 205, 207; его праздничный распад 200; его структура, сверхструктура 200, 201, 205; и хаос 202; космогонические мифы 15, 166п; общество-космос 200; повседневной, обыденной жизни 200, 201, 204; советский 202, 203; старый и новый 199, 202

кох 150—155; его снятие 150, 150п; змеиный 152; как единоборство 152; *кох*-попирание 151, 169; няни 153; отца 150, 152; причиняемый дочери 154; способы избежать его 151

Крамрайн, Н. Росс 198п

крест: Крест-древо 164; крест-камень (*хачк'ар*) 164; крестовые братья 142, 142п; перекреститься 140; Распятия 164 (как древо жизни), 164п (апокрифическая история о нем); расцветший 164; тельный (нательный) 103, 103п, 142, 142п

Крещение 151, 151п

Кришна 185, 185п

кровь: в магии против неверной жены 144; жены после первой брачной ночи 71, 165; из оперированного члена, извлеченная из малых срамных губ 147; кровная месть, кровник 150; кровное родство 170; кровосмешение, *см.* инцест; кровотечения месячные, *см.* менструация; первая 195; праведника (Авеля) 166

круг, окружность 97, 98; вписанные в него фигуры, деление его на части 97; каббалиста 98; как первый архетип 148; как символ безопасности 148; круги жизни 207; круглая площадь 203, 206, 206п; круглые в основании здания 148, 206; круговые действия 148; кругом оборачиваться, кружиться 96, 98; магический, оберегающий, охранный 98, 98п, 108, 148, 196, 206; мандала 205; материнский, материнского лица 148, 148п; описываемая заблудившимся 145; порочный 196; «стать вкруг» (пожара) 97, 97п

кузнецы: как драконоборцы, на границе природы и культуры 205, 205п; укрепляют цепи прикованных героев 159, 160, 204, 204п

культура: ее модель 74п; ее «сорняки» 189; ее «храм» 206; и природа 145, 147, 178, 196, 205; иная В; культурная триада, *см. под* триада; культурно приобретенное 189п; «культурное» поведение 196; культурное (человеческое) В; «культурный» хаос 196, 204, 206

Лао-цзы 76

лгать: лживые дела, слова, мысли 121

Леонардо да Винчи 34

Леви-Брюль, Люсьен 178п

левое: близнец 158, 163; блуждание 206; бок 15, 120, [121]; бунт 147; нога 15, 146; плечо (сплевывать, оборачиваться через него) 15, 96; ребро Адама, левизна женщины 145; *см. также* правое и левое

Ленин, Владимир И. 200п, 203п

Лета 138

лиса 37, 128, 144; девушка-лиса, лиса-оборотень 19, 121, 121п; развратная женщина, ставшая ею 128

лицо: Евы у змея-искусителя 145, 145п, 164, 165; личина 19 и 128 (девушки-лисы), 37 (образов), 129 (нежити); матери, возврат к нему — regressus ad faciem 148; «на одно лицо» (о мертвецах в царстве мертвых) 149, 149п; первое лицо в языке 25, 25п, 26

лихорадка: обманывать ее 103, 103п

Лондон 195, 195п

лоно, вульва, влагалище 82 (йони), 142, 168, 181; баня-лоно 70, [71]; его всепоглощающее свойство 8, 80; его обнажение 8, 70, 179, 181; его плодородие 82; и задний проход 81; обувь 64; и фалл [80], 82, 147, 168; как могила [7], 8, 107; клитор, *см. отдельно*; крайняя плоть как его символ 168; малые срамные губы (кровь, извлеченная из них) 147; маорийской прародительницы 192; материнское 107, 125; повивальной бабки 70; *см. также* утроба *и* чрево

Лоренцен, Пауль П. 31п

Лоссель 63, 82

луна: и менструации 147; и месяц 65

любить: «всей душой», «всем сердцем» 142; «любить» как «хотеть иметь» 124; любоделец, любящий дело, филург В, 54; любящий мудрость, философ В; любящий слово, филолог В; себя в другом 125; свое отражение как другого 29

любовь 124, 124п; акт любви 54, 86, 169 (и насилие), *см. также* соитие; возлюбленные 145, 167 и 167п (их близнечные черты); ее заклинание, пробуждение 130, 130п, 132 (заговоренной трубой), 136 (игрой на флейте), 137, 137п; ее законы 124, 125; запретная, *см.* инцест; и ненависть 175; и противоборство 169; как привычка 125; книга о ней 86, 87; любовная страсть 51 и 51п (самца бабочки-бархатницы), 79 и 79п («колесо страсти»), 81 (средневековых женщин), 132 и 137 (завороженных женщин), 145 (минутная); любовные бандхи 53, 84, 84п, 85, 124, 124п, 142, 169; между первым ребенком и последующими детьми 141, 141п; мужа к жене 124; отца к новорожденному ребенку 141; путь Любви 175; «стрелы любви» 170, 170п; «хахаль»-любовник 187; храм «песни и любви» 206, 206п; царь-девицы в яйце 170, 179п; Шивы к своей женской половине 86; Эрот 124, 124п; эротическое возбуждение 79, 169 и 169п (воинов и охотников)

маг 121, 123; черный 16; не профессиональный 121, 123

магия 132, 151; автоматическая, бессознательная 122; без слов / заложенная в словах 123, 144; белая 122; буддийского монаха 123; ее законы 132; ее механизмы 149; женская вредоносная (*амбуа*) 144; любовная 130, 130п, 132, 136, 137, 137п; магический круг 98, 98п, 206; магическое действие 132 и 132п (дутье, нацеливание костью), 137; магическое средство для изменения роста 44; магия забвения 138, 138п, 139; мертвой золовки 149; отворота 130, 130п; передача магических знаний 146, 146п; против неверной жены 144, 144п; растение *сулумвойя* 137, 137п, 164, 164п; сдуваемая сильным ветром 130; совершенномудрых 128; чары 123; черная 149

Мадура 146, 146п

майя 169, 169п, 198п (современные)

Малые Зондские о-ва 166п

мандала [97], 205

маори 136, 136п, 192, 192п

Маринка 165

Мария (Богородица) 155, 169 (церковь Богородицы в Егварде)

Марутян, Тиран 206

Масис (Арарат) 159, 162 (в основании Голгофы)

маска, маски 133; архетип Маски, фильм «Маска» 183; в Хан-Паше 194; ее закон 183; ее сдувает фокусник 133; и праздник, маскарад, маска после маскарада 183; люди в масках зверей 178

масленица 190, 201, 201п, 203, 204п; Масленица, масленичное чучело 194, 201—203, 201п, 205, 206; *см. также* Барекендан, Хан-Паша

мастер 40, 78, 93, 104, 112 (Ян ван Эйк), 123, 145, 185 (мастер дзен)

масштаб: героев сказок 43; образов сна 41, 44

математика 34, 75

Матенадаран 151п, 206

мать: «бабка-мать» 70; «баня мать родная» 70, 70п; влечение к ней, обладание ею, как сексуальный партнер сына, сын ищет в ней утраченное единство 154; выбирать ее 60; две матери вместо одной 121, 151; действовать как она, походить на нее 60; ее доля брата (в ругательстве) 157; ее лицо 148, 148п; ее лоно 107, 125; ее привычка пугать детей, ее смех с ребенком 184; ее проволочный макет 60, 60п, 148; ее утроба, *см.* утроба материнская; ее частица в нас 146; ее шерсть (об обезьяне) 125, 148; и дурак, «матушкин сынок» 146; и ее мертвый плод 149; и жена 125, 150, 167; и отец 146, 146п, 180, *см. также под* триада; и ребенок 95, 95п, 107, 121, 150—152, 169 (детеныш обезьяны), 187, 187п; и сын 146, 146п, 154, *см. также под* триада; кошка-мать загрызает котят 121, 121п; кровника 150; материнское молоко 167; материнские родственники 179, 180; матриархат 176; мачеха 18; не может навредить своему ребенку, сглаживает его 121, 150; предохраняет ребенка от *коха*, усыновляет возможную жертву *коха* 150; приемная Кришны 185; рождает героя один раз 171, 171п

Мауи 192, 192п

Махабхарата 165, 165п
Мгер Младший 160, 160п, 161 (его вредоносность), 162
Мексика 198п
меланезийцы 168п
менструация 147; мужская 147, 182, 182п
мео 136, 136п
мертвец(ы), покойник(и) 98, 98п, 103, 104, 128, 138, 170; вечно живой 200; встреча с ним на дороге 101, 101п; его отражение в зеркале, предохранение от его дурного воздействия 16; его путь 104, 104п; его рука 98, 98п; их обитель, царство 149, 149п, 170; мертвая золовка и ее магия 149; опасный для мира 104, 104п; у них один облик 149, 149п; явление умерших путникам 122п
месса черная 15
место, места 18, 38, 72, 73, 120п, 133, 133п, 178; борьба за одно место (сына и отца) 150, 151, 154; в жизни 151; временное пустование 72; героя, царя 50, 157; два места, связываемые путем 93, 94; его отсутствие 72, 72п; его расширение 157, 158; и вещь 33, 36, 72, 74, 77—80, [125], 150 (одно место для двух вещей), 151, 156—158 (закон соответствия), *см. также под* ящик (игра для определения вещи и места); и его хозяин 72; максимально защищенное 152; менять(ся) местами В, 84, 176, 177, 179; «настоящее», истинное, свое 73, 78, 80; полярные 158; противопоставленные 156; родимое 70; сопричастность одному месту 59, 150, 151, 156—158; старое 100; стояние на месте 75
микронезийцы 7, 7п
мир (община): «всем миром» 174; и домочадцы 104; мир и согласие 122; *см. также* общество
мир 147, 159, 172, 175, 185; австралийца 124; верхний, нижний 158, 161, 163, 171; видимый и невидимый 156; внешний, хаотический 97, 106, 155; грозящий ему хаос 204, 204п; его гибель, разрушение 160, 161, 204; его двоичное деление 176; его мифические творцы и устроители 159; его модель, модель его восприятия 124п; 201, 207, *ср.* модель космоса; его начальное состояние 147; его переустройство 146; его происхождение 15, 15п; его

элементы 205; иной, другой, потусторонний, 81 (Ад музыкантов Босха), 87, 138 и 138п (рай тробрианцев), 149 и 149п (царство мертвых), 178, *см. также* свет иной, тот; карнавальный 201; микромир 199; мировое древо, *см.* древо мировое; мировое яйцо 160; миропонимание 156; Поднебесная 76; праздничный и будничный 177, 179; предков 178; свой, чужой 97, 105, 106, 109, 204; три мира 172; *см. также* свет

Митра 151

миф(ы) 158; и ритуал 164, 182; люди и звери в мифах 196; мессианский 162; мифологема первых близнецов, *см. отдельно*; о Мауи 192; о Мгере Младшем 162; о мужском перевороте 182п; о начале, дуалистические космогонические 15, 156, 166п, 178, 182, 196, 196п; о прикованном герое 162; об андрогине 167п; об Осирисе и Сете 166; основной (индоевропейский) 160, 160п, 166, 166п, 170, 170п

мифологема первых близнецов 159п, 160, 160п, 166, 166п, 169, 170; ее гибридные варианты 166; ее змеиный код 159п, 166; ее зооморфный код 169п; и основной миф 160п, 166п

Мовсес Хоренаци 159п, 204п

могила 16, 103, 103п; в обрядах против бесплодия 6, 149; и баня 120, 120п; и мертвец 72, 72п; и чрево / лоно 6, [7], 8, 107; на дороге 107; нартских близнецов 156; пещерная Христа 162; поглощающая болезни 8; телесная 69

мода 176, 178, 183

модель: жизни человека 205; Звартноца 207, 207п; зерна 207; армянской истории карнавальная, мира армянская 194, 207; восприятия мира кинематографическая 124п; космоса 205 и 205п (выпеченная), 206, 207; культуры 74п; Масленица как модель мира 201; общества 200, 207; общечеловеческая, универсальная, узконациональная 207; проволочный макет матери 60, 60п; прошедшего и будущего года 205

молчать, молчание: в магии 123; в ответ на вопрос 30, 31; в ответ на молчание 123; дурака 172; другого 30, 31; жены китайского ученого 123; и мысль 172, 172п; и отчуждение 123; молчаливый повтор (в ритуале) 172п; «молчать» как «говорить себе» 122, 122п; неопределенность в нем 172; перед дорогой 122; со

своими 122, 123; ребенка в коллективном монологе 30; чтобы сбылось желаемое 123, 173

монолог коллективный 30, 30п

монофизиты 155

моча: в магии против бесплодия 6, 149; в системе противопоставлений у гурурумба 147; ее вредоносные качества 7; женская поза при мочеиспускании 147 (принимаемая мужчинами), 147п (у горилл); как мертвый ребенок [6], 149; как наказание 7; Фарли Моуэта, подражающего волкам 5

Мсрамелик 171

мудрость: житейская 120; любящий мудрость, философ В; мира в молчании дурака 172

муж: и жена, *см. отдельно*; *см. также* хозяин

муж и жена, супруги 8, 86, 86п, 87, 123—125, 142, 142п, 145, 150, 165; близнецы-супруги Осирис и Исида 166; брачное ложе 86; будущие 142; жена обновляется в объятиях мужа 124, 125; жена «умирает» в объятиях мужа 87; дух и душа 142; едят / не едят вместе 142; их имена совпадают / у них близкие имена 165, 165п; их любовные позы — бандхи 53, 84, 84п, 85, 124, 124п, 142, 169; их первая брачная ночь 71, 165; их семя 131; как целое [131], 150; меняются местами 84; муж возвращает жене змеиный облик 165, 165п; сороковины постели 150; супружеская близость 71, 84, 86, 131, 142, 169, *см. также* соитие; чета Арнольфини 112; *см. также* жених и невеста

мужеложство, *см.* гомосексуализм

мужчина, мужчины, мужское 25, 39, 66, 79; Адам, *см. отдельно*; его фалл, *см. отдельно*; естество 184; и женщина, *см.* женщина и мужчина; из § 12 85, 110; переворот 182п; *пурушайита* 84, 84п, 169; с заслугами в прошлых рождениях 84; тайные ритуалы 182

музыкальные инструменты: гуделки австралийцев 178; дудка Эрлика 137; мелодичный инструмент и продувающий его ветер 89, 90; труба австралийцев 132; флейта-*коауау*, флейта-*кхен* 136, 136п

мундугуморы, *см.* папуасы Новой Гвинеи

муринбата, *см.* австралийцы

мысль, мысли: в смятении 120п; дурные 121, 122; единая 133; злые (во вредоносной магии) 144; и воздух, дыхание 133, 135; и голова 139; и молчание, и неопределенность, невысказанная 120, 172, 172п; о Боге, и молитва 120; нетвердая, и неуверенность 120; и слово 133, 135; и торжественность 205; лживые 121, 135; мысленно привести в движение 28; мысленный взор, мысленные образы 32, 33, 123; мысленный ответ 101; мыслить 139; наедине с ними 133; недоверие к ним 120; при исполнении магического обряда 144; ранить ее (передумать) 144; философа В

мышление дологическое 178

наблюдатель 79, 87, 132, 133, 169, 200, 203; антрополог, этнолог В, 198п; сверхструктуры главный 203; из § 2 10, 14, 27, 88, 115, 175; изучающий праздник 198; историки 181; наблюдение и описание 87; психологи, *см. отдельно*; структуралист 199; филолог В; философ В; филург В, 176, 196; человеческое в нем 88

наказание: неверной жены 144, 144п; мочиться на наказываемого 7; накрывать лоном 8

Наполеон 52

напряжение, напряженность, беспокойство 79, 97, 204, 204п

Нарцисс 32, 125

национальное: единение 206; исконная территория, священное прошлое 178; национализм 199; 178; танцы 200; триколор 199; узконациональная модель 207; черты героев и антигероев 161; чувства 160

начало 203; времен 166, 178, 182, 196, 198, 204; всех криков ребенка 70; его поиск 170; женское в нас 146; историческое, эволюционистское 182; и конец 93, 93п, 95, 95п, 104, 132, 164 (сведение их воедино), 201, 206; миф о начале 156, 178, 182, 196, 196п; пути 93, 95, 96, 104, 107, 122; слово в начале 174

невеста: добытая из «змеиных» земель, как чужая 109, 165; ее плодоносные качества 154; *см. также* жених и невеста

ненависть 110; и любовь 175; способ избежать ее 175, 198

неразличение: движущихся предметов бабочкой 51, 51п; «еще» и «уже», начала и конца детьми 49

неразлучность: отражения и отражаемого 29; жениха и невесты 29; существа и его двойника 16; тени и предмета [10], 16

Несмеяна 192, 192п

Несторий 155

нечисть 128, 138: *алы* 150; *банник* 71, 71п, 72; бесы, злые духи 120, 120п, 150, 155, 172, 174; борьба с ней 160; ведьма 121; вишап, *см. отдельно*; водяной 131п; девушка-лиса, женщина-лиса, лиса-оборотень 19, 121, 121п, 128; демон 75, 98, 120, 121, 121п, 141; домовой 101, 101п, 131п; дракон, *см. отдельно*; дьявол, *см. отдельно*; дэв 159п; змей, *см. отдельно*; Кащей 160, 160п; *к'аджк'* 15, 15п, 121, 150; ламии 7; леший 101, 101п, 131п; нежить 129, 129п, 131, 131п, 149 (ее законы), 178; оборотни 96, 128; привидения 72; «старики» 178; *тпха* 150; тролль 140, 140п; черт, *см. отдельно*; чудовище, *см. отдельно*; *хыпли́к* 140, 140п

Нидерланды 191

Новая Гвинея 146п, 147, 179

новорожденный 141, 147; вечная «новорожденная» (о банной дуре) 71; его крики 70, 70п, 131; его обносят вокруг бани 70; его сороковины, сорокодневье 150, 150п; его умертвление, пожелание его смерти 120, 120п, 131, 131п; и его мать, и его отец 23, 139, 141, 141п, 150—152, 150п, 152п; и *к'аджк'и* 15; и сглаз [121]; макак 60, 148; подвергается *коху* 150—153, 150п, 152п

Новый год 204, 204п

нога, ноги 146, 192; ногами вперед (о покойнике) 104; и туфля 64; Маринки, их отсекает Добрыня 165; не чувствуют землю 127; ножные браслеты 84; переворачивать с ног на голову 185; попирать ею, ставить ногу на закланное животное 151, 151п, 152; правая и левая 15 (левая нога в черной мессе), 145 (разница в шаге), 146 (левую ногу отрубают в сказке); «протянуть ножки» 140, 140п; прощупывать землю ногой 181

Ноев ковчег: как модель / прототип космоса 207, 207п

ноздри: через них проникают заговоренные благовония / зловонный дым 130, 130п, 137, 137п; через них удаляют мозг при мумификации 137

Номмо 165, 165п

обезьяна: и зеркало 15; новорожденный макак и его проволочная мать 60, 60п, 125, 148; поза мочеиспускания у горилл 147, 147п; поза подставления у них как знак подчинения и просьбы 169, 169п; шимпанзе мастурбирует в ожидании задачи 90, 90п

обмениваться: душами, телами 142; тельными крестами (жених и невеста, побратимы) 142, 142п

обнажение 179; в бане [71]; души 140; лона 70 (повивальной бабки), 179, 181; ритуальное 8, 70, 181; частичное 8, 79, 181

образ самого себя 20, 22—24 (у слепца, у человека, воспитанного волками), 27, 125; в зеркале, свое отражение 14, 15, 22, 27, 29, 29п, 112; во сне 25, 27, 37, 39, 40, 68; видеть целиком свое тело 23; и другие 24, 27; и язык 24; ребенок открывает себя 173

образ(ы): бестелесные 34, 38; возлюбленной у близнецов 125; Эвартноца как символ единения 206; и их прототипы 33, 37, 42; их «столкновение» 37; прообраз 43, 205; рога изобилия, его истоки 82п; самого себя, *см. отдельно*; сюрреалистические 185; хаоса 201, 204

обре́зание 168: и подрезание молодых побегов 67, 67п

обряд, *см.* ритуал

обувь (башмак, лапоть, сапог, шлепанцы, калоша) 64, 95, 95п; ее половые различия 64; и лоно 64; и путь 95

общество 176, 200, 202, 207; агрессивность в нем 194; архаичное, традиционное 178, 195, 202; глухонемых детей 30; гражданское 198 и 198п (как праздничный фантом), 199, 206; дочеловеческое 185, 196; дуально организованное 193; его главные и второстепенные противопоставления 198; его модель 200, 207; его невидимая структура 207; его сатирический рисунок 193; его три состояния 200п; иноязычных детей 30; напряжение в нем 193 (структурное), 194, 204п; неменяющееся и меняющееся 198п; общество-космос 200; послепраздничное 199; советское 200, 202, 203; средневековое европейское 177, 179, 193; эгалитарное 193; *см. также* мир (община)

одежда 86; беременной 130, 130п; больного на жертвенном буйволе 141; вдовья 179; ветхая и грязная 179; вызывающие наряды

145; головные уборы 180, 181; ее узнаёт болезнь 149; карнавальная, костюмированный бал, переодевание праздничное 179, 182, 183, 194; матери 141, 141п; мода, показ мод 183; наизнанку 101, 101п; носки отца (в ритуале) 152; обувь, *см. отдельно*; оставшаяся от женщины-лисы 128, 128п; отцовская рубаха 141; переодеваться в животное 182; платье живой на мертвой золовке 149; подвергшегося *коху* ребенка 150; покойника 149; противоположного пола 147, 179—182, 180п, 190; рубашка, в которой крещено первое дитя 141, 141п; юбка из шкурок летяги 181

Óдин 119, 119п, 159

Одиссей 87

окно, окошко 95, 95п, 106, 106п, 128

окружность, *см.* круг

Олеша, Юрий К. 193

описание: действия 56; его невозможность 89; и наблюдение 87; как путь 32; любви 87; пасущегося кенгуру 124; смерти 87

Осирис 157п, 166, 169

отверстие, отверстия 137; в голове 137, 139; дымовое (*ердик*) 150; классификация по ним живых существ 137, 137п; пять божественных отверстий в сердце 137, 137п; тела, естественные и искусственные 137, 137п, 140, 161 и 161п (выходы из тела чудовища)

отец: двойное отцовство 155п; дух-отец 155; его попирающая нога 152; его рубаха, его носки (в ритуале) 141, 152; и дочь 146, 146п; и мать, *см. под* мать; и сын, *см. отдельно*; небесный 158; отцовские родственники 180; потенциальный 155; снижается до женщины (в ругательствах) 169; царь как всеобщий отец 154

отец и сын 40, 139, [141], [141п], 150—152, 152п; борются за одно место 150 (отец как соперник сына), 151, 154 (сын угрожает отцу в пророчествах); и близнецы 160; отец и новорожденный 139, 141, 141п, 150—152, 150п, 152п; отец и пасынок 146, 146п

отражение (в воде и зеркале) 14, 22, 110, [116], 128; ангела 19; бога как чёрт 15, 158; его отсутствие 16; плохие качества, его привычка передразнивать 29; и отражаемое 18, 19 (суть отраженного); и тень 19, 128; как душа 128; лисы и красавицы 128;

Нарцисса 29; нечисти 15, 128; покойника 16; ребенка 15; самого себя, *см. под* образ самого себя

отшельник, риши 145, 165, 167

охранять, оберегать 109; ангел-хранитель 15; дерево охраняет 120; клитор, охраняющий земляную печь 43; ненадежные места на границе своего мира, порог дома 105, 105п; охранный круг 97 (окружность), 206; уши 139

палец, пальцы: в заднице, «палец-задница» 81; в магии с хребтом рыбы *умлайбаси* 137, 137п; женщина дует на них (в магии) 144; и чудесное кольцо Ганса Карвеля 81, 81п; как фалл, указательный как бесстыдный 81; мизинец Ахсара 157; показывать его (для смеха) 118, 185

памятник 200; борьба с ним, статуя Ленина 203, 203п

память [59]; борьба с нею 203; во сне 25 (о себе), 38; застывшая о «вечной» схватке близнецов 163; Кришна стирает увиденное из памяти матери 185; «Незабываемое утро 1911 г.» 12, 12п; об иноземных поработителях 194; о праздничном и забвение повседневного 196, 196п; потеря ее, забвение прошлой жизни, забытая близнечность, забытое драконье прошлое, 25, 79, 138, 138п, 156, [160], 159; руки художника 156, 164

Пандавы 155

Пантагрюэль 64

Панург 54, 80, 80п

папуасы Новой Гвинеи 147; гурурумба 147; иатмул 179, [179п—181п], [180], [181], [184]; мундугуморы 146, 146п

парад 200, 202, 203, 207, *см. также под* праздник (праздничная демонстрация)

Париж 80, 80п, 207, 207п

пасха 65

первое: борьба за первенство 157, [170]; братоубийство библейское 166п; брачная ночь 165; вдох младенца 126; и последний параграфы В; мифологема первых близнецов, *см. отдельно*; первенец 6; первожертва 159; первородный грех 164; первородный хаос 147; первочеловек Пуруша 172; первый человек (страны)

200, 205; смертный Яма 170; смех ребенка 184, 187, 187п; убийство врага 179, 179п, 181; человеческая пара 164, 170

перевернутость, перевертни, перевертыши: антигероя 171; гэев 176; двойник-перевертень 15, 172; временные, постоянные 184; иного мира 178; карнавальных героев 184; обряда вызывания дождя 190; стягиваются к празднику [178], 179, 184, 189; черт-перевертень 121

перевоплощаться, перевоплощение, воплощаться 178, 182; в несколько вещей 39, 40; использование дыхания для этого 129; мешающие этому обстоятельства 37; невозможность описания, слова для описания 38

переворачивать, переворачивание (инверсия) 177—179 и 181 (противопоставлений), 184, 185; его побочные продукты 178, 189, 193; и смех, смешное 185, 189; как способ изучения праздника 177; карнавальное, праздничное, переворачивающая энергия карнавала 176, 184, 187, 189, 193, 201; мужской переворот 182п; переворачивающий принцип коллажа 185; с ног на голову 185; сказка переворачивает близнецов 157; слова для получения черного заговора 15, 15п

передразнивать: нелюбовь к передразниванию, свойство клоуна 15; свойство отражения в зеркале 29

перекресток, распутье 96, 96п, 107

перерождение, *см.* возрождение

переставлять: будущее и прошлое 101; верх и низ 177, 177п; дуальные половины 177; «еще» и «уже» 101; начало и конец 96, [101], 104; царя и шута 177; *см. также* переворачивать

перешагивать, переступать, перепрыгивать: через жертву 7; через могилу 6, 107 (через умершего младенца); через порог 95, 109, 109п

петроглифы 158

п.... 69, 69п; «накрыться п.....» 8

Платон 31п, 167, 167п, 168

плодородие: в описании гульфика Гаргантюа 63; в проекте Панурга 80, 80п; к нему приводит убийство жертвы 169; лона 82; обеспечивающие его ритуалы 191; плодоносные качества невесты 154

площадь 199п, 200, 200п, 202, 203, 203п; карнавальная, праздничная 178, 179, 195, 198, 198п; конкуренция двух площадей 203п; круглая и прямоугольная 203, 206, 206п; Ленина 203; народ на ней 206; площадка церемониальная 178; Театральная 198, 198п, 203

победа 110, 143, 170; близнец-победитель 160, 163; в борьбе-единоборстве 151; временная 156; героя над драконом 156; души-дыхания над душой-отражением 128; ее иконография 151, 152; ее иллюзия в мужском ритуале 147; жены над мужем 84; над зимней стужей 201; обмен крестами как победа 142п; Театральной площади над площадью Ленина 203; победа-попирание 151; трикстерная 151

побочные продукты праздника 178, 189, 193; агрессивность 194, 196; праздничная травестия 193; сатира 193; смех 189, 193, 196

поведение: агрессивное 194, 194п; женщин вызывающее (рит.) 181; двойника 15; «культурное», «природное» и «историческое» 196; ребенка во время коллективного монолога 30п; теней 10

повтор: благой, «дурной» 172, 174; молчаливый (в ритуале) 172п; тройной (в ритуале) 96, 98, 139, 139п, 149, 172

подкова 93, 108

подражать: волкам 5; неудачно брату-близнецу 15; противоположному полу 147, 179; тотему 53

подруга 81, 167; Адама 145; самца бабочки-бархатницы 51, 51п

поединок: бога грозы со своим противником 170, 170п; вечный идентичных близнецов 156; двух мужчин за будущего сына 155; Сета с Хором 169, 169п

поза: аватар Вишну 53; женщин и мужчин при мочеиспускании 147; подставления у обезьян как знак подчинения и просьбы 169, 169п; попирания 152, 163; хищника и жертвы на сцене терзания 169; *см. также* бандха

покойник, *см.* мертвец

пол 81; менять его 179; одежда противоположного пола 179, 181, 182; передача магических знаний одним полом другому 146; половой акт, *см.* соитие; половые различия (в словах) 65

половина, половины 123, 125, 160; дуальные 177; женская Шивы 86; ночи 157; обмен ими при встрече душ 45; одного целого 86 (о супругах), 123, 125, 150 (новая половина), 160; половинность изначальная 157; полугорсть и полная горсть воды, полузевок и полный зевок, «зевок пополам», тролль наполовину 140, 140п, 157; противопоставленные (о братьях) 157; тела, полушария мозга 146

попирать 110, 151п, 152, 163

порог (дома) 105—110, 105п, 108п, 109п; и путь, дорога 95, 95п, 108, 108п

порча 101, 101п, 150, *см. также кох*

посвящение, *см.* инициация

поэт 116, 117

правое и левое 29, 145; близнецы, правша и левша (о близнецах) 158; грудь и ухо, рука и нога, руки, ягодицы (в приметах) 15, 15п, 30, 146; их противопоставление 15; половины тела, полушария мозга 146; у богини — покровительницы Мадуры 146, 146п; у отражаемого и отражения 15, 29

праздник 175, 176, 182, 192, 194, 196, 198; Аманор 204п; архаичный, первобытный, традиционный 183, 179, 199; гости из иного мира на нем 178 (званые и незваные), 184, 187, 190, 196, 198; европейский средневековый 177п; его герои 198; его главная функция, его движущая сила 189, 196; его организация 178; его побочные продукты, *см. отдельно*; его дочеловеческие корни, «животные» черты, как гость из дочеловеческих времен 196, 196п; его законы 198; его кульминация 195; его пространство и время 178, [203п]; его путь 198; его три приема 178, 179; его участники 178, 181, 184, 189, 195, 198, 200, 206; его фантомы 198, 198п; его хаос 177, 179, 186, 189, 196 (как культурное воплощение Хаоса), 196п, 199—202, 204, 206; женский 181; и агрессия 194, 195, 196; и будни 176—179, 195, 196, 196п, 198; и кентавры 179; и маски, костюмированный бал, маскарад 183; и противопоставления общества 176, 178, 181, 198, 199; как структуралист 177, 198—200; личный 179; масленица, Барекендан 190, 201, 201п, 203, 204п; медвежий 178; Навасард 204п; *навен* 179, 179п, 180, 180п, 181, 181п,

184; неофициальный 202; Нового года 204п; оргиастический 169п; отведенное ему место 178; память о праздничном 196, 196п; первопраздник 198, 198п; политический 178, 194п, 198, 199, 203, 206; праздничная антиструктура 202—205, 203п; праздничная демонстрация (парад) 200, 202, 203, 206; праздничная площадь, *см. под* площадь; праздничные перевоплощения, меняет пол участников, праздничная травестия, праздничное переодевание 179, 182, 184, 193; притягивает / создает перевертышей, праздничное переворачивание 177—179, 184, 189; смеха, праздничный смех 189, 189п, 191, 194; советский 202, 203; создает проходы во времени 198; Хан-Паша 194, 194п, 195, 195п; человек празднующий, Homo feriens 182

превращение, превращения 15, 15п, 38, [52], 128, 129, 136; бани в *банище* и *банника* 71; в Вишну 53; в животное-тотем 53; в Наполеона 52; Даттаки в женщину 86; добычи охотника в девушку 169; дороги в реку (в пословице) 99, 99п; женщины в лису, лисы в женщину, отражения лисы в отражение красавицы 128, 129; жены в возлюбленную 123; котят в мышат 121, 121п; позы подставления у обезьян в универсальный знак 169п; превращать и дуть 133; противника бога грозы 170, 170п; противостояния близнецов в драконоборство 156, 159; ребенка в кавалериста 52; Сета в змея 166, 166п; совершаемое головой 139; совершаемое голосом 136; совершаемое фокусником 98, 133; супруги-половины Пуруши 170, 170п; тролля в королеву, через зевание 140, 140п; червей в драконов 159п; шамана 128; *см. также* преображение *и* трансформация

предки 22, 165, 178; животные человека 185; их духи, их мир, первопредки 178; тотемные 174, 178, 198

прекрасное: его адепты 91, 116; как шок 89, 91

преображение: близнецов в героя и дракона 156, 159; в сказках 139; карнавально преображенное тело 179; танцоров 175

преобразования Галилея 100

Приамурье 178

природа: близость женщин к ней 145, [147]; ее деструктивные силы 194; ее оживание 116; и культура 145, 147 (природное и искусственное), 178, 196, 205; как потусторонний мир, как «участ-

ник» праздника 178; природная триада, *см. под* триада; «природное» поведение 196; природное состояние 180

проклятия 11, 72, 120, 120п, 121, 144, 160

Прометей 160

Пропп, Владимир Я. 191п, 192, 192п

пространство: заполненное женщиной 86; и время праздника, мифологическое «пространство-время» 178; картины 112; пространственный код праздника 203п; прямоугольное 206

противник(и): близнеца-победителя, первопротивник (брат-близнец) 159, 160; бога грозы 160п, 170, 170п; в бою типа *барбаби* 195; в единоборстве 151, 152; возрождается от второго удара 171; его древо жизни 160п; его отрубленная голова 159п, 171; его смерть 160, 171; как перевернутый герой 171; мага 149; новорожденные 152; противник-дракон 159

противоборство, схватка: близнецов 158, 159 (противостояние), 162—164, 170; и любовь 169; на петроглифах 158; самцов обезьян 169; сводных братьев 157; *см. также* бой

противоположности: их встреча, их неразличение детьми 49

противопоставление, противопоставления: Ахилла и черепахи 176; «Великое в малом» 122; верха и низа 48, 81, 193; женщин и мужчин, *см.* женщины и мужчины; их размытость, их не видят, явные и скрытые, их отрицание 176—178, 176п; их полюса, сближаются 176, 177; их система у гурурумба 147; меняются местами, переворачиваются 176—178; младшего и старшего 159; невзрачных самок и нарядных самцов (у животных) 180; общества (и праздник) 176—178, 181, 198, 199; отцовских и материнских родственников 180; первое 172; правого и левого, *см.* правое и левое; праздника и будней, *см. под* праздник; природы и культуры 145, 147, 178, 196

прошлое: прошедший год 201, 205; прошлая жизнь 138; прошлые движения 32; свое как чужое 25

психологи, психоаналитики 87, 146, 168, 170, 176, 181, 182, 185

птица, птицы: в загадке 99, 99п; в Кащеевой смерти 160, 160п, 170; воробей 43; выносит младшего брата на белый свет 158; голуби, их самки и родители 125, 125п; и гусеницы 4, 4п; из сна

45; индюк 135; их преследует самец бабочки-бархатницы 51, 51п; какаду (и клитор) 43, 43п; курица (и яйцо) 52, 160, 189; на вершине мирового древа 163; со змеей в клюве 152, 152п; ? сопровождают Мауи 192; трясогузка становится причиной укрепления оков Амирани, не может удержаться от смеха (в мифе о Мауи) 160, 192; яркое оперение самцов и невзрачное самок 145

Пуруша 86, 170, 170п, 172, 172п, 188

путешествие 108, 122; антрополога во времени 198п, 199; путешественники 207, 207п; свадебное 154

путь, пути 93—97, 101, 107, 151, 181; Агасфера 93; Дао 76; его направление, и угол 97; его начало, его середина, его конец, без конца 93, 95, 96, 101, 104, 107, 122, 145; его «откатывание» 101, 152; его отсутствие 38; его раздвоение, распутье, перекресток 96; живых и мертвых 128; жизни 107; знание его 49; и дом, и порог 95, 95п, 97, 101 (внутри дома), 108, 123 (составлять целое с домашними в пути); и мост 96; и обувь 95; идти одним путем 151; к венцу 150, 150п; к сердцу женщины 132; лисьи 128; Любви 175; манипулировать ими 151; назад 104; непересекающиеся 152; огня 97; описание как путь, сюжет как путь 32, 74п; перевернутый 104; пересекать, перерезать, рубить поперек 96—98, 105; пожелание счастливого пути 122; последний 203; праздника 198; прокладывать 96 (в гадании), 101; путеводная звезда 175; путешествие, *см. отдельно*; путник 107, 122, 122п, 188; соперников 152; условный 38; *см. также* дорога

пятки 15 (вперед пятками), 101 и 101п (назад пятками)

Рабле, Франсуа 63, 64, 81, 99п, 166п

раздевание, *см.* обнажение

разрядка: агрессивности 195; праздничная 202; эмоциональная 189 (и стресс), 189п, 195, 204

Рамакришна 91

Распятие 162, 164п, *см. также под* крест

рассказчик: и художник 166; сказитель 50, 192; сказочник 43

растение, растения: *бедеткау*, ими прорастает пролившееся семя Сета 166; бессмертник 19; в виде растения возрождается поверженный дракон 159; вегетативное оформление смерти Авеля 166;

вызывающие охмеление или виде́ния 160; двуединый цветок иван-да-марья 164; дерево, *см. отдельно*; его ростом завершается смертельная борьба братьев-близнецов 164; растительный код основного мифа 166п; *сулумвойя* 137, 137п, 164, 164п

ребенок, младенец, дети 120, 121, 127, 128, 131, 141, 151: в коллективном монологе 30, 30п; в сороковинах 150—152, 150п; глухонемые, иноязычные 30; детеныш обезьяны 169; детская эхолалия 173; детство 192; дочь, *см. отдельно*; его будущее 121; его испуг сменяется смехом 192; его крики 70, 131 (первый), 181; его первые слова 131, 137, 173; его первый вдох, его первый выдох 126, 131; его первый смех 187, 187п; его сценический двойник 173; занимает место отца 150; и его любимая кукла 125; и мать, *см. под* мать; и зеркало 15, 15п, 23; и «неребенок»-моча 6, 149; и одежда 141; их игры 195; их рисунки 42, 95, 108; как мальчик 131, 154, *см. также* сын; младенец Артавазд, детеныш дракона 159, 159п; младенец Кришна 185; не живущие, рано умирающие 102, 102п, 149, 155; неразличение им противоположностей 49; новорожденный, *см. отдельно*; первое дитя и последующие 141, 141п, раздваивается на близнецов 155; разъединяет родителей 150; сглаз от матери 121; сын, *см. отдельно*; умершие, способы захоронения 107, 107п

революция 193; карнавальная 193—195; левый, женский бунт 147; мужской переворот 182п; революционеры 193 (и карнавал), 202; революционный хаос 202

regressus: ad faciem, ad mammum, ad uterum 148

речь: в заклинании 139, 139п; внутренняя 32, 32п, 120, 121; и дыхание 131, 131п, 137; непристойная 139

Ригведа 170п

ритуал, обряд 6, 67п, 70, 71п, 130, 130п, 142, 142п, 144, 144п, 146, 150, 154, 172, 174, 181, 182, 186, 191, 192, 194, 200, 201, 201п, 203, 204; вызывания дождя 190—192, 190п; гадания, *см. отдельно*; главная ритуальная драма 198п; обрядовые действия 98п, 172, 174; его искусственность 147; его торжественность [190], 192, 204, 205; и грозящий миру хаос 204, 204п; и миф 164, 182; и напряжение 204п; и праздник 204; и сверхструктура 204, 205; и страх и смех 186, 191, 204; исполняемый

в молчании 172; мужской 147, 182; пограничный 201п; ритуальные повторы 96, 98, 139, 139п, 149, 172, 172п; ритуальные эксперты 168; ритуальный лидер 191; свадебный банный обряд 71, 71п; *тьирмумук* 186, 186п

рог 65, 82; женщина, держащая рог 82; и лоно, и фалл 62, 62п, 63; изобилия 63, 63п, 82, 82п (истоки образа), 98; quadricornutus binarius 172

родители 202; близнецы посягают на их жизнь 146, 146п; их двусоставное целое 150, 154; их проклятие 160, 160п; их язык 30; получаемое от них Х-сцепленное наследование 146, 146п; прародительница маорийская 192; предки, *см. отдельно*; приемные (голубей) 125, 125п; *см. также* отец *и* мать

рождать(ся), рождение: близнецов 31, 157 (раньше времени); в бане, заново после бани 69—71; возрождение, перерождение, *см. отдельно*; второй раз, второе 171; добро рождает зло, слово рождает дело 121; зарождение света 92; звуки-слова 132; и смерть 102, 171 (героя и противника); новорожденный, *см. отдельно*; порождающие свойства 63 (рога), 64 (туфли), 69—71 (бани), 98 (стола), 193 (праздника); прошлое, заслуги в нем 84; родовые муки, имитируемые мужчинами 147; рождающие органы 69; роженица, родильница 70, 71, 98, 102, 102п; текстов (в ящике) 75; чудесное, необычное 31

романтизм 75

рост, *см.* вырастать

рот 133; жертвенного буйвола 141; пасть маорийской прародительницы 192; разинутый, при зевании 140, 185 (младенца Кришны), 185п

ругательства 8, 62, 64, 69, 69п, 81; армянская «патерщина» 169; в адрес доли матери брата 157; в адрес повивальной бабки 70; выражения в мужской среде 81; карнавальное сквернословие 191, 194 (в Хан-Паше); ритуальное сквернословие, эсхрология 191; ругаемый 69, 81

рука, руки 15, 30, 146, 175; богатырская 171; брать на руки ребенка (против *коха*) 150; делать выпады ею (в магии) 144; жить «рука в руку» 142, 142п; левая, правая 15, 30, 146; ловкость рук 151; мертвеца 98, 98п; пьющего на брудершафт 142; ранят

руку и язык (рит.) 144; руки Маринки, их отсекает Добрыня 165; рукотворный хаос 207; творить одной, разрушать другой (о трикстере) 168; художника 156, 156п, 162, 164

русские, русское 7, 7п, 8, 8п, 11, 11п, 15, 15п, 29, 29п, 56, 56п, 62, 62п, 69, 69п, 70—73, 70п—72п, 78, 78п, 81, 81п, 85, 86п, 92, 92п, 93, 93п, 95—99, 95п—99п, 101—106, 101п—106п, 109, 109п, 120, 120п, 121, 121п, 127—131, 127п—131п, 133, 133п, 135, 135п, 137—143, 137п—143п, 146, 146п, 151, 151п, 157, 157п, 160, 160п, 164, 164п, 165, 165п, 170, 170п, 171, 176, 176п, 196, 196п, 201, 201п

сам, себя 27, 133: говорить с самим собой, себе, *см. под* говорить; действовать само по себе, само собой 27, 59, 121, 132, 144; другой во мне 30; жертва себе 119; играть в шашки с самим собой 28; любить себя в другом 125; наблюдать за собой 20, 27, 119; образ самого себя, *см. отдельно*; прийти в себя (после шока) 91; сам с собой (говорить, уединяться) В, 27, 30, 133; самоубийство нартских близнецов 157, 161; свое и чужое 109; сглазить себя (думая) 120; своя смерть, ее описание 87; смотреть в себя, углубиться в себя 109, 100; сон о себе в разные годы 39; *см. также* я

самадхи 91

Санасар и Багдасар 157, 157п

Саранью 137

Сарьян, Мартирос 206п

Сасунские безумцы 160, *см. также* Санасар и Багдасар *и* Давид из Сасуна

сатира: как побочный продукт карнавала 193; сатирический смех 194

свадьба, свадебное 86, 142, 154, 184; обряд венчания, опасности на пути к венцу 150, 150п, 154; свадебное путешествие 154; свадебный банный обряд 71, 71п; свадебный обряд «заклание быка» 151; свадебный стол 143, 143п; сорокодневье после нее 154

свет (мир): «белый свет» 158, 161, 171; его зарождение 92, 92п; конец света 162; тот, иной 11, *см. также под* мир (мир иной); *см. также* мир

связь: бандха, *см. отдельно*; любовная запретная, *см.* инцест; между вещами (обычно не связываемыми), неожиданная, неявная, парадоксальная 116—118; между противопоставлениями 48; между человеком и его двойником 16; между близнецами-гомосексуалистами, ее отрицание 125, 125п; перекрестная 146; с началом времен 178

Святогор 160

сглаз 120, 123; от матери 121, 150

семя: бывшего космоса (о Ноевом ковчеге) 207; в системе противопоставлений у гурурумба 147; и дыхание 137, 137п, 142; мужа, мужа и жены 131, 137, 142; пролившееся у отшельника 145; пролитое Вивасватом 137; пролитое Сетом на землю 166; три семени с райского древа жизни 164; удерживающий его (ūrdhvaretas) 147; Хора, от него беременеет Сет 169, 169п

Серам, о-в 166, 166п

сердце 128, 128п, 157, 175; богатыря 171; его пять божественных отверстий 137, 137п; и тело 128; «любить всем сердцем» 142; «не на месте» (при страхе) 120п; решение созревает в нем 133, 133п; человека и лисы 128

сестра, *см.* брат и сестра

Сет 157, 157п, 166, 166п, 169, 169п

симметрия, симметричность: архитектурная 80; в обряде снятия *коха* 150; героя и противника 171; зеркально-симметричные звенья дерева 163; «зеркальных» близнецов 158; трехчастные зеркально-симметричные композиции 156, 156п

сиу 131, 131п

сказка (волшебная) 44, 73, 96, 146, 157, 158, 165, 165п, 171, 171п, 192п

след 93, 93п, 97; вины за жертвой 159, 160; *к'аджк'а* 15; сделанное как след 25

слово, слова: бессловесность нежити (нечисти) 131, 131п, 138, 138п; в начале 174; в него сворачивается история 164; для описания перемещения или перевоплощения 38; доверять им [87], 120; дурные, злые, лживые 121, 135, 139; его тайные механизмы 123; и дело 121, 171 (у богатыря), 173, 194, 195; и душа, и

дыхание 130—133, 136, 138; и дым, их летучесть 130, 132; и мысль 133, 135; и увиденное 173; контроль над ними 120; любящий слово, филолог В; мое и других 26; на словах 120; не находить их 89; не произносить их 123, 136; обычное 132; первые ребенка 137; половые различия, передаваемые им 65; проходящие через ящик, получаемые на его выходе 88, 115; при исполнении магического обряда 123, 137, 144, *см. также* заговоры, заклинания; проходящие через голову и застревающие в ней 139; скрытые в мелодии 132, 136

слышать: «души не слышать» 142, 142п; и видеть 173; «слышать запах» 139, 142

смерть, гибель 175; Авеля 166; бессмертие 164, 167, 192; бессмертник 19; близнецов 157, 161, 163 («левого» близнеца), 164, 164п, 166, [166п]; боги смерти 169; временная 158, 171; две смерти 101, 101п; ее приметы 16; жены после первой брачной ночи 165; и жизнь, *см.* жизнь и смерть; инцестуозных брата и сестры 164, 164п, 166; Кащея в яйце 160п, 170; клетки (ее деление) 200, 207; мира 204; на грани смерти 207; наблюдение за нею, ее описание 87; первый смертный Яма 170; праздничная «смерть» 201; противника, антигероя 160, 171; «смеющаяся смерть» 195; *см. также* умирать

смех 30, 118, 185п; «атом смеха», вдвоем, его заразительность 187; «веселый» и «серьезный» 191, 192; его предыстория, его социальное происхождение 185, 187; его эротическая сторона, «хахаль» 187, 187п; закадровый 191; запрет смеяться, Несмеяна, трясогузка не смогла удержаться от него 192, 192п; и агрессия 194, 195п, 196; и переворачивание 189; и праздник 184 (в *навене*), 189, 189п, 191 (праздник смеха), 194 (в Хан-Паше), 196; и ритуальное сквернословие 191, 191п; и страх 184—190, 192, 194; искусственный 191; матери, первый ребенка 184, 187, 187п; наедине 187; от вида поднятого пальца, чувство юмора, идеальный юморист 118, 185; праздничный; ритуальный 191; сардонический 191, 191п; сатирический 194; смеховой шок 185; «смеющаяся смерть» 195; «хахаль» 187; человек смеющийся, Homo ridens 184

совокупление, *см.* соитие

создатель: Создатель 145; созидатель в трикстере 171, фильма 114

соитие, совокупление 137, 142: бандха, *см. отдельно*; и борьба, убийство, охота 169, 169п, 170; и дух мужа, душа жены 142; изображение членов в соитии 79; карнавальное 179—181; первая брачная ночь 71, 165; поза подставления у обезьян становится универсальным знаком 169, 169п; Пуруши со своей половиной-супругой 86, 170; спаривание, терзание принимается за него 169; тантриста с *шакти* 167; *см. также под* любовь (акт любви)

Сократ 31п, 124п

Солорские о-ва 166, 166п

сомнение, сомнения 40: богатыря, и второй удар 171; зародыша 84, 84п; от другого 188

сон, сновидение 25, 33, 36, 42, 44, 45, 100, 133, 135, 167; вещий 125; видеть себя во сне 25, 27, 39; Время сновидений, Вечный период сновидений 178, 178п; его возникновение от воздуха 133, 135; и гадание 96; и дыхание 137; из «Земляничной поляны» 13; инцестуозный 125, 125п; Иосифа 157; кошмарный женщины 90, 90п; масштабы во сне 41; навеваемый ворами 98, 98п; о великом плотнике 40; о двух мамах 121; о маслине 37; о столкновении шаров 35; опасность заснуть в бане 71; смена картин во сне 38; сонник 68

Сонора 198п

соперничество: близнецов 157; двух детей в сороковинах 151; мужчин и женщин 147 и 147п (их взаимная зависть); отца и сына 150, 151, 154

сороковины, сорокодневье: новорожденного 150—152, 150п, 154; после свадьбы 154; постели 150

спор 31п, 133, 151, 155, 178; в математической логике 31п; жизненных сил 137, 137п

старики: их убийство 191; «кастрированные» 66; «старики», духи предков 178

стена, стены: дома, вокруг своего мира 106; из «главных женских приманок» 80, 80п; проникать сквозь них 109, [123]

стол: его способность рождать, и роженица 98; новогодний 205; свадебный 143, 143п

столб 156; железный, к нему прикован Амирани 160; золотой посреди моря 15

страх [98], 120п, 121, 192, 202: «атом страха» 188; бесстрашие 186; в советском обществе 202; во сне 40; вызывает шок 184; духов перед праведниками 120; его преодоление 198, 204; и агрессивное поведение 194, 194п; и смех 184—190, 192, 194; мужчин перед женщинами 147; начальный 184; одинокий, от другого, второго, и слово «два», и второй удар 171, 172, 172п, 188; от змеиности Евы 167; от отсутствия отражения в зеркале 16; от Хаоса 147; от чихания перед дорогой 133; птичек в мифе о Мауи 192; при встрече с необычным, от *хиджр* 184; Пуруши 172, 172п, 188; ребенка 15 (от своего двойника), 16 (от фотографирования), 121, 192 (сменяется смехом); «сеанс страха» во время инициации 186; смерти 101, 102; страшные персонажи 184, 204; человек боящийся, Homo timens 184

стресс (и разрядка) 189

структура 200—202, 201п, 205; антиструктура 201—205, 201п, 203п; бесструктурность 201 (карнавала), 202 (хаоса); космоса 199 (старая и новая), 200; невидимая и видимая 200, 207; сверхструктура 200—207, 200п; структурное напряжение общества 193; структурные изменения 202; хаоса 201; этническая 207; структурализм 177, 198—200, *см. также под* праздник (праздник как структуралист); постструктурализм 176п

субинцизия 147, 168, 168п

судьба 75, 125: в девичьих гаданиях 96, 96п, 97, 97п; в новогодних гаданиях 205; волос Ионы 161; Звартноца 206; индюка или лягушки 135; искусственно создаваемая 121; купальских Ивана и Марьи 164п; младенца в сороковинах 152; близнецов 164, 166; судьбу героя предвещает его изначальная ущербность, ущербного брата 157; Ямы 170п

супруги, *см.* муж и жена

сын: и мать 146, 146п, 154; и отец, *см.* отец и сын; младший, наказывается Громовержцем 160, 160п; моделирует *кох* 154; Осириса Хор 166

Тайттирия-брахмана 172п

Таманян, Александр 206, 206п

танец, танцы: женщин 79, 123 и 123п, (военные танцы) 181, 181п; колдуна 53; народный, национальный 175, 200; пляска ночная (у австралийцев) 132; танцевальный период 105; теней и ручейков 85; Шивы 40

Тантра 167

тело 34, 40, 82, 103, 131, 133, 135, 136, 144, 175; Адама 164; бестелесность образов 33, 34, 38; его обнажение 79, *см. также* обнажение; его отверстия, входы, естественные и искусственные 137, 140; его правая и левая половины 146; его части: руки, ноги, голова, грудь, фалл и т. п., *см. каждую отдельно*; и душа 36; и сердце 128; карнавально преображенное 179; мертвое 149; маорийской прародительницы 192; обмениваться / сливаться телами 142; «перевернутое» гэев 179; погибшего близнеца, из него вырастает дерево 163; свое 23; старое и новое 71; тело женщины у русалки 45; телесный низ 62, 69 (телесная могила), 80, 81; тельный (нательный) крест 103, 103п, 142, 142п

тень 1, 11, 33, 95, 95п, 110, 156; архетип Тени 168п, 182; бабочки 51; гость из двумерного мира, наложение теней 33; ее отсутствие 10, 11, 11п, 16; ее поведение 10; ее убийство, в проклятии 11; и дорога 95; и ее обладатель 11, 13, 16; и отбрасывающий ее предмет 11, 34, 34п, 39, 40; и отражение 19, 128; с просветами 19 (отбрасываемая зеркалом), 110

Тифон 166

тоби 164

Тонга, о-ва 133

тонганцы 133, 133п, 140

Топоров, Владимир Н. 160п

тотем 53, 178, 198

торжественность, торжественное: и веселое 190, 192 (серьезность и веселость), 203, 205, 206; и прямоугольное пространство 206; ритуала 192, 204

травестия, трансвестизм, трансвеститы 179—182, 190, 191, 193; drag queen 179; и транссексуалы 179; карнавальные, ритуальные 180, 181

трансформация: Громовержца и его противника Змея 160п; царевича в вишапа 159; *см. также* превращение

транссексуалы 179, 182; они красивее женщин, и трансвеститы 179; шаман с измененным полом 184

три: дерева, соединившиеся в одно 164; трехчастность, трехъярусность Звартноца 206, 207, 207п; трехчастные зеркально-симметричные композиции 156, 156п, 158; три мира 172; три приема праздника 178, 179; три состояния общества 200п; триада, *см. отдельно*; триколор 199; тройной повтор (в ритуале) 96, 98, 139, 139п, 149, 172

триада: героя «рождение, временная смерть, второе рождение», антигероя «смерть, временная смерть, второе рождение» 171; думать, дуть, делать 144; корова, бык, теленок 131, 131п; культурная «мысль, слово, дело» В, [120], 121, 132, 144; одно рождение, одно слово, один удар 171п; отец, мать, сын 154, [155]; природная «дело, слово, мысль» В; речь, дыхание, разум 131, 131п

трикстер 151, 168, 168п, 171, 182; трикстерная природа Мауи 192

Тробриан, о-ва 66

тробрианцы 43, 43п, 66, 66п, 105, 105п, 130, 130п, 137—139, 137п, 138п, 142, 142п, 164, 164п

тролль 140, 140п

Туманян, Ованес 171п

убийство: близнецов 29, 155; братоубийство первое библейское 166п; жертвы 159, 169, 164, 195; и соитие 169; казнь Маринки 165; Митрой быка, свадебный обряд «заклание быка» 151; первое убийство врага 179, 179п, 181; ритуальное крольчихи-бандикут 144; стариков 191; терзание благое 169, 169п

угол 97, 97п, 105, 105п, 106

узнавать: на ощупь 21; распознавать *к'аджк'а* 15; себя в зеркале, не узнавать свое отражение, себя в брате 15, 21, 22

умирать: во сне 68; душа умирающего 126; и возрождаться, воскресать, восставать 67, 82 (о фалле), 87 (для описания своей смерти)

утроба материнская 84, 154, 157, 166, 170; возврат в нее (regressus ad uterum) 141, 142, 148; и душа отца 141; противоборство и инцест близнецов в ней 157, 170; *см. также* чрево

ухо, уши 21, 139, 139п; волшебной коровы 139; защищенные (у девок) 139; и «внушать» 139; и душа, и дыхание 137, 139, 139п; лечение женским молоком 146, 146п; уховертки 139, 139п

участники: драмы 173; обряда 201; праздника 176, 181, 184, 189, 195, 196, 198, 200, 206

фалл 62 (фирс), [80], [137], 142; возрастающий и убывающий 67; его крайняя плоть 67, 82, 168; его подобия 85, 190 (половник, в ритуале); и палец 81; и рог 62, 62п; и хвост рыбы 66; как оружие у бронзовых статуэток, фаллические воины, фаллические охотники 169, 169п; лингам 82; моржа 62; оперированный, разрез на его невидимой стороне 147, 168; «фалло-лоно», йони-лингам 82, 168

феминизм 154, 176

фиджийцы 128, 128п

филолог В

философ В

филург, филургия В, Вп, 176, 196

фильм В, 114, 183: его героиня, его зрители 114, 183, 191; закадровый смех 191; иллюзия движения в кино, кинематографическая модель восприятия мира 124, 124п

финны 15, 15п

Флуар и Бланшефлор 167, 167п

фокусник 98, 133, 206

фотография: бушменов в опыте Ж. Буто 173, 173п; страх от фотографирования 16

Хан-Паша 194, 194п, 195, 195п

хаос [97], 202, 204—206; безверия 207п; в дочеловеческом обществе 196; веселья 186; его образы 204; его структура 201; естественный, «культурный», рукотворный 196, 204, 206, 207; и космос 202; микромира 199; первородный 147; политический 207; праздника, праздничный 177, 179, 186, 189, 196, 196п, 199—202, 204, 206; революционный 202; случайный зародыш в его гуще, ядро в нем (о группе инициантов) 186, 199; социальный 204; хаосология 199п; «хаотический» образ жизни прачеловека 196п

хвост: рыбы как фалл 66; русалки 37, 45

Хлебников, Велимир 38

Хндзореск 190

хозяин, хозяйка 105; и ветер, и дым 142, 142п; опахивает двор сохою на жене 8; рожает в сенях 102, 102п; хозяйка-демиург, гадает в канун Нового года 205, 205п

Хокарт, Артур М. 142п

Хор 166, 169, 169п

храм, церковь: Гагкашен 206, 207, 207п; Гефсиманская церковь 206, 206п; Звартноц, *см. отдельно*; кафедральный собор в Ереване 206; культуры 206; круглый 206; церковь Богородицы в Егварде 169; церковь Сент-Шапель 207, 207п; языческий «песни и любви» 206, 206п

художник 112п, 145, 156, 162, 163, 167; батакский 164; в каждом из нас 163, 164; его изображение охоты 169; его отражение в зеркале 112, 112п; и рассказчик 166; карикатурист и мастер дзен 185; оформление им противоборства близнецов 163; память его руки 156, 164; скульптор армянский средневековый 169; создавший рельефы в Сент-Шапель 207; художник-майя 169; художники-иллюминаторы 161, 162

царевич, царевна: царевич-вишап Артавазд 159, 161, 162, 204; царевну похищает демон, возвращает герой 75; царевну троянскую спасает Геракл 162

царь: и шут 177; как всеобщий отец 154; царский трон 157; царь-девица 170, 179п

целовать(ся), поцелуй: и дыхание 131; молодых подслащает вино 143, 143п; на прощанье 122, 123; не разрешать младенцам 131, 131п; ребенка 136; флейты-*кхена* 136

целое, целостность, цельность 122; двуединое 168; его расщепление на близнецов 168п; ее стремятся вернуть разделенные близнецы 168; жениха и невесты 86, 154, 154п; и его части 123, 133, 175; идеальная мать-сын 152; муж как его половина 123; разъединение его половин 125; родителей 150, 154; семи Семионов 157, 157п; составлять целое с домашними в пути 123

цель 77, 82, 93

церковь, *см.* храм

человек, люди, человеческое 11, 26, 28, 30; архаичный 178, 178п; боящийся, Homo timens 184; воспитанный волками 24; грань человеческого В; де́ла 171; дочеловеческое 182, 185, 196, 196п; его агрессивность, приписываемые ей животные черты 196; его библейские прародители, первая человеческая пара 164, 170; его организм 195; животные предки человека 185; и божественное в Христе 155; и его двойник 16; и закон перекрестных соответствий 146; и лисы 128, 128п; из праха земного 125; из цветов (в алтайской легенде) 137; не отражающийся в зеркале 16; не человек 88, 91, 116, 118; на грани смерти 207; люди-звери, люди и звери в реконструкциях и мифах 182, 196; модель его жизни 205; облик 37, 128; очеловечивание 65; первочеловек Пуруша 86, 170, 170п, 172, 172п, 188; первый страны 200, 205; празднующий, Homo feriens 182; прачеловек 196п; простой, ученый 100; смеющийся, Homo ridens 184; человеческий род 165; человеческое в наблюдателе 88; человечество 81 (его Золотой век), 159 (его грехи), 160 (его гибель), 192

черное: заговор, месса 15; маг 16; ящик 88

чёрт 80, 81, 96, 96п, 120—122, 122п, 188; его бессилие 122; и болото 72, 72п; как отражение бога 15, 158; лукавый 121; служащие ему 15; «Чортик» Хлебникова 38; *см. также* дьявол

Чжуан-цзы 137

числа; больше двух в сказках 157; два, *см. отдельно*; неполное 165п; один 171, 171п; пять 48; семь 157, 157п; сорок, *см.*

сороковины; три, *см. отдельно*; четыре 172 (quadricornutus binarius, четвертый раз в ритуале)

чихание 133, 133п, 140

чрево: бесплодной женщины, и могила 6, [7]; мертвое 149; *см. также* утроба *и* лоно

чудовище: морское, проглотившее Иону, морское, противник Геракла, проглотившее Амирани 161; хаос в образе чудища 204

чужое, чужие: в образе самого себя 27; в языке 26; жена как чужая, невеста как чужая 109, 123; и свое 109; их класс 150; не различают его 142; няня как чужая 152; мир 109, 204; предназначенные для агрессии (в празднике) 195; *см. также* другой

чуринги 178

Чхандогья упанишада 137п

***ш**акти* 167

шаман 128: антрополог как шаман 198п; с измененным полом 184; шаманские жезлы 164, 164п

Шатапатха-брахмана 133, 172п

Шива 40, 86

шок, шоковое состояние 117; веселый, смеховой, и страх и смех 118, 184, 185, 190; и прекрасное, их классификация 89, 91; от встречи с неизвестным 184; шоковый трюк, манипулирование шоковыми ситуациями, шоковое прозрение, к нему прибегает мастер дзен 185

шут: и царь 177

эвенки 128

Эдип 125, 146, 154; Эдипов комплекс 146, 150 и 154 (его дофрейдово проявление)

эпос 157, 157п, 158, 159п; близнечность образов армянского эпоса 157; и устные тексты сказителя 50; эпический двойник 157

Эрлик 137, 137п

Эрот 124, 124п

эсхатология 161, 204

эсхрология 191

этнолог, *см.* антрополог
эхолалия 173

юмор: идеальный юморист, чувство юмора, юмористический рисунок 118, 185; шутка 121

я, сам: говорить с самим собой, себе, *см. под* говорить; другое я, *см. отдельно*; другой во мне 30; жертва себе 119; и двойник 29; играть в шашки с самим собой 28; любить себя в другом 125; наблюдать за собой 20, 27, 119; образ самого себя, *см. отдельно*; прийти в себя (после шока) 91; сам с собой (говорить, уединяться) В, 27, 30, 133; свое и чужое 109; сглазить себя (думая) 120; своя смерть, ее описание 87; смотреть в себя, углубиться в себя 100, 109; сон о себе в разные годы 39; *см. также* сам

Яджнявалкья 86

язык 32; абазинский, абхазский 25, 25п; английский 26; аранда 124п; армянский 11, 151, 151п, 164, 172; душевнобольных 116; его ранят в ритуале, и рука 144; из языка погибшего брата вырастает кокосовая пальма, из-под языка Адама вырастает триединое дерево 164, 166; немецкий 172; описание возникновения 87; отсыхает (в проклятии) 121; получение его, *см. под* ящик (со входом и выходом); процесс его создавания 89; родителей, родной 30, 65; русский 25, 151, 164; эвенкийский 128

яйцо: и курица 52, 160, 189; любовь царь-девицы в нем 170, 179п; мировое 32, 160; смерть Кащея в нем 160, 160п, 170; «черти яйца катают» 96, 96п

Яма и Ями 170п

ящик: игра для определения вещи и места 74, 75, 77, [78], [79]; со входом и выходом 87, 88 (черный, слова на выходе), 91 (средний, отвечающий шоком на всякий сигнал), 115 и 116 (его фильтры, тексты и язык на выходе), [117], 118 (смех на выходе)

Levon Abrahamian

Conversations near a Tree

In this book the traditions of different peoples are interpreted in their verbal (proverbs, sayings, mythological stories) and especially in their active (behaviour, rituals, festivals) manifestations. Although the author is a specialist in cultural anthropology and the essays undoubtedly bear the stamp of his profession, they hardly fit one specific genre. A narrow circle of readers who are familiar with «Conversations» from published excerpts or have read the manuscript, define it as philosophical or rather poetical anthropology. «Conversations» makes an attempt to go back to the condition when poetry, magic, science, and fine art were not yet divided, however, this reunification takes into consideration the knowledge of today and our irreversible state of splitting.

The book has a detailed Index.